

Александр Калмыков

НА ПУТИ «ТАЙФУНА»

На пути «Тайфуна»

А теперь на запад

Жаркий декабрь

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Александр Калмыков

**На пути «Тайфуна»: На
пути «Тайфуна». А теперь
на Запад. Жаркий декабрь**

«Издательство АСТ»

2017-2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Калмыков А. В.

На пути «Тайфуна»: На пути «Тайфуна». А теперь на Запад.
Жаркий декабрь / А. В. Калмыков — «Издательство АСТ»,
2017-2018 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-138544-6

Осень сорок первого года не лучшее время для попаданца. Киев уже пал, к Москве рвутся танковые полчища врага. Но выбирать не приходится, и пришелец из будущего не станет отсиживаться в тылу, пока идет война, а значит, остается один путь – на фронт: помогать своим предкам там, куда его привела судьба.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-138544-6

© Калмыков А. В., 2017-2018
© Издательство АСТ, 2017-2018

Содержание

На пути Тайфуна	6
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	49
Глава 5	61
Глава 6	74
Глава 7	95
Глава 8	107
Глава 9	117
Глава 10	125
Глава 11	142
Глава 12	156
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Александр Калмыков
На пути «Тайфуна». А теперь
на Запад. Жаркий декабрь

© Александр Калмыков, 2021

©ООО «Издательство АСТ», 2021

На пути Тайфуна

Глава 1

18 сентября 1942 г.

Сталин сердито ходил по своему кабинету, в раздражении перекладывая из рук в руки пустую трубку. Причины для недовольства у него имелись более чем серьезные. Положение на юге стало просто катастрофическим, а ведь еще несколько дней назад в его силах было спасти ситуацию. Но он до последнего момента надеялся, что Гудериана удастся остановить. Шапошников, которому Верховный так верил, утверждал, что Брянский фронт в состоянии помочь Юго-Западному, и что никакого окружения не будет. И он, Сталин, не стал прислушиваться ни к командующему фронту, ни к старому соратнику Буденному, возглавлявшему южное направление, считая, что они просто поддались панике.

Даже когда 12 сентября с Кременчугского плацдарма начала наступление немецкая танковая группа, сразу прорвавшая фронт, он все еще надеялся, что окружения удастся избежать. Достаточно только назначить нового главкома направления. Но новый главком – Тимошенко, тоже подтвердил, что нужно оставить Киев и как можно скорее отходить на восток. Вот только пока назначали нового командующего и пока он разбирался в текущей обстановке, драгоценные дни, когда еще оставалась возможность спасти хотя бы часть войск, были потеряны. Потом еще сутки шли согласования со Ставкой, и потому приказ об оставлении Киева, который был издан вчера, уже не имел никакого значения. Немцы замкнули кольцо окружения, в которое попали 450 тысяч человек. Без подвоза боеприпасов они смогут продержаться лишь несколько дней. К тому же большинство окруженцев были плохо вооруженными тыловиками, которые не в состоянии организовать устойчивую оборону. Хорошо, если хотя бы тысяч пятьдесят или шестьдесят из них смогут выйти из кольца окружения, а остальных, к сожалению, ждут гибель или плен.

Хотя ни один человек не осмелится сказать ему это в глаза, но Сталин знал, что в поражении советских войск на юге в конечном итоге виноват он, Верховный главнокомандующий.

Для исправления ситуации на фронте срочно требовалась помощь, но взять ее было неоткуда. Переговоры с Англией об открытии Второго фронта шли уже два месяца, но Черчилль упорно игнорирует все просьбы высадить свои войска в Западной Европе или прислать двадцать-тридцать дивизий в Советский Союз. Он даже не хочет провести операцию в Норвегии, мотивируя это недостатком кораблей у Великобритании – совершенно нелепая отговорка для Владычицы морей.

Наконец, Сталин принял решение и, не без некоторого колебания, подошел к столу. «Ну хорошо, – обреченно подумал он, – соглашусь на предложение Берии. Хуже от этого действительно не станет. В конце концов, я просто потрачу несколько минут».

Отбросив сомнения, Верховный, наконец, решительно поднял трубку прямого телефона и коротко приказал наркому внутренних дел:

– Лаврентий, неси.

Что нужно нести, пояснять не требовалось. Началось все несколько недель назад, когда Московский Патриарх предложил помощь церкви для борьбы с врагом. Он, к примеру, советовал поместить чудодейственные иконы в самолет, который должен облететь опасные места фронта. Разумеется, такого разрешения глава Советского государства дать не мог, да и смысла в подобной процедуре никакого не видел. Сталин сам когда-то учился в духовной семинарии и прекрасно знал, что хотя иконы и могут вылечить некоторые болезни, но лишь при условии,

что человек искренне верующий и хорошо поддается внушению. Что же касается боевых действий, то примеры трех войн: Японской, Германской и Гражданской, наглядно показали, что церковь не в силах помочь одолеть противника в современной войне.

Впрочем, некоторого эффекта священники все равно смогли добиться: при малейшем успехе наших войск тут же распускались слухи о том, что помогла чудодейственная икона, которую недавно провозили вдоль линии фронта. Верующих солдат это действительно очень поддерживало, и потому с подобными слухами не боролись.

– Пусть говорят что угодно, хоть то, что у меня в кабинете икона висит, а на фронт ее возит мой личный самолет, – отшучивался Сталин, когда ему докладывали о подобных зарождавшихся мифах. Все равно все прекрасно знали, что вождь боится летать, и личного самолета у него никогда не было. – Если церковники смогут подбодрить хотя бы тысячу бойцов, то уже этим принесут огромную пользу стране.

Но вот что зацепило Верховного, так это предложение воспользоваться шкатулкой Велеса. Официально она называлась реликвией святого Николая, но на самом деле ее происхождение относится еще к эпохе дохристианской Руси. Когда в XIV веке Сергей Радонежский уговорил князя Дмитрия вырубить священные дубовые рощи язычников и изгнать волхвов, то все предметы языческого культа были уничтожены, кроме одного, который якобы помогал стране независимо от того, какую религию в ней исповедовали. Использовал ли ее Дмитрий Донской, в летописях не сказано, но достоверно известно, что артефакт применяли во время Смуты в начале XVII века.

То, что христианский священник уговаривал воспользоваться языческой святыней, заставляло предположить, что она действительно может принести какую-то пользу. Поэтому, на всякий случай, Сталин распорядился шкатулку исследовать и держать наготове.

Нарком внутренних дел вошел в кабинет с чемоданчиком в руке, который нес лично, никому не доверяя. Он извлек из него небольшую шкатулку и, поставив на стол, начал объяснять:

– Сама коробочка значения не имеет, это новодел более поздней эпохи, а вот то, что в ней хранится – действительно вещь уникальная. Честно говоря, я не думаю, что ее могли изготовить древние славяне, да и вообще кто-нибудь в то время.

Артефакт представлял собой белый параллелепипед, размером с небольшую книжку. Только верхняя сторона у него была совершенно черной, с маленьким значком в уголке, похожим на стилизованное изображение головы быка. Видимо, отсюда и появилось легенда, связывающая этот предмет с богом скотоводства Велесом.

– Мы исследовали его всеми возможными методами, товарищ Сталин. Материал не похож на металл, но он очень твердый. Совершенно невозможно сделать скол образца. Его нельзя поцарапать даже алмазом.

– Да, вещь действительно очень странная, – согласился Верховный, – но вот только поможет ли она нам?

Сталин повертел в руках необычный предмет, на котором не имелось ничего похожего на тумблер или кнопку, и осторожно поставил на стол.

– Как его включить?

– Как мне объяснили... хм... священнослужители, глава государства просто должен сказать, что отечество в опасности и попросить помощи. После этого появится человек, который сможет нам помочь.

В СССР официальной должности правителя страны не имелось, но, заняв недавно посты председателя Совнаркома, Верховного главнокомандующего и председателя ГКО, Сталин,

безусловно, стал полноправным главой государства. Поэтому Верховный без тени сомнения нагнулся поближе к странному предмету и отчетливо произнес:

– Отечество в опасности, очень нужна помощь. Срочно!

Тотчас на верхней стороне предмета появилось несколько строчек с непонятными символами, не похожими ни на один земной алфавит. Лишь нижняя строка состояла из вполне узнаваемых арабских цифр, указывающих текущую дату и время:

«1941-09-18 21-05-12-8379 +70».

Экспериментаторы настороженно огляделись вокруг, но больше ничего удивительного не произошло, и таинственный человек так и не появился. Выждав еще пару минут, Сталин задумчиво поинтересовался:

– Лаврентий, а где шкатулка хранилась триста лет назад?

– После Смуты артефакт отправили охранять западную границу страны, как раз в те места, где он изначально появился. Патриархи неодобрительно относились к святыне языческого происхождения, и его не решались держать в Москве. Долгое время шкатулка хранилась в Никольской церкви, расположение которой достоверно неизвестно. Она находилась то в Смоленской губернии, то в Тверской, а то и вовсе в Псковской. Но совершенно точно известно, что последние сотни лет, вплоть до самой революции, предмет не перемещали.

– Что это еще за странствующая церковь такая? Сплошная мистика.

– Дело не в мистике, товарищ Сталин. Просто в тех глухих местах вокруг лишь леса и болота, поэтому границы между губерниями точно не межевали, а наносили на карту как бог на душу положит. Поэтому я могу указать только примерный район в верховьях Западной Двины.

– У Западной Двины? – Верховный побагровел и на миг даже потерял самообладание. – Лаврентий, там же сейчас идут бои! Так что поторопись с поисками этого «посланца», очень тебя прошу.

Просьба Верховного означала гораздо больше, чем просто приказ, и нарком буквально пулей вылетел из кабинета. Сталин же еще немного постоял над странным предметом и со вздохом спрятал шкатулку в ящик стола:

– Очень интересно, – вполголоса пробормотал он. – Если перед революцией его доставали, то почему не использовали?

* * *

На западе, там, где медленно угасала заря, всю сверкало и грохотало. Очень похоже на новогоднюю ночь, когда во всех дворах пускают ракеты и взрывают петарды. Но ведь сейчас только сентябрь! Может быть, здесь празднуют какой-нибудь «день района», но откуда в этой глуши столько народа, чтобы устраивать грандиозный праздник? И вообще, куда это я попал?

Еще несколько минут назад я ехал в машине, размышляя о своих важных проблемах. Хотелось бы принять участие в реконструкции, которую проводит в ноябре военно-исторический клуб «Пехотинец», но, оказывается, сделать аутентичное обмундирование и снаряжение времен войны намного сложнее, чем средневековые доспехи. Увы, но похоже, что в этом году красноармейцем мне стать не суждено.

С древними эпохами намного проще – склепал одну кольчугу и можешь изображать в ней хоть викингов, хоть рыцарей или даже римлян. Как раз такая кольчужка сейчас была надета на меня под курткой. Пользуясь последними теплыми деньками бабьего лета, все клубы старались провести на природе свои игры и соревнования. Вот и я весь день провел в подмосковном лесу с такими же любителями подраться старинным оружием, а утром меня уже ждали другие соревнования, готовившиеся недалеко от Питера.

Я очень спешил, поэтому, не оставшись на ужин, переоделся в гражданское и приготовился к отъезду. Машина у меня была хотя и не новая, но недавно полированная, сверкала красивым черным цветом. Чтобы гармонировать с ней и выглядеть более стильно, я, перед тем как сесть за руль, обычно надевал черные брюки, рубашку и куртку. Все оружие и снаряжение было сложено в багажник. Короткую кольчугу, поддевавшуюся под пластинчатый доспех, я недавно переделал, сделав немного пошире и заменив часть колец. После переделки она стала удобнее, но чтобы к ней заново привыкнуть, ее следовало носить почаще. Поэтому, тщательно протерев кольчужку, я надел ее на рубашку, не забыв прикрыть курткой, чтобы на меня никто не таращился.

Чтобы успеть приехать пораньше и хоть немного отдохнуть, я самонадеянно решил срезать путь и теперь ехал по незнакомой дороге в сгущавшихся сумерках. Задумавшись, я на секунду отвлекся от управления, а когда снова посмотрел на дорогу, увидел, что впереди появился туман, из которого бьет яркий свет фар. От резкого нажатия на тормоз машина развернулась и наполовину съехала на обочину, но аварии все-таки удалось избежать. Посидев с полминуты неподвижно и окончательно придя в себя, я с облегчением убедился в том, что ни в кого не врезался, и все закончилось хорошо. Но свет впереди горел по-прежнему. Вполне возможно, что там случилась авария и есть пострадавшие.

Прихватив с собой аптечку для оказания первой помощи, я поспешил вперед, пригнувшись, не пахнет ли разлитым бензином. Видимость в тумане была нулевая, и ориентироваться можно было только по яркому свету. Неудивительно, что в таких условиях водитель встречной машины остановился.

Медленно ступая мелкими шажками, я потихоньку приблизился к источнику света, недоумевая, почему не видно очертаний автомобиля, как вдруг фары, если это были они, неожиданно выключились. Когда глаза привыкли к темноте, стало ясно, что непонятный туман уже рассеялся, и заодно изменилась вся окружающая местность. Асфальтовое покрытие дороги исчезло, а ее место заняла грунтовка с огромными колдобинами. Моей машины тоже нигде не наблюдалось, хотя я не удивился бы, если бы она вдруг превратилась в телегу. А еще впереди, в том направлении, куда я собирался ехать, полыхали зарницы и раскатисто грохотал гром.

Чтобы оглядеться, я поднялся на ближайший холмик и с него бегло осмотрел окрестности, все больше изумляясь, настолько дикой и неухоженной стала местность. Что же касается «праздничного салюта», бушевавшего и на западе, и на юге, то, присмотревшись к нему внимательно, я буквально похолодел. Если ближайшие ко мне вспышки и можно было принять за разрывы петард и ракет, то зрелище, происходящее в нескольких километрах севернее, напомнило мне совсем другое. Так взрывались снаряды на горящем военном складе. Лет двенадцать назад на артиллерийских складах, расположенных недалеко от Волгограда, начался пожар, продолжавшийся несколько суток. Снаряды рвались не переставая, и ночью вспышки от взрывов были видны издалека, прямо как сейчас. Да и грохот стоял примерно такой же.

Так, попробую взять себя в руки и составлю алгоритм действий. Чтобы разобраться в непонятной ситуации, надо сначала найти людей и расспросить их, что же тут такое происходит. Вот только где можно разыскать местных жителей, если впотьмах ни одной деревушки не видно? Единственным зданием, находящимся в пределах видимости, была большая полуразрушенная церковь, и я решил пойти к ней. Авось, встречу кого-нибудь.

Неожиданно сквозь постоянный шум разрывов послышался слабый стон. Так как других планов у меня все равно не было, я поспешил в ту сторону, посмотреть, не нужна ли моя помощь. В слабом свете зари мне удалось разглядеть сидевшего на ящике раненого солдата, держащегося за окровавленную ногу и тихонько ругающего немцев. На нем была форма бойца Красной армии начала сороковых годов, и я облегченно вздохнул, догадавшись, что тут происходит:

– У вас тут что, тоже реконструкция?

– Никак нет, там бой идет, – устало объяснил красноармеец. – Я нес боеприпасы, но мне шальным осколком ногу задело.

– Я вам сейчас помогу.

– Не надо, товарищ, – решительно возразил боец, хотя из порванной брючины у него сочилась кровь. – Лучше отнеси патроны на передовую, а до медсанбата я сам как-нибудь доберусь.

Не слушая возражений, я достал из автомобильной аптечки бинт в стерильной упаковке, разрезал ножницами штанину и быстро обмотал раненую голень солдата. Спасибо приобретенному в ролевых играх опыту перевязки, он сейчас оказался весьма кстати.

– Похоже, перелома нет, так что сейчас возьмете палку и дойдете до медпункта. Только на раненую ногу не опирайтесь. А почему у вас нет индпакета, вы же могли кровью истечь?

– Еще в августе последние бинты израсходовали, – нахмурился от неприятных воспоминаний красноармеец. – А когда из окружения выходили, то все имущество пришлось оставить. Нам бы на формировку, но приходится фронт держать.

Окружение, фронт. Это я где или, вернее, когда? И тут меня посетила просто великолепная идея, как можно узнать текущую дату, не вызывая подозрений.

– Боец, а у вас сотрясения мозга нет? Сознание ясное?

– Так точно. А вы товарищ... уполномоченный? – Видимо, из-за кожаной куртки он принял меня за опера или особиста.

– Нет, меня еще не призвали. Старший лейтенант запаса Андреев. Давайте проверим ваше состояние. Назовите свое имя и сегодняшнюю дату. – Спрашивать о номере части я поостерегся, все-таки военная тайна.

– Федоров я, Василий. А сегодня 18 сентября 1941 года.

– Вот как. – Мои подозрения, к сожалению, оправдались. – Ну хорошо, а теперь поспешите в санчасть, а я займусь боеприпасами.

Федоров заковылял в медсанбат, опираясь на палку, а я схватил тяжеленный ящик, взвалил на плечо и зашагал в сторону передовой. Произошедшее было для меня некоторым шоком, хотя надо признать, не очень сильным. Прочитав не один десяток книг про попаданцев, я не относился к происходящему как к чему-то невероятному. Вопросов, что делать, тоже не возникло. Надо помогать своей стране. Вот только как? Если бы у меня имелся мобильник или еще какие-нибудь устройства из будущего, то все было бы просто. Но все электронные устройства остались в машине, а без них мне никто не поверит. Значит, вариант «всезнающего советника» Верховного отпадает. Что еще остается? Устроиться где-нибудь на завод или в КБ я не могу, навыков работы без компьютера у меня, конечно, нет. Отсутствие документов еще можно попытаться свалить на войну и эвакуацию, но тот факт, что я ничего не умею делать, мне не скрыть. Впрочем, как и большинству нормальных людей, мне не хочется отсиживаться в тылу, пока идет война. А значит, остается только один путь – на фронт. Ну что же, вот как раз туда я и иду.

Теперь надо решить, воевать ли мне рядовым бойцом, или претендовать на место командира. Хотя я и отучился на военной кафедре, и даже отслужил в армии, но насчет своих способностей никаких иллюзий не питал. Те немногие теоретические знания, которые у меня когда-то имелись, давно выветрились из памяти. А практических навыков не было и вовсе, так как во время прохождения службы я занимался чисто канцелярской работой на древних ЭВМ. Но с другой стороны, сейчас, в сорок первом, командирами рот ставят младших лейтенантов – вчерашних школьников, прошедших ускоренные курсы, а комбатами зачастую назначают выпускников техникумов, закончивших военную кафедру. Неужели я не дотягиваю до их уровня? Тем более что сейчас очень многие командиры действуют не очень грамотно: карты читать не умеют, ложные позиции, предусмотренные наставлениями, не строят. Боевого опыта нет не

только у меня, но и у большинства кадровых военных, не говоря уже о недавно призванных в армию. К тому же мое послезнание о войне должно неплохо помочь.

Правда, если я собираюсь стать комвзвода, то нужно учесть один важный момент: Нынешние уставы, в мое время безнадежно устаревшие, значительно отличаются от современных, и о них я ничего не знаю. Единственное, что твердо усвоил из книг, это не называть красноармейцев солдатами, а командиров – офицерами. Обычно на этом попаданцы и прокальваются. Так смогу я командовать или нет? Вопрос остается открытым, и над ним надо хорошенько поразмыслить.

Впрочем, хорошая физическая нагрузка, выражавшаяся в таскании тяжестей, и острый угол ящика, больно давящий на плечо, не давали мне слишком глубоко погрузиться в дебри самоанализа. К тому же быстро темнело, идти стало труднее и приходилось внимательно смотреть под ноги. Правда, постоянно появлялись яркие вспышки взрывов, но они слепили глаза, а потом быстро гасли, и потому скорее мешали, чем помогали освещать путь.

Вдруг что-то неприятно взвизгнуло совсем рядом со мной, и от ближайшего дерева отлетело облако щепок и кусочков коры. От неожиданности я споткнулся и чуть не уронил свою ношу. Хорошо еще, что я недавно ходил в туалет, а то мог бы случиться маленький конфуз. После такого стресса, когда ты чуть не погиб, люди или впадают в апатию, или же у них происходит выброс адреналина в крови. К счастью, мой организм, натренированный боевыми играми с жесткими правилами, выбрал второе, и я ринулся вперед с удвоенной энергией и с притупленным чувством страха.

По мере приближения к месту сражения взрывы становились все громче, и уже стал слышен посвист пуль над головой, так что пришлось переместить ящик с плеча на спину и идти дальше пригнувшись. Но вот, наконец, линия окопов, кое-где перерытая воронками. Добравшись до нее, я с облегчением спрыгнул вниз. Теперь есть хоть какая-то защита от визжащих то и дело осколков. Вылезать наверх мне решительно не хотелось, и я пробежался вдоль траншеи в поисках хода сообщения, ведущего дальше. К счастью, бойцы, копавшие линию обороны, ничего не забыли, и ход, ведущий в нужном направлении, быстро нашелся. Он был не очень глубоким, и идти все равно пришлось пригнувшись. Сообразив, что прикрываться от пуль и осколков ящиком с боеприпасами все-таки не стоит, я переместил его вперед. Идти согнувшись, прижимая к себе тяжелый и неудобный груз, было трудно, но мои мучения скоро закончились. После очередного поворота ход сообщения пересекался с окопом, в котором находились люди в красноармейской форме, стреляющие из длинных винтовок времен войны.

– Бойцы, принимай патроны, – задыхаясь от бега, прохрипел я.

Оглянувшись на меня, красноармеец с сержантскими треугольниками в петлицах подзвал ближайшего солдата:

– Сидоров, быстро тащи пулеметчикам.

Боец избавил меня от ящика, недовольно буркнув:

– Давай сюда, ну кто так держит. – И радостно побежал с ним к пулеметному расчету, смачно комментируя вслух, что они сейчас такого устроят немцам.

Сержант вопросительно посмотрел на меня, и я громко, чтобы меня было хорошо слышно в таком грохоте, прокричал:

– Старший лейтенант запаса Андреев. В армию пока не призван. Оказался здесь случайно и встретил вашего раненого бойца Федорова.

– Младший сержант Стрелин, – представился в ответ собеседник. – Я вижу, вы без оружия, но ничего. Винтовки у нас есть, так что если можете, присоединяйтесь.

После короткого осмотра места событий стало ясно, что противник ведет наступление превосходящими силами. Сейчас немцы залегли и обстреливают нас издалека. Метрах в трехстах впереди горел подбитый танк с башней необычной формы. К счастью, других танков здесь

не было, но недалеко от него стоял полугусеничный броневик, который поливал наши позиции огнем из пулемета.

С нашей стороны отвечала только редкая цепочка винтовочных вспышек, и лишь в двух местах строчили пулеметы, да изредка хлопал миномет. Плохо, что огневой поддержки у нас так мало. Этого явно недостаточно для полноценного боя. Но ведь танк же из чего-то подбили! Если бы он наехал на мину, то, скорее всего, просто потерял бы гусеницу, а не горел так красиво.

- У вас пушки есть? – крикнул я в ухо сержанту.
- Там две, – он махнул рукой, – их еще в начале боя накрыло.
- Пойдем, глянем, может, из них еще можно стрелять.

Младший сержант кивнул, и мы с ним побежали, пригибаясь, по ходу сообщения, который привел нас к орудийному дворику, разделенному валиком на две части. Пушки, как я и предполагал, были маленькими сорокапятками. Странно, что их разместили так близко друг от друга, ведь расчеты обоих орудий можно было накрыть одним выстрелом. Да, видимо, так и произошло. На краю площадки лежали тела трех убитых артиллеристов, но раненых не было, видимо, санитары уже успели их унести.

Одна из пушечек, направленная на танк, была присыпана землей, с наполовину оторванным нижним щитком. Я быстро, насколько это возможно в сумерках, осмотрел ее, надеясь, что основные механизмы уцелели. К сожалению, накатник у нее был мокрый, а это означало, что масло из тормоза отката вытекло, и стрелять из пушки уже нельзя. Вторая сорокапятка была почему-то развернута влево, видимо, оттуда тоже ждали нападения. На вид пушечка казалась вполне исправной. Я пошевелил рукоятку затвора – вроде работает нормально. Правда, панорама разбита, а резиновый наглазник с окуляром отсутствовали. Но на маленькой дистанции можно попробовать управиться и без прицела. Остается только надеяться, что орудие успели привести в боевое положение, потому что без инструкции невозможно быстро разобраться, где находятся предохранитель затвора и стопоры различных механизмов.

Махнув рукой Стрелину, я показал ему, что хочу выкатить пушку на позицию. Мы схватили станины, приподняли, откатали сорокапятку назад, а затем, развернув ее в сторону противника, подкатали к брустверу. Дно дворика было ровным и утопанным, вес пушки, насколько я помнил, всего килограммов пятьсот или шестьсот, поэтому вдвоем мы легко справились. Хотя крышка одного из колес изорвана осколками, но, судя по всему, она заполнена губчатой резиной, и такое повреждение было несущественным. Опустив станины, мы надавили ногой на сошники, поглубже вгоняя их в землю.

После этого сержант побежал к ровику метрах в десяти сзади нас, где должны храниться ящики со снарядами, а я стал искать, где тут «что нажимать, чего вертеть», как метко заметил Незнайка, пытающийся управлять космической ракетой.

Судя по автомобильным колесам, орудие было улучшенной конструкции, с полуавтоматическим затвором. Это нам на руку, меньше возни будет. С левой стороны располагались два маховика поворотного механизма. Кто из них регулируют вертикальную, а кто горизонтальную наводку, определить опытным путем было несложно. Я повернул орудие в сторону работающего пулемета, а потом присел на корточки и, заглядывая в ствол, поправил наводку, стараясь, чтобы вспышки выстрелов виднелись чуть выше середины канала ствола. На таком расстоянии силуэт броневика занимал примерно одну треть от диаметра отверстия ствола, и попасть в него можно было даже без прицела.

Стрелин уже принес деревянный чемоданчик, в котором хранились выстрелы для орудия, и открыл его. Какие там снаряды, я не знал. Во-первых, не разбираюсь в тогдашней маркировке, а во-вторых, все равно ничего не смог бы прочитать в темноте.

Сержант осторожно, чтобы не сбить прицел, засунул снаряд в патронник и закрыл затвор, а я тем временем искал спусковой шнур, но его почему-то нигде не было. Но спасибо фильмам

о войне, я догадался, что нужно нажать на большую кнопку, расположенную в центре одного из штурвалов.

Грохнул выстрел, пушка качнулась, и вспышка взрыва осветила полугусеничный броневик. Недолет составил примерно метров пять. К этому времени я был уже полуоглушенный, поэтому громкость выстрела меня особо не впечатлила. Впрочем, если бы мы стреляли броневой боевыми снарядами, то выстрел был бы намного громче.

– Патрон возьми из этого же ящика. Нам как раз осколочный снаряд и нужен, – заорал я как можно громче, опасаясь, что сержант меня не услышит, а сам тем временем повернул маховик вертикальной наводки на пол-оборота.

Немецкий пулемет пока молчал, но я понимал, что скоро он может заработать опять. Но вот снаряд в стволе, затвор закрыт, выстрел, и теперь уже огненный шар закрыл весь силуэт бронетранспортера. Еще один снаряд – контрольный, и можно заниматься пехотой.

Теперь заглядывать в ствол смысла не было, что меня очень обрадовало, так как дым от сгоревшего пороха не только снижал видимость, но и заполнял мне весь нос, заставляя чихать. Я направлял орудие примерно в ту сторону, откуда виднелись вспышки выстрелов, и стрелял. Стрелин уже наловчился и заряжал быстро, но, к сожалению, в лотке оказалось только пять патронов. Я все-таки рассмотрел маркировку боеприпасов на ящике – можно было и догадаться, что осколочные снаряды помечаются буквой «О». Теперь мы побежали к ровику вдвоем и принесли каждый по одному лотку. Не знаю, сколько патронов входит в боекомплект сорокапятки, но в двух глубоких ровиках лежало не меньше сорока ящиков, и похоже, что большинство из них с осколочными боеприпасами.

Стрельба снова возобновилась. Сорокапятка не зря считалась скорострельной пушкой. Конечно, делать выстрел каждые три, а то и две секунды, как это удастся опытным артиллеристам, мы не могли. Ведь сержанту приходилось быть сразу и подносчиком и заряжающим, а мне, соответственно, наводчиком и замковым. Но десять снарядов мы выпустили меньше чем за минуту.

Немцы быстро сориентировались и стали в ответ стрелять в нашу сторону, но высокий бруствер хорошо закрывал от огня противника. Только несколько пуль цвиркнуло совсем рядом, заставив нас пригнуться еще сильнее, а одна даже со звоном попала в оружейный щит, выбив из него снопы искр, но закаленная броневая сталь выдержала.

Уже после десятка выстрелов огненная перепалка стала потихоньку стихать. Попав под артобстрел и оставшись без прикрытия брони, немцы поняли, что им здесь ничего не светит. Разумеется, маленькие 45-миллиметровые снарядики не очень эффективны против пехоты, но фрицев и так уже изрядно потрепали. Как только враги стали отходить и почти перестали отстреливаться, я уже не мог стрелять прицельно по вспышкам и прекратил огонь. Горевшая бронетехника поле боя освещала плохо.

Ну вот, а теперь можно узнать больше о текущей обстановке.

– Сержант, далеко позиции противника?

– За рекой, – лаконично ответил сержант.

– А где река?

– Прямо перед нами в шестистах метрах.

Теперь, когда вспышек выстрелов и взрывов стало меньше, я, приглядевшись, действительно увидел вдалеке поблескивающую поверхность реки. Взяв половинку бинокля, валявшуюся рядом, я начал разглядывать местность через покрытые трещинами стекла в поисках моста или плотов. Чуть левее наших позиций поперек реки была протянута тонкая темная линия – очевидно, та самая переправа, по которой немцы перешли на наш берег.

Угол горизонтального обстрела у сорокапятки, насколько я помнил, достаточно большой, поэтому переставлять станины я не стал, а просто повернул ствол в нужном направлении. После каждого выстрела я смотрел в бинокль, стараясь разглядеть всплески воды, и корректи-

ровал прицел. Уже четвертый снаряд угодил в переправу, о чем свидетельствовал яркий взрыв, осветивший серые тени, спешащие по понтонному мостику на тот берег. Я сместил прицел чуть дальше и смог положить еще пару снарядов на переправу, чтобы ею гарантированно нельзя было воспользоваться. Конечно, через узенькую речку немцы легко переплывут с помощью досок и бревен, но вот помощь к ним уже не подойдет.

С немецкой стороны стрельба окончательно стихла, и я решил, что настала пора решить, что делать дальше.

– Товарищ сержант, а кто у вас командует ротой?

– Старшина Свиридов.

– Где его можно найти?

Но искать Свиридова не пришлось, он уже сам подошел, чтобы посоветоваться со старшим по званию командиром, за которого меня принимал. Вдруг я что-нибудь умное посоветую. Вместе с ним подошли человек двадцать красноармейцев, видимо, половина всего личного состава роты.

Откашлявшись от порохового дыма, я толкнул небольшую речь, постаравшись высказать свою точку зрения в двух словах:

– Товарищ старшина, нужно выяснить, не остались ли на нашем берегу фашисты, и уничтожить их, пока они не успели окопаться.

Свиридов был со мной полностью согласен, и именно для этой цели он собрал в одном месте бойцов, до этого занимавших оборону по всей траншее. Вот только, как ни хотелось ему самому пойти на разведку, но он должен был остаться командовать остатками роты. Поэтому старшина решил, что возглавить группу разведчиков придется мне. Похоже, что после моих не то чтобы метких, но достаточно удачных выстрелов из пушки, он мне полностью доверял. Выстроив немногочисленных бойцов, Свиридов скомандовал:

– Рота, слушай мою команду. Десять человек идут со старшим лейтенантом, остальные продолжают удерживать оборону.

Я взял пулеметчика с «дегтяревым», а прочие солдаты захватили с собой по одной гранате, больше в роте просто не нашлось. Лицо и ладони я приказал вымазать глиной, хотя особой необходимости в этом не было – после боя все и так были измазаны, как черти. Мне повезло, что и куртка и брюки на мне были черными – как раз то, что сейчас нужно.

Чтобы оставить руки свободными, я не стал брать громоздкую винтовку, а отстегнул ремень вместе с кобурой у одного из погибших артиллеристов. Перепоясавшись командирским ремнем и проверив оружие, я стал чувствовать себя гораздо увереннее. Да и бойцы теперь смотрели на меня более уважительно. До этого перед ними стоял просто гражданский, потевший головной убор, а теперь сразу видно – красный командир. Насколько я знаю по книгам, во время войны некоторые командиры не всегда одевались строго по форме, отдавая предпочтение кожанкам. За удобство и стильность их любили носить политработники, особы и старший комсостав. В общем, те военнослужащие, которым никто не сделает замечание о нарушении устава.

Предварительно посоветовавшись с солдатами, которые хорошо знали местность, я решил, что мы не пойдем прямо к реке, а возьмем левее. В этом случае отряд выйдет как раз на холмик слева от переправы и сможет обстрелять немцев с фланга.

Мы пробежали по окопам метров триста на юг, затем повернули направо и, пригнувшись, пробрались через невысокий кустарник, росший у берега. Я надеялся, что он закроет нас от немецких наблюдателей.

Прежде чем взобраться на холмик, я послал туда пару бойцов на разведку. Они с двух сторон заползли на вершину и помахали оттуда рукой, показывая, что там никого нет. Терять время на передвижение ползком смысла не было, так как с западного берега нас все равно

не видно, и бойцы маленького отряда быстро забежали на холм, где тут же залегли. Показав пулеметному расчету, где им расположиться, чтобы одновременно и держать под прицелом переправу, и прикрывать нас, я начал внимательно осматривать местность. На западном берегу никого не было видно. Очевидно, оставшиеся в живых немцы, переправившиеся обратно, уже отошли на свои позиции. А вот с нашей стороны реки на песчаном пляже кое-где виднелись вытянутые темные силуэты. Но не было слышно команд или звона оружия, и никто не окапывался. Тишину нарушали лишь стоны раненых. Только один плачущий голос повторял жалобно «майн гот, майн гот». У самого среза воды, в том месте, где были разбросаны доски, оставшиеся от переправы, лежали ящики, выделявшиеся своими прямыми линиями среди бесформенных пятен, покрывавших берег.

– Пятеро со мной, остальные прикрывают, передать по цепочке, – скомандовал я шепотом.

Ближайшие ко мне бойцы подползли ближе, и я провел инструктаж:

– Двигаемся парами, дистанция между парами десять метров. Оружие собираем. И помните, нам нужны пленные, причем желательно найти офицера или унтера.

Ползком мы спустились с холма и, растянувшись цепочкой, поползли дальше вдоль берега. К ящикам я приближаться пока не стал, ведь в них наверняка боеприпасы. Один удачный выстрел, и все, кто находится рядом, обречены. Правда, там еще виднелись очертания пулемета МГ с треногой, задранной вверх, но я все равно не умею им пользоваться. Конечно, при дневном свете можно буквально за полчаса разобраться, как вставлять ленту, и найти у него спуск. Но вот ночью пользы от трофейного пулемета будет мало.

Первый немец, к которому мы подползли, был очень тяжело ранен. Даже в темноте было видно, что на месте живота у него одна сплошная рана, а в ноздри ударил тяжелый запах крови. Наверно, его принесли сюда, чтобы эвакуировать, а когда переправу уничтожили, фрица бросили умирать здесь. Я закрыл немцу рот ладонью и показал Стрелину знаком, что надо делать. Сам не знаю, почему так поступил. Из милосердия или же потому, что как «язык» он для нас ценности не представлял. Честно говоря, я даже обрадовался, что забыл взять с собой нож или штык. И так звуки перерезаемого горла, хрип и бульканье были не очень приятными.

Сержант пополз дальше, и я поспешил за ним, чтобы не отставать. Соседние пары уже нашли раненых и вязали их ремнями, а нам попадались только трупы, лежавшие и поодиночке, и группами. То и дело попадались маленькие воронки. Скорее всего, работа ротных минометов. Видимо, все эти немцы погибли еще в начале боя, когда попали под пулеметно-минометный огонь.

– Командир, – послышался тихий окрик справа.

Бойцы, пеленавшие очередного фрица, продемонстрировали мне автомат и серебристые галуны вокруг воротника. Как раз унтер нам и нужен.

Но вот повезло и нашей паре. Раненый, на которого мы наткнулись, сидел и, видимо, пытался делать себе перевязку. На мой оклик «хенде хох» он поднял одну руку, а вторая безжизненно висела. Так как оружия у него не было видно, то мы спокойно подползли. Перевязочный пакет фриц уже приготовил, правда, воспользоваться им так и не сумел, и я уже во второй раз за сегодняшний вечер быстро перетянул рану бинтом.

– Туда, – махнул мой напарник рукой в сторону от реки, – ком, шнель.

Мы уже убедились, что засады ждать не приходится, поэтому я приказал Стрелину прислать побольше бойцов для сбора трофеев.

Сержант, обвешанный немецкими карабинами, отправился конвоировать ходячих пленных, обгоняя парочку, тащившую унтера на руках. А я тем временем подобрался к кустам, достал половинку бинокля и еще раз внимательно осмотрел другой берег. Там пока все было тихо.

Вскоре прибыло подкрепление. К моему удивлению, явился почти весь наличный состав роты – человек тридцать во главе с самим старшиной. Но Свиридов пояснил, что из батальона прислали помощь, поэтому нас по-прежнему прикрывают.

Несколько бойцов старшина отрядил собирать оружие с боеприпасами и оттаскивать их к зарослям, а остальные уже оттуда перетаскивали все добро к нашим окопам. Закончив сбор трофеев на берегу, мы перешли ближе к нашим позициям, где происходила завершающая фаза сражения. Здесь тоже нашлось так много добычи, что все даже измучились ее перетаскивать. Вернее, носили тяжести только бойцы, а мы со старшиной, пользуясь привилегией командиров, лишь наблюдали и руководили.

Когда я вернулся к своим, уже ставшим родными окопам, то в первую очередь напомнил сержантам проследить, чтобы все почистили оружие. В суматохе с пленными и сбором трофеев бойцам действительно было не до этого, а у неопытных солдат еще не вошло в привычку чистить винтовку после каждого боя, что часто вело к порче оружия. Стреляли-то не в тире, а в земляных окопах. Пыль стояла столбом, везде грязь, взрывы раскидывают землю во все стороны. Достаточно нескольким песчинкам попасть в ствол, и при следующем выстреле он придет в негодность.

Помимо забот о сохранности оружия, еще следовало позаботиться о пострадавших. Но когда я нашел санитаря, то, увидев, как тот перевязывает шею немцу, лежащему без сознания, я сорвался:

– Почему занялись немцами, когда еще наши бойцы не все перевязаны, вон у сержанта все ухо в крови. Сначала лечим наших, а потом уже фашистов.

Кипя от возмущения, я в негодовании прошел дальше, оправдывая себя тем, что клятву Гиппократу не давал, и что Германия сама нарушала все мыслимые законы и правила. Но, конечно, уже через несколько шагов повернул назад, попросить извинения у ни в чем не повинного санитаря.

Тот в ответ кивнул и флегматично продолжал завязывать бинт. Что ему чужие командиры, тем более в штатском. Персонал медвзвода подчиняется только своему командиру медслужбы, а что ему делать, он и так хорошо знает.

Да, неудобно получилось. А ведь как я негодовал, когда в американском сериале про корейскую войну врачи объясняли порядок оказания помощи раненым: сначала американцы, потом корейцы, а потом китайцы. И вот теперь я сам пытался поступить так же.

За этими мыслями я не заметил, как подошел к оживленно разговаривающей кучке солдат и услышал:

– Вот он, товарищ комбат.

При слове «комбат» я мысленно содрогнулся. В моем представлении командир батальона – это грозный подполковник с седоватыми висками и суровым взглядом. У него несколько десятков подчиненных офицеров, из которых он самолично отчитывает лишь майоров и капитанов. На лейтенантов же комбат соизволяет обращать внимание крайне редко, лишь когда они как следует нашкодят или, что случается еще реже, если сумеют отличиться.

Но в реалиях военного времени всё оказалось по-другому. Посреди группки бойцов стоял высокий молодой парень с тремя кубарями в петлицах и с улыбкой от уха до уха. Очевидно, он и являлся командиром батальона. Увидев комбата, я тотчас попытался вытянуться по стойке смирно и доложить по форме:

– Старший лейтенант запаса Андреев в ваше распоряжение прибыл.

К моему удивлению, старлей сразу бросился обниматься, радостно приговаривая:

– Ну, молодец, лейтенант, как вовремя пришел на помощь. Мне уже доложили, как ты броневик подбил.

Закончив с восхвалениями, комбат потащил меня в блиндаж, в котором, судя по коробке полевого телефона и лежащей на столе сложенной гармошке карты, раньше располагался

командир роты. Правда, освещалось командирское помещение лишь самодельной лампой, да и вообще, особо уютным его назвать было нельзя. Впрочем, комбат чувствовал в нем себя как у себя дома. Он усадил меня на табурет и сунул кружку воды, которую самолично налил из чайника. О, как кстати, пить мне действительно очень хотелось. Но сделав первый глоток, я тут же выплюнул обратно и закашлялся.

– Это же спирт! – возмущенно прошипел я, ища глазами, чем бы запить.

– Так он же разбавленный. – Командир круглыми глазами смотрел на меня и не знал, удивляться ему или смеяться. – Вот смотри, – и в подтверждение своих слов он тут же одним глотком выпил всю кружку, довольно крякнув.

Ух ты, а я так не умею.

– Извините, – виновато прокашлял я, – но не пью даже разбавленный.

– Ничего, тогда закуривай, – радушно предложил старлей и протянул мне пачку «Казбека», который я раньше видел в фильмах про войну.

Видимо, виноватое выражение моего лица подсказало ему, что курить я тоже не умею. Комбат, хмыкнув, убрал папиросы обратно и, наконец, представился:

– Я командир батальона 215-го стрелкового полка 179-й стрелковой дивизии старший лейтенант Иванов. Но ты можешь звать меня просто Сергей.

Вот это да! Это же тот самый полк, в котором воевал мой дед, в честь которого меня и назвали. Вот только не знаю, служил ли он здесь с самого начала войны. Если да, то возможно, даже смогу его встретить. Ну почему же я раньше не интересовался историей этой дивизии? Где она воевала в сорок втором, я примерно знаю. А вот что с ней происходило в начале войны, не имею ни малейшего представления.

– Александр. Вернее, старший лейтенант запаса Андреев, – спохватился я. – Но у меня с собой нет документов. Боюсь, что подтверждение моей личности тоже получить не получится.

– Ясно, – вздохнул Сергей. – Твой город тоже оккупировали. Но ты хорошо воюешь. Где раньше служил?

Что рассказывать, я уже обдумал на берегу, пока руководил погрузочно-перетаскивающими работами:

– Сидел два года при штабе, бумажки перекладывал, – непритворно вздохнул я. – За все время даже отделением не покомандовал. И в учениях ни разу не участвовал. Когда увольнялся в запас, дали еще один кубарь в петлицы, но, конечно, на полноценного командира взвода я не потяну. Знания у меня имеются, но чисто теоретические.

Все, что я рассказывал, было чистой правдой. Ну а то, что сидел я не с бумажками, а с компьютером, как единственный человек в штабе, знакомый с подобной техникой, значения не имело. Как и то, что учения в Российской армии в 90-х годах вообще проводились крайне редко.

– Ничего, у нас сейчас большинство командиров такие же запасники, как и ты, да и я тоже не кадровый, – ничуть не расстроился Иванов. – Главное, что ты решительный, а еще видно, что образованный. Назначим тебя на роту, к тому же по численности она сейчас даже на взвод не тянет. В строю осталось чуть больше сорока человек, включая легкораненых.

– Надеюсь в мою роту? – Надо же, насколько бой сближает людей. Теперь все эти солдаты были для меня родными, хотя я почти ни с кем из них еще не познакомился.

– Конечно, сюда. Они все ко мне буквально с кулаками подступили. Мол, оставьте старлея у нас.

– А как же...

– Насчет документов не беспокойся. Сделаем мы их тебе.

– Справку выпишут?

– Нет, поступим по-другому. У нас недавно в соседнем батальоне командир роты погиб. Он детдомовский, родственников нет, поэтому его документы тебе отдадим, а штаб полка оформит перевод в мой батальон. Кстати, и звание у тебя останется.

Предложение легализовать меня в этом мире было заманчивым, но что-то не верилось, что это так просто сделать:

– Неужели в штабе пойдут на подлог? – засомневался я.

– А ты можешь предложить нам другой способ раздобыть командиров? Сам смотри, какая у нас сейчас ситуация с начсоставом: В дивизии командира нет, – начал загибать пальцы Иванов, – полком командует капитан, многие комбаты лейтенанты или старлеи, а на роты иногда ставят старшин или даже старших сержантов.

– Ладно, убедил. И как меня теперь зовут?

– Соколов Александр. Отчество не помню, потом узнаем. Кстати, что у тебя под курткой, кольчуга что ли?

– Ну да.

– И что, она и вправду спасает от пуль?

– Да нет, что ты. – Я рассмеялся. – Она защищает только от холодного оружия. Просто... это мой отец принес трофеев с войны. Так сказать, семейная реликвия. Вот я ее и надел, когда эвакуировался.

Кстати, давно пора ее снять. Толку от нее в современном бою нет, а таскать лишнюю тяжесть, когда я и так буду нагружен амуницией, мне не хочется. Да и ненужные вопросы могут задавать.

Так, ладно, вернемся к служебным обязанностям.

– Скажи, Сергей, пленных уже допросили?

– Нет, утром доставим в дивизионную разведку, там и допросят.

– Черт, а если там новое нападение готовят? Среди пленных был офицер, но он, наверно, до сих пор без сознания. А вот унтера порасспросить можно.

– Пойдем, расспросим, – охотно согласился Иванов. – А ты немецкий хорошо знаешь?

– Нет, я английский учил, а немецкий знаю только на уровне хенде хох – ком цу мир.

– Досадно, – нахмурился Сергей. – Я в школе, правда, учил, но разговаривать не смогу. Ну ничего, выкрутимся как-нибудь.

По дороге комбат с довольным видом перечислял трофеи и потери немцев:

– Пленных двадцать восемь, убитых нашли сорок семь, а кроме этого, экипажи сгоревших машин. Кого-то убило на переправе, и наверняка у них есть умершие от ран. Так что всего убито не меньше шестидесяти германцев, и должно быть больше сотни раненых. Неудивительно, что они отступили. Трофеев взяли четыре станковых пулемета, девять ручных, шесть пистолет пулеметов, больше сотни карабинов, много гранат и патронов. А с нашей стороны семь убитых и восемнадцать раненых – это считая с артиллеристами и санитарями.

Мы подошли к землянке, охраняемой двумя часовыми, где содержались легкораненые пленные. Внутри горела лампа, сделанная из гильзы сорокапятики, и при ее свете можно было осмотреть немцев. Офицера здесь не было, но я знал, что он тяжело ранен, и его, наверно, уже унесли в медсанбат. Зато унтер, на которого я так надеялся, выглядел вполне здоровым. Он сидел на лавке и спокойно беседовал с другими солдатами.

Комбат показал на него рукой и грозно прикрикнул:

– Ком цу мирен, шнейли.

Да, Иванов не врал. Немецкий он знал не намного лучше, чем я. Но немец его все-таки понял и, заложив руки за голову, спокойно вышел к нам. Мы привели его в мой блиндаж, я развернул карту, а старлей разливал нам горячий чай, который кто-то уже успел принести.

Унтеру, кроме того, старлей налил полкружки «развязывателя языков». Себе Сергей на этот раз спирт наливать не стал, хотя я видел, что он на него чуть ли не облизывается.

Тем временем я мельком осмотрел нарисованную от руки карту, на которой были обозначены наши позиции. Речка оказалась Западной Двиной. Судя по тому, что ее ширина здесь не превышала пятидесяти метров, мы находились в самых верховьях реки. Она текла на юго-запад, затем делала крюк к востоку километра на три. Наш полк оборонял участок берега, ограниченный с севера селом Рожня и деревней Козлово, а с юга селом Лубенькино, служившими опорными пунктами. Посередине позиций находился штаб полка, на окраине села Глухарево. Так, хорошо, кое-что прояснилось. А вот что плохо, так это то, что подробных сведений о расположении противника, его силах и системе огня на карте удручающе мало. Ну, ничего, для того мы «языка» и брали, чтобы восполнить пробелы. Вот только как с ним объясняться?

Я без особой надежды попытался заговорить с пленником на английском, и, к моей несказанной радости, он тут же бегло и вполне понятно ответил мне, что его зовут Отто Лаукс, звание унтер-фельдфебель, а должность командир какой-то шуеценгруппы в 232-м пехотном полку 102-й пехотной дивизии. Судя по тому, что в его группе числилось десять человек, это было отделение.

С опаской поглядывая на Сергея и доверчиво на меня, Отто пил все, что ему предлагали, и покладисто отвечал на вопросы. Мне было даже немного обидно, что он меня не боится. Неужели я в черной кожаной куртке и с пистолетом на боку не похож на грозного комиссара? Но Отто объяснил мне, что раненый солдат, которого я перевязывал, рассказал ему о добром «человеке в черном», поэтому он точно знает, что его не убьют.

Я потихоньку отхлебывал чай, переводя комбату рассказ пленного. История унтера была самой обычной. Отто Лаукс давно мечтал учиться, но надо было работать, чтобы помогать семье. Наконец, в тридцать девятом году он поступил в институт, по ночам подрабатывая в типографии. Жизнь начала налаживаться, но со второго курса его вдруг призвали в армию. Так как он был достаточно образованным, то его назначили унтер-офицером. Полгода полк Лаукса усиленно тренировали, объяснив, что якобы готовят к летней высадке в Англии, и даже выдали английские разговорники. Так что прилежный Отто по вечерам еще усиленно зубрил английский, который и до этого немного знал.

Тут я не преминул блеснуть эрудицией, рассказав Сергею о хорошо подготовленной системе дезинформации, благодаря которой Германии удалось скрыть широкомасштабные приготовления к нападению на СССР. Немцы открыто демонстрировали войска и технику, перебрасываемые на запад, и до мая держали там больше войск, чем на востоке.

В июне 232-й полк Отто погрузили в эшелоны, но направили не к Ла-Маншу, а в Пруссию, где оставили в резерве. Летом они в боях почти не участвовали, а в начале сентября их перебросили сюда, и сразу начались постоянные атаки, в которых погибло много солдат.

Другие два полка его дивизии – 233-й и 235-й смогли с ходу форсировать реку в том месте, где не было наших войск, и занять плацдарм, который успешно удерживали две недели. А вот сослуживцам Отто не повезло, так как на этом участке уже успела занять оборону наша 179-я дивизия.

– Ну надо же, какое совпадение, – заметил Сергей. – В его дивизии полки с номерами 232, 233 и 235, а в нашей есть 234-й. – Он показал на карте пять сел на восточном берегу Западной Двины, занятые немцами. Ближайшее из них – Дулово, находилось всего в трех километрах к югу от нас.

– Это село сейчас атакует 259-й полк нашей дивизии. В нем меньше двухсот человек, а в селе повсюду дзоты и минные поля, поэтому наши пока не могут выбить немцев.

– Два дня назад, – продолжал Отто – русские войска начали наступление на плацдарм, но их было меньше, чем обороняющихся, позиции очень хорошо укреплены, поэтому никто не беспокоился. Однако ночью русские незаметно переправились через реку и смогли захватить

село Данилово вместе с расположенной там артиллерийской батареей. Бои шли день и ночь, германцы постоянно контратаковали, но их постепенно теснили. А сегодня тот русский полк, который укрепился на западном берегу...

– 912-й, – пояснил Сергей.

– ...неожиданно переправился через реку и ударил в тыл обороняющимся. Положение немцев стало катастрофическим.

– Это очень хорошо, что немцы поставили здесь необстрелянную дивизию, – заметил комбат. – Поэтому наши и смогли выбить с плацдарма врага, который по численности превосходил их в три раза¹.

– Офицеры ворчали, – продолжал Отто, – что надо или посылать помощь на плацдарм, или давать приказ на отход, так как окруженные войска не получают боеприпасы и долго не продержатся.

– Ну, помощи им ждать неоткуда, – заметил я. – Основные силы группы армий «Центр» сейчас концентрируются южнее, примерно в сотне километра отсюда, и там же сосредоточены почти все резервы.

– Чтобы помочь окруженным полкам, – продолжал Отто, – одному батальону моего полка было приказано форсировать реку и ударить в тыл советским войскам, штурмующим Дулово. Их усилили ротой тяжелого батальона, дали один «Штук-3» и бронетранспортер «Ганомег».

Тут я остановил допрашиваемого и попросил объяснить, что это за «штук» такая. Оказалось, что так называется самоходное орудие на базе «троечки» (танка Pz-III) с 75-миллиметровой пушкой.

Все это проясняло обстановку, но больше всего меня волновало, не собираются ли немцы опять нас атаковать. По уверениям унтера, на этом участке кроме остатков их батальона и батареи минометов никого не было. Саперный батальон, который наладил переправу, уже отправили вниз по реке к селу Ерохино, помогать соседям эвакуироваться с левого берега. А запасной батальон, составлявший резерв полка, направили на плацдарм еще два дня назад.

Свои объяснения Отто для наглядности пояснял пометками на карте, и перед нами постепенно вырисовывалась вся система обороны немецкой дивизии. Иванов не уставал нахваливать унтера, так что тот перестал, наконец, бояться комбата и даже, вспомнив свои права военнопленного, попросил у него закурить:

– Нам и так в день положено только семь сигарет, так еще ваши солдаты все выгребли, – объяснил Лаукс свою скромную просьбу.

Затянувшись папирсой, немец слегка поморщился, но дымить не перестал. Какая, в самом деле, разница, что курить, никотин он и есть никотин. Разомлевший пленный довольно улыбнулся и продолжил рассказ, попыхивая «Казбеком».

Учитывая результаты предыдущих боев и сегодняшнего побоища, от батальона в котором служил Отто, осталось меньше половины первоначального состава. По мнению унтера, немцы, скорее всего, решат отойти к ближайшему селу и начнут там окапываться. Он посетовал, что атаку начали, не дождавшись подхода гаубичной батареи, которую им одолжила 251-я дивизия, тоже входящая в 23-й корпус.

Тут мы с Сергеем насторожились. Командир подлил еще спирта и утешающе похлопал Лаукса по плечу.

– Ну-ну. Мы все крепки задним умом.

Я задумался, как все это перевести на английский, но немец, кажется, и так понял, что его жалеют. Вот как интересно получается. Посидишь рядом с фрицем, побеседуешь, и окажется, что он неплохой парень. А если бы он не попал в плен, то снова стрелял бы в нас и считал,

¹ До вмешательства попаданца все события происходили точно так же, как и в нашей истории.

что поступает правильно. Впрочем, нечего сантименты разводить, надо продолжать допрос «языка».

– И куда эта батарея следовала? – поинтересовался я как бы между делом.

– Не знаю, наверно, к нашей минометной батарее. Тут вокруг грязь и леса, и только одно удобное для стрельбы место – открытое и сухое.

– А ведь верно, – обрадовался комбат, – по карте видно, что между болотом и перелеском притулилась большая поляна, и как раз оттуда били минометы. Кстати говоря, место для артиллерии просто идеальное – оно лежит в середине излучины реки, и оттуда очень удобно обстреливать наши позиции на левом берегу.

Выяснив все, что хотели, мы отправили Отто в его землянку, чуть не забыв дать ему сопровождающего, и стали обсуждать ситуацию.

Глава 2

19 сентября. 01.00

Мнения у нас с Сергеем полностью совпали. Может быть, немцы отзовут свои гаубицы обратно, и нам они угрожать не будут. Но все равно эти орудия завтра начнут стрелять по нашим войскам. Нельзя упускать такой удобный случай лишить противника сразу четырех или шести пушек.

Время у нас пока есть, ведь вряд ли их прямо сейчас повезут обратно. Понадобится как минимум несколько часов на различные согласования между штабами батальона, полка и обеих дивизий. Да и везти тяжелые орудия ночью лишний раз не стоит. Так что, скорее всего, артиллеристы останутся до утра на этой полянке, где в радиусе километра от них никого нет.

– Сколько сейчас времени? – жаль, но я не догадался забрать у пленного офицера часы в качестве трофея.

– Только час ночи. До рассвета времени достаточно.

– А фаза луны какая?

– Как раз завтра новолуние.

– Отлично, темная ночь это то, что нам надо. Тогда сделаем так. Я возьму из своей роты всех, кто не ранен, и еще человек двадцать ты мне выделишь из соседней. В полнокровной гаубичной батарее людей и так будет раза в два больше, чем у нас, да плюс еще минометчики. Да, еще я заметил, что у тех бойцов, которых ты привел на помощь, есть «дегтярь», его я тоже заберу вместе с нашим. Пусть твои хлопцы пока немецкие МГ осваивают, у нас их много. Также возьму оба батальонных миномета и все исправные автоматы. Если мы подойдем к батарее незаметно, то справимся. Ну, а в крайнем случае обстреляем из минометов машины с боеприпасами. А пока нас не будет, саперы полка и все свободные бойцы, которых можно выделить, попробуют починить переправу.

Подготовка к операции велась максимально быстро. Старшину я попросил отобрать четверых самых умелых бойцов. Этой четверке нужно подобрать немецкую форму по размеру, а всем остальным раздать трофейные каски, чтобы в темноте они издали были похожи на фрицев. Подумав, я скинул куртку и тоже переоделся в немецкую форму. Конечно, хорошо бы надеть мундир офицера или унтера, но на мой рост ничего подходящего не нашлось. Наверно, всех высоких «арийцев» зачисляли в подразделения СС.

Собрав свой небольшой отряд, я разъяснил красноармейцам нашу задачу. От бойцов требовалось всего-то незаметно подойти к расположению батареи, по возможности бесшумно снять часовых, и если повезет, то без стрельбы переколоть немцев штыками. Ну, а в случае, если начнется стрельба, уничтожать немцев пулеметно-минометным огнем.

Хотя бойцы устали, но они прекрасно понимали, что такое гаубичный обстрел. Поэтому никто не жаловался на прерванный отдых, и все горели желанием расправиться с немецкими артиллеристами.

Нашим новоиспеченным разведчикам я лично показал, как им парами нужно снимать часовых. Один держит правую руку противника, не давая выстрелить, а второй зажимает рот и бьет караульного сзади ножом в сердце или же снизу под ребро. После демонстрации и небольшой тренировки я провел для всех краткий инструктаж по штыковому бою:

– Проникающее ранение холодным оружием, даже не будучи опасным для жизни, угнетающе действует на психику человека. Он держится руками за рану и не пытается нападать. Поэтому в штыковом бою достаточно уколоть врага один раз, после чего надо быстро переходить к следующему. Всех, кто останется в живых, добиваем после боя.

Честно говоря, не знаю, относится ли все вышесказанное к тренированным немецким солдатам. Но в любом случае в штыковую атаку я собирался идти, лишь если противник будет спать, а в этом случае ожидать организованного сопротивления не приходится.

Напомнил я также о том, что желательно оставить в живых какого-нибудь офицера, но это уж как получится.

Каждому, кто не нес пулемет или миномет, раздали по одной заранее снаряженной немецкой «колотушке» и по две мины. После этого я заставил всех попрыгать, и еще минут десять ушло на подгонку снаряжения. Наконец, все были готовы, и мы, растянувшись цепочкой, начали спускаться к разбитой переправе.

Один из понтонов, лежащий у самого берега, оказался совсем целым. Это я заметил, еще когда собирал трофеи. Бойцы быстро оторвали его от соседнего, столкнули в воду, и мы поплыли на своем импровизированном пароме, отталкиваясь от дна шестами.

На вражеский берег отряд переправлялся в два приема. Сначала один взвод с пулеметом высадился на пляж, где тут же залег. А затем, так как никто по нам не стрелял, переправились и все остальные. Тревогу пока никто не поднимал, поэтому мы, пригнувшись, стали передвигаться вперед короткими перебежками, пока не подоברались вплотную к немецким позициям. Во вражеских окопах, как я и надеялся, было пусто. Видимо, немцы решили подстраховаться и занять круговую оборону в селе. Вот и славно, теперь мы спокойно могли пройти через лесок, отделяющий нас от заветной цели.

Не доходя до поляны метров двести, я приказал отряду залечь, а сам с разведчиками пополз к краю рощи. Результат осмотра сразу поднял всем настроение. Вся артиллерийская обслуга спала, разумеется, кроме часовых. А пушек мы насчитали целых четырнадцать штук. Секретов самонадеянные немцы не выставили, видимо считая, что находятся в тылу, и караульные открыто прохаживались или стояли под деревьями.

Пары бойцов поползли вправо и влево и вскоре вернулись с докладом. Всего было выставлено пятеро часовых, причем двое из них, контролировавших дорогу, находились вне зоны прямой видимости. Ну что же, с них мы и начнем. Хорошо, что сейчас сентябрь, и листва еще не опала. Это позволяет подобраться к немцам вплотную. Плохо только то, что один из часовых, стоявший рядом с орудиями, находился от ближайших зарослей метрах в тридцати. Но к этому я заранее подготовился. Раздав необходимые указания, я достал бинт и быстро обмотал себе шею и правую руку, которую повесил на перевязь. Не владея немецким языком, нельзя было рассчитывать сойти за своего, но приходилось рисковать.

Разведчики вернулись минут через десять. Каждая пара успешно сняла «своего» часового: быстро и без звука. Во всяком случае, я ничего не услышал. Теперь важно было синхронизировать наши действия по времени и напасть на оставшихся троих караульных одновременно.

Ну, была не была. Я вышел на дорогу и направился прямо к часовому, расхаживающему вдоль ряда пушек с винтовкой на плече. Увидев фигуру в немецкой форме, без оружия и перебинтованного, он не встревожился и даже что-то сочувственно спросил. Из всей фразы понятным для меня оказалось только слово «камрад», но было ясно, что пока все идет по плану.

Прохрипев что-то невразумительное, я махнул рукой в сторону реки, после чего достал бумажку, которую нащупал в кармане, и «здоровой» левой рукой протянул ее немцу, приговаривая:

– Отто, Отто, – стараясь произносить слово точно так же, как мой пленник.

Ничего не подозревавший часовой спокойно протянул руку и наклонился, чтобы разглядеть в темноте, что же там написано. Но посмотреть он не успел. На этот раз нож я захватить не забыл. Комбат лично вручил мне финку, как нельзя лучше подходящую для такой работы. Гладкая рукоятка, лишенная выступов, позволяла быстро выхватывать нож из-под одежды, ни

за что не зацепившись. Как запасной вариант на поясе у меня еще висел немецкий штык-нож, доставшийся по наследству от предыдущего владельца формы.

Нет ничего проще, чем ударить противника, когда он не закрывается руками и не смотрит на тебя. На турнирах было намного сложнее, ведь тогда соперники внимательно следили за моими движениями, и в руках у них были такие же длинные мечи, как и у меня. Но там было и намного проще, потому что от моей ошибки не зависела ничья жизнь.

Полоснув немца под подбородком, я тут же схватил его обеими руками, чтобы шум падающего тела никого не разбудил. Осторожно оглядевшись по сторонам, я аккуратно положил труп на землю и помахал в сторону леса перебинтованной рукой, выделявшейся своей белизной на фоне окружающей темноты.

Судя по времени, других часовых уже должны были снять. Поэтому наши солдаты, которые уже ждали на краю леса, сразу же поднялись и цепочкой пошли в сторону спящих немцев, охватывая их полукругом.

Ночи были еще не очень холодные, и фрицы легли спать в спальнях мешках прямо на траве, подстелив брезент. Только три палатки сиротливо торчали в сторонке. Я показал сержанту, который принес мне мою винтовку, на эти палатки и шепотом напомнил, что нужно постараться хоть одного взять живьем.

Для солдат в армии, а тем более на войне, главные желания – это поесть и поспать. Питание в вермахте было налажено отлично, но вот выспаться вволю оставалось заветным и не всегда выполнимым желанием для немцев. Поэтому они наверняка с энтузиазмом восприняли приказ отдыхать, когда им разрешили оставить орудия в походном положении и не готовить для них позиции. Все спали как убитые, и только в одной из палаток светился маленький огонек. Скорее всего, офицер работал с документами, а потом так и уснул, не выключив фонарик.

Согласно моим инструкциям, бойцы быстро прошли через ряды врагов, запеленутых в свои мешки, нанося каждому только по одному удару, хотя многие из них не умирали сразу, а начинали кричать. Последние немцы, до которых дошла очередь, уже успели вскочить на ноги, но без оружия шансов у них не было. Правда, одному дюжему немцу с фигурой борца удалось отнять винтовку у молоденького солдата и кого-то поранить, но, обладая численным преимуществом, наши разъяренные бойцы быстро закололи всех сопротивлявшихся. Дойдя до последнего ряда, красноармейцы развернулись и прошли обратно, теперь уже добивая умирающих, старательно целясь им в голову. Много времени зачистка поляны не заняла. Хотя количество пушек тянуло на целый дивизион, но немцев насчитывалось не больше двух сотен. Скорее всего, потому, что из дивизиона успели прибыть только управление и расчеты орудий.

Тем временем мы с сержантом и еще одним бойцом выбили подпорки у палаток, и когда упавшее полотнище очертило лежащие фигуры, нанесли несколько ударов в руки и ноги. Из-под соседней палатки хлопнул pistolетный выстрел. Я подскочил туда, но сержант уже опередил меня и со всего размаху всадил штык в темную шевелящуюся массу.

Разрезав брезент, мы собрали pistolеты и даже нашли два автомата, которые предусмотрительные офицеры держали при себе. Я приказал быстрее оказать пленным первую помощь, чтобы они не умерли от потери крови раньше времени, и отправился осматривать трофеи. Нашу военную технику я раньше частенько разглядывал на «Панораме Сталинградской битвы», но целые немецкие пушки видел первый раз.

81-миллиметровых минометов, которые обстреливали нас вчера, на поляне уже не было. Вдоль грунтовой дороги, тянувшейся с северо-запада, стояли вперемешку орудия, тягачи с прицепленными к ним гаубицами, машины и повозки. Лошадей видно не было, но, судя по доносившемуся ржанию, они находились недалеко. Восемь пушек были, очевидно, теми самыми 105-миллиметровыми гаубицами, ради которых мы сюда и пришли. Помимо них, еще имелись два орудия с большим калибром, видимо 150 миллиметров. А вот четыре маленькие пушечки с очень коротеньким стволом меня удивили. Стволик лишь немного выглядывал из щита, да еще

был заключен в прямоугольный кожух, откуда высывался лишь на несколько сантиметров. Видимо, это полковые 75-миллиметровые орудия, которые имели такой высокий угол подъема ствола, что могли использоваться в качестве минометов.

Мне сразу же захотелось забрать такие пушечки в наш полк, ведь жалко уничтожать то, что можно использовать. И тут меня как холодной водой окатило. А как же выводить из строя гаубицы? Как раз об этом я еще не задумывался. До сих пор мне было важнее добраться незаметно до батареи и уничтожить немцев.

К счастью, сержант Стрелин, которому уже пришлось пережить отступление, развеял мои сомнения. Ему приходилось видеть, как взрывают орудия, которые нельзя увезти, и он заверил, что достаточно одной гранаты, чтобы вывести ствол из строя.

Но прежде чем поднимать шум, мы сначала приготовили всё для эвакуации. Нам очень повезло, что немцы не стали приводить орудия в боевое положение. Иначе пришлось бы искать различные защелки и рычаги, чтобы сдвинуть станины, включить стопоры и подрессоривание, прикрепить лафет к передку. Без опытных артиллеристов ничего этого мы сделать бы не смогли. А так осталось только подвести лошадей и впрячь их в передки и повозки. Правда, как запрягать коней, для меня тоже оставалось загадкой, но бойцы с этим нехитрым делом быстро справились. Впрочем, без ложки дегтя все равно не обошлось. Солдаты, которые привели лошадей, рассказали, что немецкие коноводы успели удрать. Но к счастью, ушли они пешком и направились на север, где, судя по карте, находилось болото.

Решив проблемы с повозками, я посчитал нелишним заодно забрать и мотоциклы. Их здесь насчитывалось около десятка, но почему-то все они были без коляски, хотя, судя по фильмам, такого просто не должно быть. Конечно, ехать на них ночью очень опасно, но бойцы могли просто катить мотоциклы, держа за руль. Из техники также имелись в наличии шесть тягачей, очень напоминавших по внешнему виду бронетранспортер, с которым я недавно познакомился, штук шесть грузовых машин, не меньше двух десятков легковушек и даже несколько велосипедов.

Грузовики мне тоже хотелось угнать, но я не знал, как их заводить, а спросить было не у кого. В сороковые годы профессия шофера была достаточно редкой, и на передовую их обычно не посылали. Поэтому я не надеялся, что в нашем отряде найдется водитель. Но, к моему удивлению, нашлось целых два знатока автотехники, и им я поручил перегнать все грузовики на наш берег. Одним из этих полуводителей оказался молоденький парнишка, лет восемнадцати, который раньше работал помощником механика в автомастерской. Он залез в кабину трофейного грузовика, стоявшего среди деревьев, мельком осмотрел приборы управления, подсвечивая их трофейным фонариком, и сразу же завел двигатель. Я с интересом наблюдал за его манипуляциями. Конечно, мне и до этого было известно, что раньше на машинах была четвертая педаль, включающая стартер. Но в каком порядке что нажимать и вообще, где какая педаль в здешних автомобилях, я не знал. Интересно, входит ли в программу обучения нынешних средних командиров, как сейчас называют офицеров, курс обучения вождению?

Триумфально посмотрев в сторону «простых пехотинцев» и насладившись нашими завистливыми взглядами, паренек начал переключать скорости, чтобы выехать назад на дорогу. Но тут дело у знатока не заладилось. Грузовик несколько раз дергался вперед и уже почти уткнулся бампером в дерево. Еще один такой рывок, и наш трофей выйдет из строя. Торжествующая улыбка сползла с лица представителя высшей касты, и, наконец, он жалобно обратился ко мне:

– Товарищ командир, здесь нет передачи заднего хода.

Так не бывает! Я попытался судорожно вспомнить все, что мне известно о механических противоугонных средствах, но, впрочем, тут же опомнился. Какая может быть противоугонка семьдесят лет назад, да еще на грузовике? Вероятно, паренек просто не разобрался в управлении. Заняв его место, я подвигал рычаг туда-сюда, проверяя, не заело ли его. Скорости пере-

ключались легко, значит, дело не в этом. И тут мне вспомнилось, что на некоторых машинах схема переключения передач была немного необычной. Поставив рычаг на первую скорость, я попробовал протолкнуть его дальше, и он послушно продвинулся вперед. Есть! Похоже, задняя передача найдена. Теперь нажимаю газ. Чуть-чуть, чтобы не врезаться в дерево, отпуская сцепление, и машина послушно сдает назад.

Я торжественно выехал задним ходом на дорогу, даже умудрившись при этом не заглушить двигатель, и восстановил, таким образом, авторитет командира Красной армии.

Оба грузовика сразу поехали к реке, не дожидаясь остального обоза. Оттуда нашим водителям предстоит вернуться на велосипедах, которые они предусмотрительно закинули в кузов, и быстренько сделать еще два рейса. Если починить переправу до подхода немцев не успеют, то машины с боеприпасами мы сможем взорвать, чтобы ничего не оставлять врагу.

Управлять полугусеничными тягачами наши водители, конечно, не могли, к тому же они были слишком тяжелыми, чтобы наскоро починенный мост мог их выдержать. Поэтому родственников давешнего бронетранспортера в любом случае придется оставить. Четыре гаубицы, стоявшие без тягачей, перевозились конной тягой, для чего они были разобраны на две части. От них, по крайней мере, можно было отцепить передки. Пару минут мы с сержантом потратили, чтобы снять с крюка хобот лафета гаубицы и освободить передок, но со следующим управились уже гораздо быстрее.

В последний момент я, проклиная жабу, душившую меня, решил последние две гаубицы не отцеплять, а забрать с собой. Как у типичного старшины, у Свиридова тоже проснулся хомячий инстинкт, и мое предложение он охотно поддержал. Но выполнить задуманное было не так просто. В отличие от легких пушек, в которые запрягали всего пару лошадок, гаубице, даже разделенной на две части, требовалось не меньше шести тягловых животных для перевозки каждой части.

Тем временем в повозки и грузовики с боеприпасами бойцы уже побросали собранные карабины и прочие трофеи. Помимо винтовок, у артиллеристов имелись целых шесть пулеметов и с десяток автоматов. Единственное, чего не нашлось у немцев, это полевых кухонь, о чем старшина сильно сокрушался. Впрочем, если посмотреть с другой стороны, то это даже хорошо. Успей фрицы подтянуть сюда все обслуживающие подразделения, то здесь находилось бы несколько сотен человек, так что наша атака не имела бы шансов на успех.

Настроение у всех было приподнятым. Еще бы, за одну минуту мы уничтожили втрое больше врагов, чем за весь предыдущий бой, и при этом наши потери составили только два легко раненых бойца. Любо-дорого было посмотреть, с каким довольным видом красноармейцы носили охапки немецких винтовок и собирали солдатские книжечки. Среди трофеев особенно всем понравились разноцветные фонарики, которые раньше они видели только у полковых разведчиков.

Нацепив честно заработанные трофейные часы, мы со старшиной обговорили распорядок дальнейших действий. Я давал ему полтора часа, чтобы переправить все добро на левый берег. С помощью второй роты, оставшейся на наших позициях, это было почти реально.

Длинная кавалькада повозок и пушек исчезла в темноте, а я с тремя бойцами остался на поляне. Чехлы со стволов гаубиц мы уже сняли, как открываются затворы, разобрались, у всех машин и тягачей крышки топливного бака нашли, и нам больше ничего не оставалось, кроме как ждать и прислушиваться. Расчеты наших минометов находились метрах в двухстах южнее, так что оттуда они как раз могли обстреливать позиции немцев. В случае атаки это позволит задержать врагов на полчаса, а нам больше и не надо. 50-миллиметровые минометы часто и вполне справедливо ругали. И дальность у них маленькая, и точность низкая, и мощность взрыва слабая. Но зато у них имелось огромное преимущество, в первый год войны просто бесценное – это мобильность. Наши минометики весили всего двенадцать килограммов, а новая

модификация, которую недавно разработал Шамарин, только десять. Это позволяло переносить их одному человеку. Если учесть, сколько транспорта и лошадей было нами потеряно в начале войны, нашим солдатам часто приходилось рассчитывать только на свою мускульную силу. А дальность хоть и составляла всего восемьсот метров, но это было все-таки больше, чем пятьсот метров у аналогичного миномета германской разработки.

Время шло, но никакой реакции немцев пока не наблюдалось. Со стороны села, занятого фашистами, не доносилось ни звука. Собак фрицы убивали сразу, а домашнюю скотину и птицу, наверное, уже всю съели.

Чтобы не терять времени даром, я решил попробовать снять оружейные прицелы. Это все равно лучше, чем просто разбить им оптику. В ходе предстоящего зимнего наступления Красная армия захватит много трофейной техники, в том числе сравнительно исправной, и тогда наши прицелы очень пригодятся. Дело оказалось нетрудным. Поискав немного, я легко смог найти ручку, которая позволяла снять панораму с кронштейна. Со 150-миллиметровыми гаубицами пришлось повозиться подольше, но и эта задача оказалась вполне решаемой. Но, завладев прицелами, я не захотел останавливаться, и мой алчный взор упал на затворы. Хорошо бы их тоже не выводить из строя, а унести собой. И вот тут я пожалел, что не расспросил кого-нибудь из офицеров. Знание языка в этом случае не потребовалось бы, все можно объяснить жестами. Но что поделаешь, не имея никакого опыта командования, я все время что-нибудь забываю.

Прождав обещанное время и накинув еще минут десять на всякие непредвиденные обстоятельства, я отдал команду. Имея достаточный запас гранат, мне было не жалко потратить на каждое орудие по две штуки. Мы заранее засунули «колотушки» в казенники, и теперь оставалось только выдернуть вытяжной шнур, быстро захлопнуть затвор и отбежать подальше. Вчетвером мы сделали три таких гранатных залпа, а потом повторили процедуру, но уже с дульной стороны ствола. Результат нас вполне устроил. У нескольких орудий дуло просто разорвало на лепестки, а у остальных пошли трещины, гарантированно делавшие ствол непригодным к стрельбе. После этого настала очередь автотранспорта. Все более-менее ценное наша трофейная команда из них уже выгребла, даже шоколадки, которые предусмотрительные водители прятали за сиденьем. Но все равно было жалко взрывать «мерсы» и «опели». Только одной легковушке повезло избежать всеобщей участи и остаться жить в качестве трофея. Везучей машиной был маленький внедорожник. Передние сиденья в нем закрывались брезентом, а сзади находился маленький открытый кузов, с установленными в нем двумя спаренными пулеметами. Просто идеальная машина для командира полка, которому я и собирался ее потом презентовать. Можно и небольшие грузы перевозить, и два-три человека охраны.

Уничтожив и запалив всю вражескую технику, мы с комфортом разместились в машине, но не успели проехать и десяти метров, как Стрелин вдруг насторожился и крикнул мне:

– Командир, выключи двигатель.

Я ничего опасного не видел, но мотор тут же послушно заглушил. Сержант молча показал рукой в сторону дороги, откуда приехали вражеские батареи, и, прислушавшись, я уловил сквозь треск пламени натруженное гудение двигателя. Видимо, дорога там проходит через болотистую низину, и автомобилю приходится проезжать через грязь, газуя на высоких оборотах. К счастью, судя по звуку, машина шла одна, и уже находилась довольно близко. Если бы не яркое пламя костров, в которые превратилась вражеская техника, мы бы уже заметили отблески фар.

У нас еще оставалась возможность улизнуть, но казалось, что удача не оставит нашу роту в этот день, вернее, ночь, и я решился на очередную авантюру:

– Поехали, посмотрим, сколько там фрицев. Один боец к пулеметам, двое в кусты, по обе стороны дороги.

Когда мы подъехали поближе, стало видно, что в кабине водитель находится один, и в открытом кузове грузовика тоже никого нет. Я притормозил там, где придорожные кусты росли погуще, и вышел навстречу машине. Липовых повязок на мне уже не осталось, и теперь приходилось придумывать новую хитрость. Закрыв одной рукой рот, а другой схватившись за живот, я наклонился, всем своим видом показывая, как же мне стало плохо после уничтожения «нашей» батареи. Имитация тошноты должна была объяснить немцу мое молчание.

Встревоженный водитель выскочил из грузовика и подбежал ко мне, не заметив, как из кустов у него за спиной появился разведчик, одетый в немецкую форму. Хотя я не знал ни одного слова, из того, что он тараторил, но понять смысл было нетрудно:

– Что случилось? Сколько людей выжило? Ты ранен? Где командиры? Сигареты есть?

Несмотря на свою трескотню, немец держался настороже и почувствовал, что сзади него кто-то есть. Как только он начал оборачиваться, я той же рукой, которой держался за живот, быстро выхватил из ножен трофейный штык и, сделав глубокий выпад, всадил его в бок противнику. Левой рукой я, правда, фехтовать не очень-то и умею, но здесь требовались только простейшие движения. В это время разведчик успел схватить немца за руку и пару раз пырнуть его ножом.

Минутку мы постояли, прислушиваясь, но больше сюда никто не ехал. Ну все, теперь можно возвращаться. Но тут передо мной встала дилемма, по своей сложности не уступавшая той, которая досталась буриданову ослу – какую из машин забирать. Легковушку мне было жалко, но и грузовики нашей армии нужны позарез. Я, наверно, стоял бы так до утра и ничего не решил бы, но бойцы нашли в кузове канат, с помощью которого можно было взять внедорожник на буксир, и проблема сама собой разрешилась. Достаточно было показать сообразительному Стрелину, как крутить руль и нажимать на тормоз, и он смог вести машину на гибкой сцепке.

Посадив красноармейца Белова – того самого разведчика, который помог мне заколоть водителя, в кабину грузовика и оставив второго бойца в легковушке за пулеметом, я поспешил к нашим минометчикам. Путь был коротким, но занял не так уж и мало времени. Проехав всего триста метров, я умудрился несколько раз заглушить двигатель, что, впрочем, неудивительно при отсутствии навыка. Ведь мало того что надо было не забывать про перегазовку и двойное отжатие сцепления, так еще и легковушка висела на прицепе. Но постепенно езда стала налаживаться, и, подъехав к нашим дозорным, я смог удачно развернуться на небольшом пятачке между деревьями. Сложив минометы с боекомплектом в кузов, мы направились к реке по уже наезженной колее. Фары я все это время не выключал, а в особо трудных местах посылал вперед бойца с фонариком, разведать, можно ли нам тут проехать.

Несмотря на некоторые опасения, погони за нами не было. На фоне разрывов снарядов, бухающих время от времени на севере, наши взрывы могли не вызвать особого интереса у немцев в селе, а вспышки и пламя из-за леса были видны плохо. Поэтому мы имели все основания надеяться на благополучное завершение операции.

Когда мы подъехали к берегу, там все еще оставалась одна гаубица. Если полковое орудие было очень легким, примерно на центнер легче нашей сорокапятки, то у гаубицы вес составляет несколько тонн. Поэтому возиться с ней пришлось долго. С десяток наших бойцов в немецких касках помогали закатывать орудие на мост, а другие заставляли лошадей идти вперед, успокаивая перепуганных животных, не хотевших ступать на хлипкий настил. На другом берегу работали солдаты в советской и в немецкой форме. Они толкали трофейные повозки, помогая им заехать на пригорок к нашим позициям.

Доверив новый грузовик молодому водителю, я оседлал джип и с чувством выполненного долга отправился докладывать командиру о наших успехах.

Искать комбата не пришлось, так как он уже ждал меня в окопе.

– Ну орел, – снова начал Иванов хвалить меня без меры, – да ты представляешь, что вы сегодня сделали?

– Да уж представляю, – отмахнулся я. – Завтра все эти снаряды немец высыпал бы мне на голову, а так ему придется репу чесать, как другую какую-нибудь каверзу придумать.

– А вот теперь мы эти снаряды ему же обратно и пошлем, мало не покажется.

Вырвавшись от поздравлявшего меня командира, я тут же заглянул под машину. Пока мы преодолевали не слишком трудный путь от реки до наших позиций, меня стали терзать сомнения, что немцы кинули меня с этим внедорожником. Ну так и есть. Посветив фонариком и разглядев переднюю ось, я не удержался от громкого ругательства:

– Вот черт, эта каракатица не полноприводная! А на вид – так самый настоящий джип. И что теперь, комполка должен на этой тарантайке ездить?

Немного успокоившись и пообещав себе найти в другой раз что-нибудь получше, я решил заняться более важными делами и обратился к комбату:

– Так, Серега, сделай одно одолжение. Мои хлопцы за ночь уже два боя провели и им отдохнуть надо, а вторая рота свеженькая как огурчик.

– Конечно, сделаем, – охотно согласился старлей, – а что нужно?

– Ну-у... – протянул я, – там всего-то делов, приготовить новую линию окопов перед нашей, метрах в двухстах. Главное, чтобы до рассвета успеть.

– Не получится, – огорченно покачал головой Иванов. – До утра никак не успеем.

– Ты не дослушал. Нам не надо копать окопы полного профиля, а нужно только наметить линию и снять слой дерна. На одном фланге поставим разбитую сорокапятку, а на другом можно соорудить похожий макет из бревен и досок. Если накрыть чехлом и замаскировать ветками, то с самолета разницы видно не будет. Еще желательно сделать хотя бы штук двадцать чучел. Взять старую форму, набить землей и камнями и положить в окопы.

– А-а, понятно, – обрадовался комбат. – Если нужен ложный окоп, то успеем его сделать по всем правилам, глубиной двадцать сантиметров. Старую форму одолжим в медсанбате. Готовить макеты и чучела нетрудно, вот пусть этим твои бойцы займутся. А почему ты думаешь, что нас будут бомбить?

– Сам посуди. Если немцы смогли столько гаубиц из соседней дивизии дернуть, то уж звено бомберов они тоже сумеют вызвать. Особенно теперь, когда мы им столько хорошего сделали. В общем, так: вторая рота пусть готовит ложные позиции, а мои бойцы пока замаскируют настоящие. Сорокапятку со сложенным щитом надо спрятать под деревьями подальше от прежней позиции, все равно с утра нас никто атаковать не будет.

Объяснив старшине все, что нужно сделать, я некоторое время контролировал, как бойцы маскировали наши позиции кустами и даже маленькими деревьями, пока наконец командир официально не приказал мне идти отдыхать. Наконец-то стащив с себя немецкую форму, которую мне было противно носить, я улегся на шинель, положенную поверх лавки в моем блиндаже.

Несмотря на усталость, уснуть я сразу не мог, а все пытался придумать способ, как предупредить руководство страны о готовящемся наступлении. Ну почему в книгах у всех попаданцев обязательно есть с собой хотя бы мобильный телефон, а у каждого второго – ноутбук? Некоторые вообще прилетают в прошлое на современных самолетах и вертолетах. Естественно, им не составляет труда доказать свое иновременное происхождение. А вот в грубой реальности у меня нет ни одного предмета из будущего, даже часов. Все осталось в машине. К счастью, такие грустные мысли мучили меня недолго, и я провалился в сон, не обращая внимания на жесткость мой импровизированной постели.

Разбудил меня вой сирен. Наспех натянув заляпанную кровью немецкую форму, я осторожно приоткрыл дверь и, согнувшись, вышел наружу. С первого взгляда было видно, что рас-

поряжение об усиленной маскировке выполнено, и бойцы ночью потрудились на славу. Над входом в блиндаж не только висела новая маскировочная сеть, но и возвышалось деревцо, которого вчера не было, так что со стороны нельзя было догадаться, что здесь располагается ротный командный пункт. Поэтому я мог спокойно смотреть из укрытия, что творится на белом свете. А события, в масштабе нашего участка фронта, происходили примечательные. Похоже, мои предсказания сбылись, и немцы, понесшие ночью большие потери, смогли выпросить у командования «лаптежников». Они-то сейчас с воем и атаковали наши позиции, к счастью – ложные.

Мой расчет на высокую точность бомбометания Ю-87 оказался верным. Даже не очень опытные пилоты на этом пикирующем бомбардировщике клали бомбу не дальше пятидесяти метров от цели, и, сидя в окопах, мы могли не опасаться взрывов. Впрочем, кидать тяжелые фугасы на обычные окопы смысла не было, а у стокилограммовых бомб, которые, вероятно, нам приготовили, зона легких повреждений «всего» метров семьдесят. Поэтому, вооружившись новеньким трофейным биноклем и набив в уши ваты из аптечки, я спокойно наблюдал, стараясь запомнить тактику действия бомбардировщиков, как, встав в круг, «юнкеры» по очереди пикировали на наши позиции и заваливали берег реки бомбами.

Не без злорадства я отметил, что «юнкеров» было только семь штук, хотя в эскадрилье, или как там она называется у фрицев, должно насчитываться вроде бы девять или двенадцать самолетов. Видно, не так уж и спокойно им тут летается. Эх, еще хорошо бы нам поскорее освоить МГ-34. У нас имеются два станка, с которых можно вести огонь по воздушным целям, и надо научиться ими пользоваться. Сбить самолет мы, конечно, не собьем, но вот заставить его сойти с боевого курса вполне возможно. Но пока мечты о личной зенитной артиллерии оставались мечтами, «лаптежников» отогнать было нечем, и приходилось терпеливо ждать, пока они отбомбятся.

Наше поврежденное орудие немецкие летчики окончательно доломали в хлам, и так же методично они покончили с деревянной пушечкой, сооруженной из бревна, куска забора и тележных колес. Не пожалели самолеты и «блиндажи» с «окопами», столь беспечно оставленные русскими почти без маскировки. Под конец бомбардировщики уничтожили переправу, с таким трудом восстановленную ночью, и, гордые проделанной работой, немцы улетели на запад.

Солнце только поднялось над горизонтом и, следовательно, спал я недолго. Поэтому выслушав доклад о том, что потерь нет, и движения на западном берегу не наблюдается, я с чистой совестью отправился досыпать дальше.

Глава 3

19 сентября. День

Сколько я еще проспал, не знаю, но показалось, что меня сразу же растолкали.

«Кто бы это мог меня так бесцеремонно будить?» – думал я, спросонья отмахиваясь рукой.

– Сашка, вставай, форму тебе приготовили, так что собирайся.

– А, это ты, Сергей, – пробормотал я, зевая и потягиваясь. – Вот непоседливый. Сам не спишь и другим не даешь.

– Давай, давай, – продолжал теребить меня комбат, – быстро приводи себя в порядок, и идем к командиру полка знакомиться, а потом там же и пообедаем.

К счастью, бриться меня не заставляли. Об этой проблеме я подумаю позже, когда будет время. Естественно, в двадцать первом веке я брился только электрической бритвой, а здесь у меня нет даже станка. Конечно, раздобыть клинковую бритву нетрудно, но не зря же ее называют «опасной». Когда я представляю себе, что придется подносить к лицу острое лезвие и елозить им туда-сюда, меня просто охватывает дрожь. Нет, конечно, я смогу себя пересилить и попробую побриться «опаской». Но вот какая будет реакция окружающих, когда все увидят мое исполованное многочисленными порезами лицо, даже думать не хотелось. Ладно, потом навру Сергею, что всегда брился в парикмахерской, и попрошу его провести мастер-класс для «чайника». А еще лучше, потребую себе ординарца.

По дороге я заглянул к старшине и напомнил, чтобы бойцы почистили ствол сорокапятики, а заодно собрали стреляные гильзы и отправили их на склад. Свиридов, конечно, поворчал, но возражать не стал. Что поделаешь, пока артиллеристов нет, нам самим приходится заботиться о своей пушке.

Пока мы шли, командир вручил мне командирскую корочку и обрадовал меня новостью, что за ночь всех немцев с плацдарма окончательно выбили. Да я и сам заметил, что стрельбы на юге почти не слышно. Но всю мою радость омрачали мысли о грозном особом отделе, который позже переименуют в СМЕРШ. Разумеется, мне было известно, что басни о «кровавой гэбне» не имеют ничего общего с действительностью. Но я-то действительно появился на линии фронта без всяких документов, и нет ни одного человека, который мог бы подтвердить мою личность.

– Слушай, Сергей, – осторожно попробовал я выведать у комбата интересующие меня сведения. – А особист Соколова в лицо знает?

– Конечно, Танин его знает. Ты же не думаешь, что мы можем принять тебя без согласия особого отдела.

– И что, теперь там в отделе меня должны проверять? Но у меня же настоящих документов нет!

– Ну зачем же, тебя бой проверил. И ты сам видел, командиров в полку катастрофически не хватает.

Немного успокоившись, я открыл командирское удостоверение. Оказывается, Соколов был моим полным тезкой. Лицо на фотографии, конечно, не мое, но небольшое сходство имеется. Единственное серьезное отличие – это возраст. Мне тридцать шесть лет, а по документам только двадцать пять. Ну ничего, я и так выгляжу моложе своего возраста, а тут у нас еще и война, которая людей быстро старит – все измотанные, невыспавшиеся, в состоянии постоянного стресса. Так что с этой стороны ко мне никто не придерется. Но все-таки я сделал последнюю попытку жить по-честному.

– Серега, но может, все-таки меня мобилизуют официально, а?

– Ага, – вскипел Иванов, – и знаешь, что будет, когда в штабе дивизии услышат, что мы мобилизовали целого старшего лейтенанта?

– Эм-м-м? – безуспешно попытался я сформулировать глубокомысленный ответ.

– Драка будет, и серьезная, вот что. Ты вот что, полагаешь, что всем батальонам в дивизии так же повезло, как и твоему, получить в комбаты целого старлей? Как бы не так. Скажем, у наших соседей слева, в 259-м полку, вторым батальоном командует, насколько я помню, лейтенант Бочкарев². А тут вдруг старший лейтенант! Да тебя на куски разорвут, так что держи удостоверение и запоминай свои анкетные данные.

Штаб полка находился в уцелевшем подвале большого разрушенного дома. Присмотревшись, я понял, что дом был не разбомблен, а аккуратно разобран. Бревна были сложены в несколько слоев, чтобы служить дополнительной защитой, но издалека создавалась иллюзия развалин. Вход в подвал, естественно, замаскирован. Часовые у входа не маячили, а скрытно расположились в кустах. Так что первое впечатление было самое благоприятное.

Увидев, как я одобрительно рассматриваю расположение штаба, комбат с гордостью заметил:

– Наш командир уже две войны прошел. Он у нас во какой!

Командир полка Козлов³ оказался пожилым капитаном с военной выправкой. Вероятно, был призван из запаса, как и многие другие, решил я про себя.

Старлей на ходу буркнул «здравия желаю, тащ капитан» и юркнул к столу. Я вытянулся по стойке смирно, чего не делал уже лет двенадцать, и начал представляться:

– Товарищ капитан, разрешите доложить...

– Садитесь к столу, товарищ Соколов, – прервал он мое уставное приветствие. – Я хотел с вами познакомиться в неформальной обстановке. Да и ваш комбат предложил обмыть новое назначение, раз выдалось затишье.

Ах, вот почему у Иванова глаза были такие хитрые, а лицо обрадованное, когда мы сюда шли.

– Мы с вами побеседуем, я ознакомлю вас с текущей обстановкой и оценю уровень ваших знаний. Пока мы за столом, называйте меня просто по имени отчеству – Андрей Андреевич.

Хм, какой вежливый. Такое впечатление, что капитан раньше работал комиссаром и потому привык беседовать по душам с подчиненными⁴. Впрочем, насколько я уже разобрался, офицеров, вернее средних командиров, как говорят в этом времени, в полку можно по пальцам пересчитать, и это не метафора. Так что каждый старлей сейчас на вес золота. Между тем Иванов уже самолично разлил по кружкам прозрачную жидкость из обычного чайника, нарезал хлеб и открыл несколько банок консервов. И как только он все успел за несколько секунд?

Заметив, что я не тороплюсь тянуться к кружке, комполка сам пододвинул ее ко мне:

– Вы, Александр Иванович, спирт пьете? По приказу ГКО теперь всем бойцам передовой линии ежедневно положены сто граммов водки в день, но нам пока вместо водки выдают пищевой спирт.

Я в общем-то не пьющий, но тут отказываться не буду.

– Наш ротный еще и не курит. Просто ангел, – одобрительно, но с ехидством заметил комбат.

– А ты, Сергей, когда на фронт прибыл? – поинтересовался я.

– Аккурат первого числа в составе 676-го маршевого батальона, так что как раз успел под раздачу наркомовских ста граммов.

² За бои в сентябре 1941 года награжден орденом Красной Звезды.

³ В нашей истории погиб 28 октября 1941 года.

⁴ Действительно, Козлов А. А. до войны был политработником.

Проглотив полстакана самодельной водки, я быстро запил чаем и приступил к мясным консервам.

– Ешьте больше, Александр Иванович, не стесняйтесь, – подбадривал меня капитан. – У нас за последние недели много раненых выбыло, а довольствие пока не сократили. Так что двойную порцию мяса мы иногда можем себе позволить.

Заметив мою усмешку, оба сотрапезника тут же вопросительно посмотрели на меня.

– Анекдот вспомнил, – пояснил я. – Командир посмотрел фильм про Чапаева и решил ему подражать. «Приходишь ты ко мне, – объясняет он бойцам, – а я чай пью, и ты садись чай пить. Или, приходишь ты ко мне, а я мясо ем, и ты тоже садись чай пить».

– Хм, а ведь я воевал под началом Чапаева в Гражданскую, – сказал капитан. – Внешне актер Бабочкин на него не похож, но вот стиль общения и фразы подмечены верно. Кстати, меня он чаем тоже поил. А его сына я встречал в июле под Невелем, где он командовал арт-дивизионом.

Когда мясо с хлебом исчезло, на стол выложили сухари.

– Печенье и масло из компайка мы в госпиталь отдаем, – пояснил Иванов. – Твой паяк, кстати, тоже. Ты же не против?

Утолив голод, я начал потихоньку расспрашивать своих командиров:

– Андрей Андреевич, я хотел бы больше узнать о нашей части. И кто командует дивизией, если комдива сейчас нет?

– Обязанности командующего исполняет начштаба дивизии подполковник Ерошенко, пока не пришлют нового командира. А предыдущий – полковник Гвоздев погиб восьмого сентября.

Капитан достал газету и протянул мне. На первой странице была заметка о гибели командира 179-й СД в бою под Андреаполем.

– Где? – я даже закашлялся и ошарашенно смотрел на газету. Это же битва византийцев с готами. Тут что, одни попаданцы собрались?

– Этот город в пяти километрах к северу отсюда. А вы, конечно, вспомнили о битве при Адрианополисе в 378 году, когда в сражении погиб римский император Валент. – Козлов мягко улыбнулся, усталость сошла с его лица, и стало ясно, что ему не больше сорока пяти лет.

Да, признаться, похожие названия городов сбили меня с толку. К тому же та битва тоже была с германцами, только с готами.

– Хм, надо сказать, ситуация тогда была любопытная, – задумчиво углубился капитан в воспоминания. – Римский император, правивший христианской страной, был язычником, а варвары, с которыми он воевал, были почти поголовно христианами.

– А вы образованный, – одобительно заметил я.

– До революции я был поручиком царской армии. Конечно, не довоенным кадровым офицером, тех почти не осталось, но образование получил хорошее.

– А с началом войны вас призывали из запаса?

– Нет, я как надел военную форму еще в Первую мировую, так уже больше четверти века ее не снимаю.

Хм, кадровый военный, да еще с таким опытом. Повезло нашему полку. Вот только звание у комполка не соответствует возрасту.

– А... – я запнулся, – вас, наверное, в тридцать седьмом году посадили по ложному доносу, как *товарища* Рокоссовского, – я специально выделил слово «товарища», – а потом долго разбирались? Поэтому вы все еще капитан?

Увидев мое вытянувшееся лицо, он невольно усмехнулся.

– Сидеть мне, к счастью, не пришлось, а вот в звании действительно понизили. Ну что же, время тогда было суровое. Наш командарм – генерал Юшкевич, тогда тоже больше года

провел в тюрьме. Его посадили как раз в самом конце ежовских репрессий. При Берии все дела начали пересматривать, но ждать Юшкевичу пришлось долго.

– Да, при Ежове обвиняли быстро, а вот чтобы разобраться во всех этих ложных доносах нужно несколько лет, – согласился я. – К тому же слабовольные командиры, которые признавали свою вину и подписывали доносы на сослуживцев, в большинстве своем были расстреляны, и опровергнуть свои показания уже не могут. Выживали в основном те, кто, как Константин Константинович, свою вину не признал.

Хотя капитан не показывал виду, но вспоминать о репрессиях ему, наверно, было не очень приятно. Поэтому я перешел к более актуальным проблемам.

– Андрей Андреевич – попросил я. – Расскажите о нашей дивизии. Какой боевой опыт имеется у командного состава и рядовых бойцов, и где соединение сражалось?

Капитан грустно улыбнулся.

– Опыт есть, но большинство командиров погибли или в госпитале. Поэтому-то мы вам так рады. До войны наша 179-я дивизия дислоцировалась в Литве, недалеко от Вильнюса. Личный состав корпуса в основном пополнялся местными жителями, и в первый же день войны они начали дезертировать и даже стреляли в своих командиров. Как оказалось, литовцы заранее готовились к войне и с помощью предателей в наших рядах организовали нападения на штабы и склады.

– И чего им надо? – вспыхнул комбат. – Мы им Вильнюс вернули, который поляки у Литвы отняли, а они предали.

– Наш комдив заранее принял все меры предосторожности, так что литовцам было трудно дезертировать, – продолжал свой рассказ Козлов. – Потом дивизия отступала через Белоруссию. В начале июля пришло пополнение, и, отправив ненадежных литовцев на восток, соединение заняло оборону у Невеля, прикрывая Великие Луки. Вот как раз в это время я и получил назначение в наш полк. Тогда против наших шести дивизий немцы бросили шестнадцать, в том числе три танковые и три моторизованные. Бои были очень тяжелые. Все командование дивизии погибло, включая начальника штаба и комиссара, кстати литовца. Как вы понимаете, при таком соотношении сил нам приходилось отступать. Самый тяжелый бой произошел 19 июля. В тот день бойцы нашей дивизии подбили пятнадцать танков, но нас оставалось слишком мало, и город пришлось оставить.

Капитан медленно отпил из кружки и продолжил:

– Но уже через два дня наша дивизия совместно со 126-й и с приданным 23-м мехкорпусом отбили Великие Луки обратно. Обратите внимание, мы одни из первых, кому удалось освободить город от немцев. Больше месяца наша армия продолжала удерживать позиции, и мы даже переходили в контратаки, но силы были на исходе. После полутора месяцев тяжелых боев в дивизии из восьми тысяч оставалось буквально несколько сотен человек без всякой техники и артиллерии. Хорошо еще, раненых успевали эвакуировать.

– А ведь бойцы, раненные два месяца назад, уже начинают возвращаться в строй, – заметил Сергей – Жаль, что нет приказа, требующего направлять военнослужащих после лечения в свои подразделения.

– У соседей дела обстояли не лучше, – продолжал капитан. – В мехкорпусе не осталось ни одного исправного танка. Среди командиров потери тоже были очень большими. Так что не удивляйтесь, что ротой командует старшина, батальоном старлей, а полком капитан.

– Дивизия действительно героическая. – Я с уважением посмотрел на своего командира. – И старшина мой не обычный хозяйственник, который может только портянки подсчитывать, а самый настоящий боевой командир. Фактически – заместитель командира роты.

Немного помолчав, Андрей Андреевич снова вернулся к воспоминаниям.

– 22 августа немцы сосредоточили в одном месте две танковые и четыре пехотные дивизии, прорвали фронт и начали замыкать кольцо окружения. На следующий день мы получили

приказ прорываться, пока противник не успел укрепиться. После выхода из окружения нам успешно удалось отбить танковую атаку, хотя при этом погиб начальник штаба дивизии капитан Мельцер, руководивший боем. Оторвавшись от противника, дивизия отошла на северо-запад. В сентябре нас пополнили маршевым батальоном, дали немного пушек и гаубиц.

Освободив часть стола, Козлов расстелил на нем карту.

– Теперь мы держим оборону вот на этом изгибе Западной Двины. Нашей обескровленной дивизии достался участок километров десять-двенадцать. Фашисты периодически пытаются форсировать реку в разных местах. Особенно туго нам пришлось восьмого числа, когда погиб наш второй комдив. Снова были большие потери, от 618-го арtpолка ничего не осталось. Закрепиться на нашем участке берега немцам не удалось, но вот южнее у них был плацдарм, откуда можно наступать вдоль железной дороги прямо на Ржев. Для ликвидации плацдарма мы с соседями направили по одному полку, так что здесь оборона еще сильнее ослабла. Вот германцы вчера этим и воспользовались. Если бы им удалось прорваться, они нанесли бы удар на юг – в спину 259-му полку нашей дивизии, который вчера вытеснял врага с восточного берега. Но, как мне доложили, к утру плацдарм освобожден полностью, а руководил операцией командующий 22-й армией генерал Масленников. Кстати, день наступления он выбрал очень удачно. 15 сентября немцы праздновали день национального флага и по случаю красного дня начали большое наступление, как на нашем участке, так и на соседних. И, разумеется, понесли большие потери. Поэтому к обороне они не были готовы.

А это для меня было новостью. В наше время я очень часто читал о том, что советские командиры якобы бросали на убой войска по случаю красных дней, а вот о том, что немцы действительно так делали, наша демократическая пресса почему-то никогда не упоминала. Интересно, почему в своих воспоминаниях маршал Конев не очень хорошо отзывался о Масленникове? Возможно, просто командующий фронтом плохо представлял себе ситуацию на местах, а командующий армией не понимал общего замысла фронтовой операции.

– А кто наши оппоненты?

– 102-я пехотная дивизия 23-го армейского корпуса, под командованием генерал-лейтенанта Яна Ансата. Они же защищали плацдарм. Но хотя по фронту нашей дивизии противостоит только один полк, по численности он превосходит нас раза в три. Впрочем, за последние сутки соотношение значительно улучшилось.

– Да, немцы свои части сейчас активно пополняют, и укомплектованность доходит до девяноста процентов, – блеснул я своими познаниями военной истории. – К тому же штатный состав у них тысяч шестнадцать-семнадцать человек, плюс полторы сотни орудий и почти столько же минометов.

– Верно, – кивнул комполка. – Насколько мне известно, в начале месяца в 102-й дивизии насчитывалось более шестнадцати тысяч человек, но теперь они только за три дня потеряли на плацдарме две с половиной тысячи человек убитыми.

Очень даже неплохо для сорок первого года. Я вспомнил, что до начала октябрьского наступления немцев на Москву 22-я армия твердо удерживала свои позиции и отошла только по приказу, когда бронированный клин 1-й танковой группы прорвал фронт южнее, и появилась угроза окружения. Задумчиво рассматривая карту, я заметил:

– Немцы напрасно пытаются закрепиться на этом берегу. Они только несут ненужные потери в бесплодных атаках, так что по большому счету нам это выгодно.

– Вот как? – немного удивился Козлов. – Потери на плацдарме у противника действительно большие. Затрудненность в подвозе боеприпасов, окружение с трех сторон и отсутствие места для маневра привели к тому, что германцы отступают, хотя обладают численным преимуществом по сравнению с нашей ударной группой. Но почему вы считаете, что германцам нет смысла лезть на левый берег?

Я попросил достать карту центральной части России и стал объяснять:

– Танковых соединений у врагов здесь нет, боевые порядки растянуты, и основной удар будет проходить южнее. Там немцы сосредоточивают свои танковые группы, а на каждую дивизию приходится участок всего три километра. Если танки прорвут фронт и вклинятся далеко на восток, то нашей армии обязательно отдадут приказ отходить к новому рубежу обороны по линии Осташков—Селижарово—Олонино, имея задачу не дать немцам прорваться к нам в тыл. За этой оборонительной линией расположена следующая, прикрывающая Ржев. Мы уже научились вовремя отходить в случае охвата противником и угрозы окружения. Новые рубежи готовятся уже давно, правым флангом они упираются в озеро Селигер и верховья Волги, так что можно рассчитывать, что там мы немцев окончательно остановим. – То, что на Ржевском рубеже наша армия не удержится, упоминать не стоило.

Капитан, выслушивая мои откровения, все больше удивлялся, откуда у обычного старлея запаса такие сведения о стратегических замыслах вражеского командования и о системе наших оборонительных рубежей, но слушал он не перебивая.

– Судя по тому, – продолжал я – что дивизия до этого отходила на северо-восток, то наша следующая позиция будет где-то в районе Сычевки, на берегу Волги. В любом случае для нашей дивизии этот рубеж будет последним. За Волгой для нас земли нет. – Эта такая привычная в наше время фраза произвела на всех сильнейшее впечатление. – Но надеюсь, до этого дело не дойдет, и мы будем удерживать рубеж по Западной Двине. Жаль только, что от нас мало что зависит.

– Сашка, – не понял моей мысли Иванов, – ты что огорчился, что попал на спокойный участок фронта?

– Спокойной здесь обстановку назвать, конечно, нельзя, и сражений еще будет предостаточно. Но основные бои, от которых зависит исход войны, будут происходить в другом месте.

Между тем капитан, вспомнив о чем-то важном, снова развернул карту с расположением нашей дивизии.

– Да, еще хотелось бы рассказать, что мы узнали от ваших новых пленных. Начальника нашего особого отдела срочно вызвали в штаб армии, но переводчик допросил все троих, и они рассказали много интересного.

– Троих, а четвертый где? – заволновался я. Неужели сбежал?

– Умер от потери крови. Так вот, как вы знаете, бои за плацдарм были очень тяжелыми и упорными. 102-я немецкая дивизия задействовала в них всю свою артиллерию. Поэтому командование германского корпуса распорядилось, чтобы соседняя 251-я дивизия, атакующая Андреаполь, выделила дивизион гаубиц. Это было по большому счету в их же интересах. Они понимают, что стоит нашим войскам закрепиться на правом берегу, то мы сможем угрожать им с юга. А вот если с помощью огневой поддержки нас здесь потеснят, то тем самым облегчат немцам задачу по взятию города. Все делалось в спешке, командование дивизии успело направить только две батареи и лишь часть тыловых команд. К счастью, ко времени начала вечернего наступления они все равно не успели. К тому же немцы пожадничали и выделили мало автотранспорта.

– И оказались правы, – усмехнулся Сергей. – Весь свой выделенный транспорт они потеряли.

– Кроме этого, командир дивизии еще вернул батарею полковой артиллерии, которую временно забирал у 232-го полка для обороны плацдарма. Туда еще входят две 150-миллиметровые гаубицы, которые вы тоже уничтожили.

– Странно, – поразился я. – В дивизионной артиллерии 105-миллиметровые гаубицы, а в полковой – 150-миллиметровые. Жаль, что у нас не было возможности захватить все орудия.

– Да вы и так много сделали. Гаубицы со всем запасом снарядов мы отправили в распоряжение дивизии, а четыре пушки останутся в нашем полку. Я попробую поскорее найти для них наводчиков. Но это еще не всё. Оказывается, что один из пленных офицеров лично

ездил к командиру 102-й дивизии на согласования и знает новое месторасположение штаба. Вчера, после того как немцев стали активно теснить, генерал Ансат перенес его, а заодно и штаб вашего любимого 232-го полка, в маленький хуторок недалеко от деревушки Фомино. Это примерно в четырех километрах к западу отсюда.

– Сколько человек охраняет хутор?

– Пленный точно не знает, но, наверно, человек сто. Видимо, неполная рота, поредевшая во время недавних боев. Всех мирных жителей оттуда, естественно, выселили. Но атаковать мы не сможем, – сразу предупредил капитан мой вопрос, – германцы успели укрепиться, и всего нашего полка для атаки недостаточно. К тому же, пока мы будем штурмовать вражеские позиции, к ним успеет подойти помощь. Не забывайте, что недалеко в селе находятся два или три батальона, пусть и изрядно потрепанных.

– Товарищ капитан, – перешел я на официальный тон. – Сегодня нам точно известно расположение штаба дивизии, а завтра его, вполне возможно, перенесут. Когда немцы узнают, что мы захватили в плен артиллерийского офицера, то поймут, что он нам все рассказал. На подготовку нового места для штаба много времени не понадобится. Считаю необходимым обстрелять хутор как можно скорее, и лучше всего этой же ночью.

– Идея хорошая, – одобрил командир, – и для ее реализации нам выделяют один дивизион 122-миллиметровых гаубиц 619-го гаубичного полка и минимум десять-двенадцать выстрелов на каждое орудие. Полагаю, этого вполне достаточно. Но с наших позиций хутор не просматривается, на карте он не обозначен, и без корректировщика мы штаб, скорее всего, не накроем.

– А авиация нам не поможет?

– Нашей ударной группе на плацдарме придали авиадивизию смешанного состава, и несколько самолетов они, конечно, согласятся послать на такую цель. Но до вечера бомбы им завезти не успеют.

– В таком случае мы пошлем корректировщика на западный берег. Как вы полагаете, товарищ капитан, с какой стороны нам лучше идти?

– С юга нельзя, – задумчиво ответил комполка, водя карандашом по карте. – Хотя наш полк и укрепился на правом берегу в Данилово, но рядом полно немцев. С востока от наших позиций переправляться тоже не стоит. После вашего ночного рейда немцы должны стать умнее и наверняка выставят больше постов. Вот что, я предлагаю произвести вылазку с севера, близ Андреаполя. Германцы сейчас постоянно штурмуют город и знают, что у защитников еле хватает сил обороняться. Поэтому они не ждут атаки, подступы не минируют и много постов не выставляют. Вот только с рациями у нас плохо. В полку только одна 6-ПК. Чтобы найти вторую, нужно согласовать, по крайней мере, с начальником штаба дивизии, и неизвестно, когда ее пришлют. Да и не разрешат нам тащить рацию в тыл врага.

– А среди трофейного имущества раций разве не было?

– Почему же, были, даже две. Специалисты из батальона связи вместе с переводчиком сейчас пытаются в них разобраться. Но, к сожалению, они стационарные.

– Странно, должны же у артиллеристов иметься переносные аппараты для корректировщиков.

– Совершенно верно, просто корректировщики вместе со своими рациями вовремя уехали в полк, и еще одну радиостанцию забрал офицер, поехавший в штаб дивизии.

– Товарищ капитан, но телефон и пара километров провода найдутся?

– Это я могу обещать.

– Тогда предлагаю следующий план: нашу рацию вместе со связистом мы оставляем на переднем крае южнее Андреаполя, и радист будет поддерживать связь с гаубичным полком. Еще дадим ему полевой телефон, а сами поползем вот в этот лесок в тылу у немцев. При пересечении переднего края немецкой обороны провод будем маскировать, а дальше в маскировке необходимости нет. Если какой-нибудь патруль и заметит провод в темноте, то решит, что он

ведет к своему посту. Потом отходим в лес примерно на километр, выбираем высокое дерево, с которого видно село, и начинаем корректировку.

– Выполнить этот план будет нелегко, но другого выхода действительно нет. Что касается командира группы, то, как я понял, вы претендуете на это место. Конечно, нужно бы вам отказать, но ваша ночная операция была проведена весьма успешно, а штаб представляет собой очень важную цель, ради которой можно рискнуть. Так что...

Закончить комполка не успел, потому что в дверь негромко постучали:

– Разрешите, товарищ капитан.

Судя по петлицам младшего лейтенанта НКВД, это явился наш особист Танин, которого я так опасался.

– Разрешаю.

– Проходи, а то мы уже заканчиваем пирушку, – радостно приветствовал вошедшего комбат. Похоже, Иванов был на «ты» со всеми, кроме командира. – Тебе штрафную за опоздание.

Сергей еще раз разлил всем из спиртового чайника, но мне, к счастью, на доньшко. Дождавшись, пока оперуполномоченный полка выпьет, комбат, даже не дав ему закусить, тут же спросил:

– Есть какие-нибудь новости?

– Да нет, меня вызывали в армейский отдел для инструктажа по перебежчикам.

– Странно, – удивился комполка. – После того как от нас забрали литовцев, в нашем полку такой проблемы больше не было. Дезертирства, правда, случались. Хотя в бою точно не скажешь – погиб боец, в плен попал раненным или на самом деле сбежал подальше в тыл, но вот именно дезертирства не припомню.

– У нас не было, а вот на некоторых участках фронта такие случаи происходили: начинается неосознательный боец вражеских листовок и по глупости поверит тому, что там пишут. А потом ночью перебегает к врагу и сам, представьте, сам сдается в плен. В нашей дивизии народ, конечно, сознательный, да и река здесь. Но вот кое-где, к сожалению, такое происходит все чаще.

– Вот значит, как бывает. – Козлов помолчал немного и медленно начал рассказывать: – Мы-то в окружении только один раз и были, да и то сразу вышли. А вот некоторые части по три раза попадали и выходили с боями. Я беседовал с некоторыми из таких товарищей. Они рассказывали, что когда у окруженцев заканчиваются боеприпасы, продовольствие, медикаменты, а линия фронта далеко, то многие бойцы, слабые духом, от отчаяния бросали оружие и сдавались немцам. Их можно понять, хотя и не простить. А вот как можно сдаться без окружения, я вообще не понимаю. Хотя в Империалистическую было намного хуже. Тогда у Германии еще не имелось механизированных частей, не было стремительных прорывов танков и быстрых окружений. И все-таки миллионы наших солдат тогда сдавались в плен.

– Мне некоторые фронтовики рассказывали, как бороться с перебежчиками, – опять не удержался я от демонстрации послезнания.

Услышав про интересующую его тему, особист первый раз внимательно посмотрел на меня, и этот внимательный взгляд мне не понравился.

– Несколько смелых бойцов берут компактное оружие – пистолеты, к примеру, а если есть, то и автоматы, прячут под одеждой или закрывают котелком. Они идут к немецким позициям, размахивая листовкой-пропуском и крича «нихт шассен, битте бред» и прочую ерунду. Немцы сейчас, в начале войны, еще непуганые и думают, что большевики вот-вот побегут сдаваться в плен. Поэтому они радуются и принимают всё за чистую монету. Наши бойцы спокойно подходят к передовому посту, еще и спрашивают, где проход в минном заграждении, а потом открывают огонь и спокойно отходят. – На самом деле я читал, что такие случаи были в 1943 году. Но тогда в 1941-м этот трюк тем более должен был прокатить. – Несколько таких

акций на разных участках фронта, и немцы сами начнут стрелять в перебежчиков. Может быть, стоит протолкнуть эту идею наверх, как вы думаете?

– Здорово, – восхитился особист. – Наверно, это была частная инициатива на местах, потому что я об этом ничего не слышал. Пойдемте, товарищ старший лейтенант, помогите составить мне рапорт с вашим предложением.

Мы прошли в соседний подвал, где располагался особый отдел полка. Лейтенант знаком предложил мне садиться и немного помолчал, не зная, как начать разговор. Я решил ему помочь, благо что свою легенду для такого случая заранее придумал.

– А что, если сынок какого-нибудь высокого начальника не захотел отсиживаться в тылу и решил сбежать на фронт. Не все же берут пример с товарища Сталина, который отправил своего сына на войну простым лейтенантом.

– Старшим лейтенантом, – машинально поправил энкавэдэшник. Наверно, его специально инструктировали, на случай, если Яков выйдет из окружения.

Минуты две мы сидели молча. Я ждал следующего хода Танина, а он все продолжал размышлять.

– Ищут вас, товарищ Соколов, – наконец, решился особист. – Нас специально вызывали для инструктажа в особый отдел армии, так как информация сугубо секретная.

– Интересно, и под какой же фамилией меня ищут, – усмехнулся я.

– Вы правы, фамилию нам не назвали.

– Тогда откуда вы знаете, кто именно вам нужен. Может, я такой не единственный?

– Наверняка не единственный. Но в данном случае ориентировка точно была на вас. Сказали, что появится человек недалеко от Андреаполя, возможно в старинных доспехах, и станет нам помогать. Про вашу кольчугу мне уже доложили, о том, как броневики подбили, тоже. А трофейные гаубицы и пленные офицеры нашему полку не каждый день достаются. Выходит, это вы!

– Всё верно, – протянул я удивленно. – Хотя ума не приложу, как о моем появлении узнали. Ну ладно, теперь ваш долг сообщить обо мне куда положено и увезти меня куда следует.

– Мой долг воевать с фашистами и помогать всем, кто с ними воюет, – возразил Танин. – А вы воюете превосходно, так что ваше место здесь.

– Ну, это не нам решать. Эх, если бы наверняка знать, зачем меня ищут. Если для того, чтобы Генштаб прислушался к моему мнению, то я смогу принести пользу всему фронту. А если для того, чтобы запрятать меня подальше, то лучше остаться здесь. Вот что, товарищ уполномоченный, предлагаю такой вариант: этой ночью мне нужно провести очень важную операцию по уничтожению штаба вражеской дивизии, а утром вы уже сообщите обо мне наверх. А отсрочку объясните тем, что искали мою кольчугу, чтобы точно удостовериться в моей личности. Кстати, она лежит в моем блиндаже.

Поколебавшись, Танин признал доводы разумными и операцию срывать не захотел:

– Хорошо, так и сделаем. А рапорт с вашим предложением по предотвращению предательства я действительно сейчас напишу.

Вернувшись в штаб, я продолжил обсуждение моего плана:

– Теперь надо найти кого-нибудь из местных жителей, хорошо знающих этот лесок.

– Петров, – обратился командир к адъютанту, – вызовите бойцов Весельчаковых.

Адъютант выскочил, а капитан снова повернулся ко мне.

– Знатоки леса сейчас придут. Разведчиков сколько попросите?

– Хватит и двоих. Если нас обнаружат, то и десять человек не помогут. Главное, чтобы ходили бесшумно. Нам не «языка» надо брать, а просто пройти незаметно туда и обратно. – Хм, я прямо как хоббит Бильбо. – Хотя достаточно, если мы только дойдем туда и уничтожим штаб.

– Товарищ капитан, по вашему приказанию бойцы Весельчаковы прибыли, – доложил адъютант.

Заметив мое удивление, в который уже раз за сегодняшний день, командир пояснил:

– Я же четверть века в армии и давно понял, что местные жители всегда знают больше, чем указано на карте. Да и карты у нас зачастую старые, а то и вовсе отсутствуют. Поэтому всегда стараюсь держать рядом людей, хорошо знающих данную местность.

– А если вас назначат командующим фронтом, то вам придется собирать целый полк таких знатоков местности, – пошутил Сергей. Настроение у него было веселое, а за меня он нисколько не боялся, так как был полностью уверен в успехе.

Весельчаковы спокойно ждали, вытянувшись по стойке смирно. Судя по всему, это были отец и сын. Я прикрыл папками позиции наших войск – мало ли, вдруг они в плен попадут, и подозвал бойцов к карте.

– Вот где-то здесь расположен хутор, в котором находится немецкий штаб, – пояснил я. – В крайнем большом доме. С нашего берега эта местность не просматривается. Поэтому, чтобы артиллеристы могли попасть в него из гаубицы, мы должны вот здесь пройти через немецкие позиции, затем в этот лесок, найти там высокое дерево и с него корректировать огонь.

Весельчаков-младший взял карандаш и нарисовал точку:

– Вот тут есть подходящее дерево. Оно стоит на пригорке, очень высокое, и залезть легко. С него все окрестности видно. Я... – паренек осекся и посмотрел на отца. Видно было, что он опасается его больше, чем командира полка. – Мы... с Лешкой поспорили, что он не залезет. А он и то залез, хотя увалень редкий.

– Я проведу корректировщика, товарищи командиры, – вмешался старший боец. – По этому лесу я силки на зайцев ставил, еще когда он барам принадлежал. И война у меня уже не первая. А он вот, – кивок в сторону сына, – еще рекрут неумелый. А старый конь борозды не испортит.

– Хорошо, – быстро согласился я. Было видно, что капитан сомневается, но идти-то мне, так что выбирать напарников буду я сам. – Подойдите к вещевому складу полка, выберите немецкую форму нужного размера и возьмите автомат.

Теперь следовало договориться с разведчиками 178-й дивизии, чтобы они показали нам проход в тыл врага. Не успел капитан поговорить с ними по телефону, как явились наши полковые разведчики, возглавляемые старшиной, исполняющим обязанности командира разведвзвода. В мое распоряжение предоставили рядового Осипова и сержанта Смирнова, в которых с первого взгляда можно было признать ветеранов.

Разъяснив задачу, я приказал им тоже подобрать себе немецкую форму. Свое трофейное оружие у них уже было, причем не абы что, а новенькие МП-40. Также напомнил им взять с собой мешочек с золой или углем, чтобы потом не тратить время на поиски. Разведчики немножко удивились, но зачем нам понадобится уголь, они догадались сразу.

Рассматривая карту с расположением немецких подразделений, я размышлял о том, что они могут предпринять после уничтожения штаба. Враги сейчас и так деморализованы тяжелыми потерями и вынужденным отступлением. Если к этому еще прибавить гибель командного состава дивизии и полка, то немцы могут не выдержать и удариться в бегство. А в случае окружения даже есть вероятность, что они могут сдаться в плен. Хотя на последнее особо рассчитывать не приходится. Сейчас только 1941 год, а у нас просто нет столько войск, чтобы окружить село Синичино, где укрепились остатки 232-го полка. И тут я вспомнил об одном фокусе, который удачно применяли наши войска в начале войны.

– Товарищ капитан, в дивизии имеются тягачи или тракторы?

– У артиллеристов есть по крайней мере один работающий.

– Хотелось бы минимум два. Нельзя ли раскулачить 178-ю дивизию, обороняющую Андреаполь? В конце концов, за ними должок – мы их от целого немецкого дивизиона избавили.

– Хорошо, думаю, нам не откажут. А для каких целей?

– Накроем их брезентом и приделаем палку для имитации пушки. Как только стемнеет, надо будет переправить наши эрзац-танки и одну-две роты пехоты на правый берег, и сразу же после этого начинать обстрел штаба. Одновременно открываем огонь по Синичино из минометов, а если есть возможность, то подключим и артиллерию. Тем временем тракторы должны как можно громче шуметь и имитировать танковую атаку. На открытое место они выезжать не будут, а если их кто-нибудь и заметит, то в темноте и издалека не поймет, что это такое. Еще можно будет хором прокричать «Ура». Наша задача минимум – это не дать фашистам прийти на помощь своему штабу. Если немцы не полные идиоты, то они не захотят выходить из своих укрытий и бежать к лесу под огнем противника. Поэтому часть наших сил мы отправим к хутору, чтобы уничтожить всех штабистов, оставшихся в живых, и поискать какие-нибудь важные документы.

– А задача максимум? – поинтересовался комбат.

– Заставить фрицев надеть в штаны и выйти с поднятыми руками.

– Сашка, а ты думаешь, получится? – оживился Сергей. – Вот было бы здорово взять в плен почти целый полк.

– Я слышал, что тракторами на южном фронте румын очень хорошо гоняли. Но немцы более дисциплинированные. Так что все, на что нам можно надеяться, это заставить их сидеть как мыши в норе и носа не высовывать.

– Хорошо, попробуем, – согласился комполка. – Кто там ночью в лесу разберет, настоящие танки или нет. Товарищ Иванов, думаю поручить это задание вашему батальону. Если дозорные у реки вас заметят, обстреляйте их и продолжайте переправу. Увидев большой отряд, германцы предпочтут отступить к своим укреплениям, и до утра оттуда не выйдут. Тем более что артиллерии у них не осталось. Надо только решить, где будете переправляться.

– Если мы сможем найти пару сотен мешков, то можно будет устроить скрытую переправу, – предложил я. – Насколько мне известно, лето было жарким и почти без дождей. Река обмелела, и тут должно быть много бродов, пусть и довольно глубоких. Набиваем мешки землей, складываем из них опоры для переправы так, что до поверхности воды останется сантиметр двадцать или тридцать. Сверху кладем доски, естественно, привязав их к мешкам или к камням, чтобы не всплыли. Если расстояние между опорами нашего подводного моста будет около метра, то река не запрудится, а тягачи смогут спокойно проехать. Речка не такая уж большая, так что все можно будет сделать очень быстро.

– Почему бы не поднять опоры повыше, чтобы нам не пришлось мокнуть лишний раз?

– Ну, переправа нам еще понадобится, а если настил будет видно, то немцы ее разбомбят.

– Так, с переправой мы определились, – заключил комполка, – еще попробую уговорить штаб соседней 29-й армии помочь нам. Они очень умело применяли обходные маневры в ходе последних боев, так что надеюсь, наша идея им понравится.

Решив все вопросы, я тоже отправился на склад выбирать себе форму по росту. Старую, заляпанную кровью, надевать не хотелось.

Через полчаса явился корректировщик – младший лейтенант артиллерии Гусев, вместе со связистом, несшим два телефона и катушку провода. Так как у нас было много трофейных биноклей, то я раздал по одному разведчикам, не забыв и себя, любимого. У артиллериста сразу загорелись глаза, когда он увидел цейсовскую оптику, и я великодушно согласился с ним поменяться.

Сержант-разведчик быстро научил нас менять магазин на МП-40 и показал, как нажимать кнопку, чтобы разложить приклад. Распихав магазины по трофейным подсумкам, мы

стали прицеплять их к амуниции. Оказалось, что это не так уж и просто. Крепить подсумки можно лишь к поясному ремню, и только под наклоном градусов сорок. Довольно непривычно, но перешивать петли времени не было. Впрочем, такой способ оказался достаточно удобным. Но так как всем выдали по десять магазинов, а два подсумка, входивших в комплект, были рассчитаны только на шесть, то пришлось рассовывать оставшиеся по карманам. Мы попрыгали и еще раз переложили боезапасы поудобнее, чтобы и ничего не гремело, и ползти не мешало.

Наш маленький отряд вышел за три часа до заката, поэтому шли мы не спеша, обходя открытые места, где нас мог подстрелить вражеский снайпер. Мне уже рассказали, что именно так погиб командующий дивизией полковник Гвоздев. Он решил срезать путь и пройти через открытую местность, простреливаемую снайпером.

Немецкую форму надевать пока не стали, ведь нам еще километров пять топтать по нашим позициям. Еще не хватало получить пулю от своих.

Как и обещал капитан, разведчики соседней дивизии нас встретили и провели на передовую позицию. Мы переоделись в немецкую форму, и любопытные солдаты, особенно молодое пополнение, обступили нас, стараясь получше рассмотреть эдакую диковинку. Я даже специально прошелся по окопам, чтобы подбодрить наших бойцов. Пусть видят, что немецкий зверь не так уж и страшен, что его тоже можно изловить и содрать с него шкуру.

Когда солнце уже стало садиться, мы достали мешочек с угольками и начали намазывать себе лицо и кисти рук. Местные разведчики, не раздумывая, тоже последовали нашему примеру.

Связист еще раз проверил работу телефона, повторил условные сигналы, и мы поползли. Местность была лесистой, и в сумерках здесь легко можно было пробраться незамеченными. Как я понял, на нашем участке немецкие посты были довольно редкими, и особых проблем не ожидалось. К тому же было видно, что разведчики на местности ориентируются великолепно, и маршрут хорошо изучили. Честно говоря, я был рад спихнуть проблему пересечения линии фронта на других, и думал только о нашем батальоне, которому, возможно, скоро предстоит бой. Впрочем, уже через пару сотен метров ерзанья по земле никаких мыслей в голове, кроме как о избитых локтях и коленях, уже не оставалось.

– Товарищ старший лейтенант, – одернул меня сержант, – не пыхтите так сильно. Немцы рядом.

Черт, я что, действительно шумлю больше всех? Мало того что я не привык к такому способу передвижения и выбился из сил, так мне надо еще и за дыханием следить! Но постепенно, приглядываясь, как ползут профессионалы, я приноровился повторять их движения, и оказалось, что ползание – не такое уж и утомительное занятие. Правда, автомат у меня висел на спине, в отличие от разведчиков, держащих оружие в руках. Но ничего, со временем научусь и этому.

Приблизившись к немецким позициям, мы изменили темп движения. Теперь каждые пятьдесят метров разведчики останавливались и долго прислушивались. К счастью, опасности пока не было. В крайнем случае, если нас засекут, мы сможем по телефону скорректировать огонь минометов и успеем отойти обратно. Но все обошлось, участок действительно оказался спокойным. Стрельбы здесь почти не было, осветительную ракету немцы запустили только один раз, и то далеко в стороне, так что мы даже не останавливались. Все время попадались заросли кустарников и небольшие рощицы, поэтому уже метров через триста после пересечения передовой мы встали и дальше пошли пешком, лишь немного пригнувшись.

Обещанная Весельчаковым роща действительно стояла на бугорке. Хотя в темноте сам холмик не было видно, но мы почувствовали, что тропинка пошла в гору. Несмотря на темноту, старожил этих мест уверенно подвел нас к большому дереву. Дойдя до цели, я вздохнул с облегчением, потому что провод в катушке уже заканчивался.

Скинув сапоги и аккуратно положив автомат, я ухватился за толстую нижнюю ветку и начал карабкаться на дерево. Артиллерист, не снимая со спины катушку, полез за мной. Уже минут через пять он сидел на самом верху и поудобнее устраивал телефон в развилке ветвей. Когда мне удалось забраться на соседнюю с ним ветку, лейтенант доложил мне, что связь работает, цель обнаружена и опознана, а дивизион готовится начинать пристрелку.

– Ну, приступай, Гусев, задай жару фрицам, – подбодрил я артиллериста. Мне же осталось только достать старый потрепанный бинокль и наблюдать за происходящим.

Естественно, никакого хутора я в темноте не нашел. Младлей несколько раз показывал мне направление, куда надо смотреть, пока я случайно не заметил несколько огоньков, почти незаметных за стеной деревьев. В бинокль стали видны темные строения с освещенными окнами и серые фигурки солдат, расхаживающие вокруг.

– Вот немцы сволочи, не заботятся о светомаскировке. Ну мы им сейчас подсветим, – бурчал я, довольный, что пока все складывается удачно.

Свиста снаряда с такого расстояния было не слышно, поэтому сначала я заметил яркую вспышку, чуть не ослепившую меня через стекла бинокля. Секунд через пять долетел грохот разрыва, и сразу же, но уже потише – буханье от выстрела гаубицы.

– Перелет двести тридцать. – При десятикратном увеличении оптики дистанция полтора километра это не расстояние. Хутор был виден как на ладони, и артиллерист спокойно корректировал огонь своего орудия.

Секунд через двадцать за лесом снова вспыхнуло, но я уже смотрел без бинокля. Теперь снаряд лег всего метрах в тридцати от цели, и в третий раз отстрелялся уже весь дивизион. Стена огня накрыла цель, и я засомневался, что там кто-нибудь может выжить. Как и обещал капитан, всего по хутору произвели двенадцать залпов. Теперь вместо сплошной стены огня осталась только россыпь огоньков, отсюда кажущихся игрушечными – догорали остатки домов и сараев, разбросанных взрывами по окрестностям.

Уже спускаясь вниз, я решил, что обратно лучше не идти – всполошенные ночным обстрелом немцы наверняка усилят бдительность. А вот прогуляться в сторону штабных развалин не мешало бы. Разведчики согласились со мной, что там нас может ждать много интересного, и мы трусцой отправились к хутору, ориентируясь по отблескам пожара.

Уже на подходе стали слышны взрывы со стороны села, которое сейчас должен был осаждать наш батальон. Моего скромного опыта уже хватало, чтобы отличить разрывы больших снарядов и маленьких мин ротных минометов. Потом добавилась трескотня пулеметов, сильно ослабленная расстоянием.

Прежде чем выходить к хутору, расположенному на открытой поляне, мы залегли в зарослях и внимательно его осмотрели. Целых строений, естественно, не осталось. Повсюду были разбросаны горящие бревна и доски, виднелись остовы сгоревших легковушек и грузовиков.

Как можно было ожидать, почти все обитатели фашистского логова погибли или были тяжело ранены. Несколько выживших, видимо находившихся в дозоре, хлопотали вокруг развалин, вытаскивая уцелевших офицеров. Заслышав шаги со стороны своих позиций, они ничего не заподозрили, а немецкая форма позволила нам спокойно приблизиться метров на тридцать. Ну, а больше ничего и не требовалось. Семь автоматов с близкой дистанции, когда противник не ожидает нападения, не оставляли немцам ни единого шанса.

Бойцы разошлись парами, чтобы отыскать выживших, и хлопки выстрелов говорили о том, что такие здесь еще были.

К счастью, раненый офицер, которым немцы занимались перед нашим приходом, сидел в сторонке в тот момент, когда мы открыли огонь, и наши пули его не задели. Я подошел к нему, настороженно озираясь по сторонам – в развалинах могли скрываться недобитые фашисты.

В знаках различия вермахта я не разбирался, но, судя по роскошным погонам, пленный был высокого ранга. Это хорошо, как и то, что его раны на плече и на голени, очевидно, были не опасны для жизни.

Офицер тут же начал что-то быстро рассказывать, показывая на себя. Видимо, доказывал, что он важная птица, которую не нужно убивать. Насколько я уловил из его бормотания, он был полковником и начальником штаба дивизии.

Убедившись, что опасности нет, я достал ракетницу и выпустил сигнальную ракету желтого цвета, показывая, что здесь свои. Об этом мы заранее условились с Ивановым. Хотя по первоначальному плану после корректировки артогня я должен был возвращаться обратно тем же путем, каким пришел, но запасные варианты отхода мы тоже предусмотрели. В ответ над лесом, меньше чем в километре отсюда, взлетела зеленая ракета. Это означало, что наш отряд уже на подходе. Тем временем бойцы уже закончили зачистку остатков хутора и теперь разошлись дальше, проверяя, не осталось ли дозорных поблизости.

Вдруг один из разведчиков стремглав помчался ко мне. Я тут же упал за ближайшее бревно и выставил автомат, ожидая, что по нам вот-вот начнут стрелять.

– Товарищ старший лейтенант, там... там... – боец не мог подобрать слова, – там такое.

Я встал, стряхнул пепел, прилипший к одежде, и спросил:

– Опять мирных жителей убили?

– Да, там, в овражке... лежат... весь хутор... всех расстреляли... даже не закопали.

Судя по скривившемуся лицу полковника, он прекрасно понял, о чем идет речь, и опять быстро забормотал, видимо, оправдываясь.

– Вот сволочи! – Я глубоко вздохнул несколько раз и скомандовал: – Боец, смотрите внимательно вон туда, – и махнул рукой в сторону леса, после чего изо всех сил пнул немца по раненой ноге.

– Жить ты будешь, скотина, а вот ходить на своих двоих вряд ли.

Вдохновленный моим примером разведчик, видимо, считающий, что немец воет недостаточно громко, тоже решил поучаствовать в экзекуции.

– Товарищ старший лейтенант, посмотрите туда. Там, кажется, наши уже подходят.

– Боец, отставить избивать пленных.

– Но вы же...

– Вы разве видели, как я его бил?

Видя, что Осипов никак не может успокоиться, я стал объяснять ему текущее положение дел.

– Вот смотрите, товарищ красноармеец. Сначала мы взяли в плен унтера, допросили, и он рассказал нам о местонахождении вражеской батареи. Мы эту батарею захватили и взяли в плен офицера. Этот офицер уже рассказал нам, где находится штаб дивизии. – Я показал рукой на дымящиеся бревна. – Теперь этот полковник тоже расскажет нам много важных вещей, и со временем мы так и до Гитлера доберемся. А если его сейчас все начнут лупцевать, то он сдохнет, и мы потеряем важный источник информации.

Разведчику ничего не оставалось, как согласиться с моими доводами, но он все-таки не отказал себе в удовольствии сделать страшное лицо и рывкнуть на полковника по-немецки. Напугать офицера ему удалось. Резкий запах, появившийся после этого, перебил даже гарь пожарища.

– Вам же хуже, боец. Ведь его еще нужно будет нести. – Grimаса отвращения на лице Осипова показала, что перспектива тащить на спине воняющего фрица его не обрадовала. – Не бойтесь, так как немец ранен, то понесете его на носилках.

Тем временем младший лейтенант, собиравший разбросанные вокруг обгорелые бумаги, нашел что-то важное и тащил это на куске брезента. «Это» оказалось обезображенным трупом

с остатками золотых шнуров на погонах и петлицах. Мы поднесли брезент поближе к офицеру, чтобы он провел опознание, но его сразу вырвало.

– Что, мразь, когда женщин и детей убивал, небось, так не тошнило, – кто-то со злостью прошептал у меня за спиной.

– ...Генерал... Ансат... – смог я разобрать среди длинной тирады немецких слов.

– Так, этого мы тоже берем с собой.

– Есть товарищ командир, – разведчики сразу поняли мою мысль. – Надо же нам отчитаться об успешном выполнении операции.

– Теперь каски снимите. – Все удивленно уставились на меня. – Да нет, этот труп тут ни при чем. Просто наши сейчас уже подойдут. Еще не хватало, чтобы они в нас сдуру выстрелили.

Тем временем из леса действительно вышли десятка полтора человек и направились в нашу сторону. Подошедшие бойцы, естественно, оказались из моей роты. Видимо, они уже прочно завоевали репутацию «крутых парней», которые каждую ночь должны совершать рейды и приводить толпы пленных. Командовал маленьким отрядом сержант Стрелин, который специально сюда напросился, не без основания подозревая, что может встретить здесь своего ротного.

Я дал задание быстренько собрать побольше бумажек и папок, разлетевшихся по округе, после чего всем отходить.

Жаль, что нельзя подсчитать, сколько здесь трупов. Но после артобстрела более-менее целыми могли остаться только тела тех фрицев, кто прятался в подвалах, как это, видимо, делали генерал с полковником.

Пока бойцы обыскивали развалины, я раздумывал, идти сразу к реке или повернуть к селу, чтобы соединиться с основными силами. Но если все-таки предстоит бой, то два десятка солдат окажутся серьезным подспорьем для нашего малочисленного батальона. Поэтому я решил идти на соединение с Ивановым. Тем временем бойцы закончили с обыском и, загрузив вещмешки трофейными бумагами, подтягивались ко мне.

Неожиданно среди ночной тишины, прерываемой только потрескиванием горящих бревен, послышались громкие пьяные крики.

– А чево мне петь нельзя? Мы тута всех поубивали. И дальше фрицев бить будем. Э... эта... стрелять их будем.

Разведчики, до глубины души возмущенные такой безответственностью, тут же все выяснили и доложили мне. Найдя среди развалин чудом уцелевший ящик с бутылками шнапса, молоденький, всего лет восемнадцати, красноармеец не удержался и решил попробовать заграничное пойло. Натощак, да еще и в больших количествах, спиртное сразу ударило в голову, и буквально за минуту парень опьянел.

Бойцы столпились вокруг провинившегося, угрюмо ожидая решения командира. Каким оно должно быть, всем было понятно. Мне тоже было до слез жаль парнишку, но мы находимся в тылу врага, и тут не до сантиментов.

– Десять минут, – бросил я коротко. Воспользовавшись шансом, Стрелин сразу же активно принялся за дело. Достав фляги, бойцы влили молодому солдату в рот не меньше двух литров воды, чтобы спирт быстрее вымылся из желудка. Потом потащили к ближайшему роднику, и начали окунать его туда головой. Гимнастерку с него сняли сразу же, чтобы ночная прохлада помогла выветриться хмелю. Все наперебой начали давать советы, как можно быстро протрезветь, и тут же претворяли их в жизнь. Несчастного пьяницу покалывали штыками, давали нюхать нашатырный спирт, стреляли над ухом. Кто-то догадался травинкой пощекотать ему горло, чтобы несчастного стошнило, после чего опять заставили выпить уйму воды.

Как бы там ни было, но к концу отведенного срока боец довольно твердо держался на ногах и вел себя тихо. Теперь можно было выступать. Впереди шли мои бойцы, уже знавшие дорогу, а четверо разведчиков двигались сзади в роли тылового дозора. Взрывов и стрельбы

уже не было слышно, и мы гадали, чем все закончилось. Наши не стреляют, потому что брать село штурмом мы не собирались. А вот почему не стреляют немцы, было непонятно.

Через полчаса стало видно, как за деревьями пробивается свет фонариков. Подойдя поближе, мы услышали радостные возгласы, перемешанные не совсем литературными фразами. Выходит, перестрелка закончилась для нас очень удачно.

– Вот черт, даже часовых не выставили, – выругался я в сердцах. – Мало ли тут еще немцев ходит.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – это догнал меня сержант-разведчик, – по обеим сторонам тропинки в кустах дозорные прячутся. Замаскировались хорошо, я их заметил, только когда мы рядом прошли.

Когда мы вышли на поляну, нам открылось зрелище, греющее душу. Несколько сотен фашистов лежали на земле, со связанными за спиной руками, или же положив руки на голову. Мы со своим единственным пленным, нести которого пришлось все-таки моим бойцам, выглядели бледновато.

– Сашка, вот так и знал, что ты сюда придешь, – Сергей уже шел ко мне с улыбкой во все лицо. – Что это за дерьмо вы принесли, – брезгливо кивнул он в сторону брезента, тем не менее продолжая радостно улыбаться.

– Это их генерал, к сожалению, погибший при обстреле. Хотя, наверное, нечего его жалеть. А этот живой, просто он так пахнет. Нужно его скорее в тыл отправить. В моей роте раненые есть? – О том, что погибших нет, я, глядя на скопище пленных, даже не сомневался.

– Вроде нет. У нас всего человек пять поранило осколками, когда немцы стали по лесу из минометов лупить.

– А где все оружие?

– В селе осталось. Там сейчас наш 259-й полк прибирается. Нам же лучше. Им теперь трофеи перетаскивать и трупы убирать, а наши пленные сами пешком пойдут. – Было видно, что комбат себя утешал. Конечно, ему очень хотелось собрать горы трофеев, но толпа пленных тоже выглядела более чем впечатляюще.

– Какие будут дальнейшие указания, товарищ комбат?

– Пусть твои бойцы помогают связывать пленных. Да они уже и сами догадались, вон как стараются. – Врезов на всех не хватало, поэтому красноармейцы связывали немцев их же собственными ремнями.

Мы оба говорили нарочито равнодушным тоном. Сергею явно хотелось, чтобы его спросили, как прошла операция. Однако меня немного обидело пренебрежительное отношение к моим «трофеям», поэтому спрашивать я не спешил. Но, в конце концов, это же был мой план, и моя заслуга здесь не меньше, чем у комбата. Поэтому я все-таки не выдержал первым и, пихнув его в плечо, весело спросил:

– Давай, рассказывай, пока время есть.

– Когда стемнело, мы тут же подтащили мешки с землей, доски и быстро навели переправу. Скрытно подошли к селу, вместе с нашими, так сказать, «танками». Когда артиллерия начала долбить их штаб, мы пока не стреляли, чтобы они убедились, что лишились командования. Фрицы засуетились, забегали и буквально минут через пять сформировали команду спасателей. Человек сорок с носилками и повозками потопали в сторону зарева. Естественно, мы их уже ждали. Стоило им отойти на километр, как мы со всех сторон дали очереди из пулеметов поверх голов и крикнули «Хендэ хох». Эти незадачливые спасатели так и сделали. Руки вверх задрали и дрожат.

Я представил эту картину, и усмехнулся.

– Ну еще бы. Ночь, лес. Штаб уничтожен, со всех сторон пулеметы стреляют. А что, никто даже не попытался в темноте скрыться в лесу?

– Дураков не оказалось. Ну мы этих быстренько разоружили и занялись основными силами. Над селом пустили трофейные осветительные ракеты и стали бить по нему из минометов. Наша трофейная батарея тоже постаралась. Так приятно было, когда немцев немецкими же снарядами лупили. Жаль только, что боеприпасов у них не так много, – Сергей вздохнул.

– Ничего, еще раздобудем. Зато у гаубиц по четыре боекомплекта, а это девятьсот снарядов.

– Ну вот, мы постреляли, немцы ответили из своих минометов. А потом мы подогнали тягачи поближе, чтобы было хорошо слышно, как режут двигатели, имитирующие танковую атаку. Ну и предложили немцам сдаваться. Они не отвечают. Мы возобновили обстрел, и теперь еще открыли огонь из пулеметов. Артиллеристы, как мы с ними и договаривались, тоже начали стрелять, как только увидели, что мы ведем огонь. И тут мы как гаркнем наше «Ура!». Лежим под деревьями, а сами кричим, как будто в атаку идем. Немцы засуетились и стали перебегать на другую сторону села, подальше от нас. И вдруг на той стороне тоже начинают стрелять и громовое «Ура» раздается. Это 259-й и 386-й полки подошли. Немцы стрелять перестают, оружие бросают, достают у кого что есть белого, и этими тряпками нам машут. Ну дальше все просто. Они из села выходят, руки кверху, а мы их сюда сгоняем и связываем. Кое-кто, конечно, там остался, но наши соседи гранатами и пулеметами их добились. Так как большинство пленных уже были у нас, то мы быстро поделили добычу: всех пленных нам согнали, а соседний полк оружие собирает.

– И сколько их тут?

– Пленных здесь, – Сергей указал рукой на поляну, – шестьсот пятьдесят. Больше сотни раненых мы уже в тыл отправили. Убитых еще считают, но никак не меньше полусотни.

Я прикинул, сколько людей насчитывается в наших крошечных полках и батальонах.

– Да ведь нас же меньше было!

– А то ж, – подтвердил комбат. – В 259-м полку три дня назад было всего 185 человек, а сейчас меньше чем полторы сотни. В 386-м, правда, почти пятьсот. Они же три дня немцев на плацдарме гоняли, хотя тех было в несколько раз больше. А тут у нас силы почти равны, село окружено, деваться некуда. Да еще штабы дивизии и полка уничтожены, а в лесу урчат страшные танки.

– Ну что же, повезло фрицам, останутся в живых.

Теперь нам нужно было отконвоировать пленных в наш тыл. Мы отбирали по пятьдесят человек и в сопровождении десятка бойцов вели их к переправе. За рекой немцев заводили в ближайший лесок и оставляли там лежать на земле. Пусть отдыхают, сколько влезет.

Сдавать их было некому, и я начал раздумывать, что делать дальше с такой оравой. В первую очередь мы выделили два десятка бойцов, чтобы обслуживать импровизированный туалет. Нуждающимся немцам развязывали руки и пускали в маленькую балочку, находящуюся под прицелом пулеметов, а после связывали руки снова и отгоняли к остальным. Только к середине ночи прибыло несколько повозок с бойцами НКВД, и мы с удовольствием передали им самую грязную часть работы. К утру собралось уже достаточно энкавэдэшников и временно приписанных к ним тыловиков, чтобы можно было отправить пленных дальше в тыл. Наконец-то мы смогли вздохнуть с облегчением. Пусть теперь другие занимаются фрицами, а то нам даже нечем их кормить.

Конвоиры выстраивали колонны немцев, рассматривая их во все глаза, как в зоопарке разглядывают редких животных. Пока еще наши войска не были избалованы победами, и столько пленных сразу действительно было большой редкостью. Немцы, несмотря на поражения последних дней, не выглядели подавленными. Они смотрели надменно и явно были возмущены несправедливостью судьбы, не давшей им участвовать дальше в победоносном походе вермахта по России.

Вернувшись к своим позициям, я распорядился, чтобы старшина раздал бойцам сухпак и фронтовые сто граммов, после чего позвал к себе в землянку весь сержантский состав, отметить успешное завершение операции. На этот раз мне удалось пить наравне со всеми, но праздновали мы недолго. Все были очень уставшими, и веселье быстро закончилось. Подняв еще один тост за Победу, сержанты разошлись спать, оставив недопитым половину спирта.

Глава 4

20 сентября

Обер-лейтенант с громкой фамилией Кайзер в очередной раз рассматривал разложенные на столе отчеты, написанные как его подчиненными, так и фельджандармами 9-й армии.

В ночь на 19 сентября был полностью уничтожен личный состав гаубичного дивизиона 251-й пехотной дивизии и часть артполка 102-й пехотной дивизии, остановившихся на ночь в лесочке недалеко от линии фронта. Что удивительно, все погибшие были убиты холодным оружием. Группы полевой жандармерии 102-й и 251-я пехотных дивизий совместно обследовали место убийства и пришли к выводу, что нужно вызвать криминалистов, чтобы уточнить обстоятельства трагедии. Так как батальон фельджандармерии, приданный 9-й армии, находился далеко, то был отправлен запрос в полевую жандармерию г. Великие Луки, откуда криминалисты могли добраться по железной дороге в течение двух-трех часов. Пауль Кайзер, возглавлявший городскую жандармерию, оперативно среагировал и отправил своих специалистов первым же поездом, который ему даже пришлось задержать на полчаса.

Из 190 человек, заночевавших на той страшной поляне, спастись удалось только троим. Еще несколько солдат были тяжело ранены и показания давать пока не могли.

История, конечно, неординарная, но для войны в общем-то обычная. Командиры проигнорировали близость линии фронта и не выставили дозорных в секретах. Шестеро часовых были расставлены очень неудачно. Кто виноват, уже не выяснить. Скорее всего, командир гаубичного дивизиона. В отличие от полевой артиллерии, работающей прямо на передовой, гаубицы всегда располагались во втором эшелоне войск. Поэтому командир дивизиона по привычке расставил часовых по тыловому варианту, за что и поплатился. Ну, а унтер-офицеры и солдаты последовали примеру своего командира и отнеслись легкомысленно к караульной службе. У одного из часовых заболел живот, и он ушел, бросив пост. Сам солдат, правда, рассказывал, что на посту не стоял, а когда ему понадобилось в кусты, просто по привычке оделся и взял винтовку.

– Вот дурак, – брезгливо поморщился Пауль. – Хотя бы выбросил каску и подсумки, тогда никто не усомнился бы в его словах. А так, кто же будет для похода в туалет облачаться в полное снаряжение.

Поработав весь день, криминалисты ночью вернулись в Великие Луки, прихватив с собой всех трех свидетелей для дальнейшего допроса. Кроме незадачливого часового, еще было двое ездовых, успевших скрыться, как только услышали крики. Разумеется, они тоже стали оправдываться и объяснять, что сначала поспешили на помощь, а удрали уже потом, когда увидели, что в живых никого не осталось. Один из них действительно смог рассказать, как все происходило, и выводы криминалистов подтверждали его слова. Сняв часовых, русские так быстро перекололи всех штыками, что никто не успел убежать. Некоторые из нападавших был в форме вермахта, что и позволило им подойти достаточно близко к караульным. Рассказу ездового тем более стоило доверять, что он не бросил винтовку и не стал прятаться в лесу, как его товарищ, а побежал за подмогой в расположение своих войск.

После целой ночи допросов ничего нового эта троица поведать уже не могла, и обер-лейтенант распорядился увести их. Дальнейшая судьба этих солдат Кайзера не волновала, ее определит суд. Отважного солдата, возможно, даже наградят, а его трусливого товарища и часового-засранца ждет расстрел или, если повезет, штрафной батальон.

Дело можно было бы закрывать, но оставался один очень странный момент – небольшой листок бумаги, заляпанный кровью, найденный под одним из трупов. На первый взгляд все выглядело так: советский разведчик, переодетый в немецкую форму, подошел к часовому и

показал ему этот документ. Текст в нем, правда, был напечатан по-русски, но пока солдат разворачивал бумагу и доставал фонарик, его успели убить.

Содержание документа на первый взгляд было совершенно неинтересным, обычная квитанция на оплату коммунальных услуг. Вернее, необычная. Допрос сотрудников коммунального хозяйства города показал, что бланков, похожих на этот, никогда не было. Шрифт букв также был уникальным, а на оборотной стороне размещен странный текст, не имеющий отношения к содержанию лицевой стороны. Обер-лейтенант долго изучал перевод и рассматривал красивый шрифт оригинала и полностью утвердился во мнении, что это самая настоящая реклама. Причем выполнена она была на высоком уровне. Специалист, который ее составлял, мог бы зарабатывать большие деньги в западных странах.

Название населенного пункта тоже удивляло – Волгоград. Такого города в Советском Союзе не было. Но если в квитанции указаны плата за лифт и горячую воду, то дом должен быть новым и многоэтажным. Следовательно, город большой и имеет статус не ниже областного центра.

Довершала этот набор несуразностей самая главная деталь – дата квитанции. 2011 год.

Зачем все это нужно, в общем-то понятно – чтобы отвлечь всю германскую разведку и контрразведку в этом районе. Новости, полученные утром, подтверждали эту версию. Русские перешли в наступление и уничтожили штаб злополучной 102-й дивизии. Несколько батальонов сдались в плен, а оставшиеся разрозненные части блокированы, и в настоящий момент их позиции обрабатываются артиллерией. Можно считать несомненным, что в течение суток-двух дивизию уничтожат полностью, и в линии фронта будет зиять огромная дыра, закрыть которую в ближайшее время нечем. При этой мысли Пауль поежился. В том районе проходили две железные дороги, и обе они вели прямоком в Великие Луки, где он сейчас и находился. Ничего не скажешь, удачно красные выбрали место для наступления, но сейчас надо думать не об этом.

Была еще и другая версия, что документ подлинный. Как ни странно, но успешное наступление красных укладывалось и в эту схему. Получив из будущего информацию, а может даже и помощь, русские тут же с успехом ее использовали. Этот вариант следовало тщательно проработать.

«Допустим, все, что здесь напечатано, это правда. Какие можно сделать выводы? – рассуждал про себя Кайзер. – Если квитанция оказалась у разведчика, который легко с ней расстался, то он и был человеком из будущего. Для любого другого даже такой незначительный документ представлял бы огромную ценность, и его не стали бы оставлять на месте боя. Это первый вывод».

Довольный собою, обер-лейтенант налил себе коньяка и, глянув на свои погоны, выпил за очередное звание, которого он в свои пятьдесят лет уже заждался.

«Теперь попробуем представить ситуацию в Советском Союзе будущего, – продолжал он размышлять, – текст русский, названия улиц остались советскими, город процветает. Значит, после победы Гитлер, как и планировал, оставил Сталину все земли за Волгой. Очевидно, Волгоград – это новая столица, заменившая Москву, которую мы скоро захватим. Некоторые локальные успехи русских, как захват Ельни, значения не имеют. – Выпитый коньяк поднял офицеру настроение, и теперь он уже перестал опасаться наступления красных. – Мудрый фюрер, конечно же, приказал этому дикарю построить новую столицу на самой границе, чтобы держать ее под контролем».

Представив себе огромный аэродром люфтваффе в пяти минутах полета от русской столицы, Пауль усмехнулся и снова достал из сейфа коньяк. Непередаваемый аромат и вкус благородного напитка успокаивали и помогали обдумывать все спокойно, без негативных эмоций.

«Под протекторатом великого Рейха Россия процветала, не опасаясь внешних врагов. Но благодарные русские, не сумевшие одолеть Германию в честной войне, придумали подлую

хитрость. Они как-то смогли изобрести машину времени, как в романе Уэллса, но, разумеется, воспользовались ею очень неумело. Попадали они хотя бы на три месяца раньше, то смогли бы значительно улучшить ход войны. Вполне возможно, что машину изобрели арийцы в каком-нибудь исследовательском институте, из соображений безопасности расположенном на этой малонаселенной территории. Это вполне логично, ведь опыты могли сопровождаться разрушительными последствиями. Весь обслуживающий персонал набирался из туземцев, а техников, имеющих хоть какое-то образование, вызывали из советской столицы. Семьдесят лет мира расслабили наших потомков, и они халатно отнеслись к охране объекта, не ожидая от этих дикарей никакого подвоха. Тогда становится понятным, зачем разведчик из будущего таскал с собой эту бумажку и почему он действовал так непрофессионально».

Выстроенная теория была стройной и логичной. Если русский из будущего действительно существовал, то он был техником, а не кадровым военным, и его будет не трудно нейтрализовать. Если же это игры советской разведки, то нужно все хорошенько выяснить.

Спрятав бутылку подальше, Пауль приказал вызвать к нему начальника городской полиции и стал обдумывать план действия.

Начальником полиции в Великих Луках был бывший майор Красной армии Филипиков⁵. Бывший советский командир был одним из тех людей, кто главным способом продвижения по службе считает интриги и доносы. Когда в 1937 году всем доносам стали давать ход, он удвоил свои старания, и благодаря его усилиям было арестовано или уволено из армии все командование полка, в котором он служил. Поднявшись по должностной лестнице на одну ступеньку вверх, он не успокоился и продолжал загружать следственные органы работой. Но почему-то по службе его больше не продвигали, хотя и присвоили очередное звание майора. А потом началось страшное. Ежов оказался врагом народа, и его самого расстреляли. Аресты прекратились, а рапорты Филипикова об антисоветской деятельности его командиров особисты начали просто рвать и выбрасывать. Сослуживцы перестали его бояться и теперь смотрели на него с откровенной неприязнью, многие перестали с ним здороваться. Даже лейтенанты осмеливались не отдавать майору честь, хотя это грозило им трибуналом.

А потом уволенные командиры стали постепенно возвращаться. Их восстанавливали в партии и назначали на прежние должности. Сначала это был в основном средний комсостав, но потом стали амнистировать и старших командиров, возвращавшихся из тюрем и лагерей.

Майор попросил о переводе в другую часть, и его просьбу тут же удовлетворили. Новым местом службы оказалась формируемая 174-я дивизия. Когда Филипиков узнал, что ее командующий, комбриг Зыгин из реабилитированных, то немного перепугался. Но все обошлось, и мало того, майора назначили на великолепную должность начальника отдела тыла дивизии. Комбриг был не лишен некоторых маленьких человеческих слабостей и любил щедро угощать своих сослуживцев. Ненормативный расход водки и продуктов, которыми заведовал майор, не только обеспечивал ему расположение начальства, но и позволял хорошо зарабатывать.

Когда началась война, Зыгин проявил себя образцовым командиром. Немецкий генерал Гот, бывший невысокого мнения о советских командирах, отметил, что «лишь в Полоцке находится способный руководитель», имея в виду комбрига. Даже попав в окружение, Зыгин смог вывести из него не только свои войска, но и всю армию. Он вникал во все тонкости управления войсками, всегда лично изучал обстановку на местности и очень бережно относился к бойцам. В историю вошла фраза, которую комдив сказал командиру подразделения, пожалевшему усталых солдат и разрешившему им спать, вместо того чтобы окапываться. «Запомните, дорогой, солдата не жалеть, а беречь надо».

⁵ В нашей истории захвачен в плен при штурме г. Великие Луки частями Красной армии и расстрелян 16 января 1943 года.

Было ясно, что такой отличный командующий сделает хорошую карьеру, и под его началом скоро дадут армию. В этом случае Филиппикова тоже ждало повышение. И в военное время Зыгин считал своей обязанностью хорошо кормить командный состав, для чего даже держал профессионального повара, работавшего до войны в «Гранд-отеле». В общем, должность начальника армии была не за горами.

Но майор сделал другой выбор. Когда вермахт начал захватывать один город за другим, он убедил себя в том, что Советский Союз проиграет войну так же быстро, как и Франция. При первой же возможности Филиппиков сдался в плен и стал добровольно сотрудничать с оккупантами. Сначала его назначили начальником полиции в лагере для военнопленных, где он успешно выявлял коммунистов и евреев. Способности новоиспеченного полицая не остались незамеченными, и бывшего майора перевели в Великие Луки на новую должность.

Начальник полевой жандармерии встретил его на редкость любезно, даже вышел навстречу.

– Присаживайтесь, герр майор, попробуйте коньяк. Настоящий, французский. Сейчас такой трудно достать. – И без переводчика можно было понять, что Кайзеру нужно что-то очень важное, раз он так распинается. Но вот, наконец, заговорили и о деле.

– У вас, Елизар Романович, есть честные, смелые люди, которые готовы пойти на риск, лишь бы принести пользу своей новой родине. – Это было утверждение, а не вопрос.

– Да, герр офицер, у меня много таких людей.

– Тогда прямо сейчас приведите ко мне несколько человек. Особые требования к ним будут следующие...

Через полчаса обер-лейтенант уже беседовал с первым кандидатом:

– Вас мы хотим послать нашим агентом за линию фронта. Мы можем не опасаться, что вы добровольно перейдете к большевикам, ведь есть много свидетелей, видевших, как вы заживо бросали еврейских детей в могилу.

– Не бросал, а аккуратно клал, герр офицер, – возразил полицейский⁶.

– Это не важно, – Пауль с трудом сдерживал раздражение. Подумать только, с каким материалом ему приходится работать. Пусть среди русских и очень мало умных, но они все-таки есть. А все разумные люди должны понимать, на чьей стороне будет победа, и поскорее перебежать на сторону победителя. Так почему же тогда в полиции служат в основном одни идиоты?

Но все-таки двух подходящих людей, бывших офицеров, отобрать удалось. Поразмыслив, начальник жандармерии решил только одного из них полностью посвятить в свои планы, а второго оставить у первого на подхвате. Остальные участники операции вообще ничего не должны были знать. Их задачей являлось просто подтвердить легенды основных агентов.

Командир полицейского взвода Валуев роман Уэллса тоже читал, поэтому идею перемещения во времени уловил на лету. Он сидел перед обер-лейтенантом и внимательно выслушивал инструкции. В отличие от него, переводчица жандармерии фрау Карляйтис была потрясена. Она бледнела и держалась за столешницу, чтобы не свалиться со стула, так что беседу время от времени приходилось прерывать. Когда начальник первый раз ввел ее в курс дела, она ему тут же безоговорочно поверила, как и положено дисциплинированному подчиненному. А поверив, сразу упала в обморок. Вот и сейчас ее глаза подозрительно начинали закатываться. В очередной раз дав понюхать фрау нашатырный спирт, Кайзер продолжил:

– Вы, Олег Семенович, человек образованный, почти инженер, и сможете убедительно рассказать о технике будущего. Кое-какие идеи я вам подскажу. Но, конечно, обмануть его нам

⁶ Подлинные слова.

не удастся, ведь мы ничего не знаем о будущих политических событиях. Поэтому я предлагаю вот что...

Следователь с большим стажем работы, Пауль привык мыслить логически, анализируя всевозможные факторы и строя различные версии. То, что дело было необычным, его несколько не смущало. В его работе часто приходилось выбирать между несколькими версиями событий, а теперь оказалось, что несколько различных вариантов мировой истории могли существовать одновременно. К этому выводу он пришел довольно легко. Если человек из будущего прибыл сюда и помог уничтожить целую дивизию, то ход истории изменился. Неважно насколько именно, но изменился. Даже если ему больше ничего сделать не удастся, а сюда оперативно пришлют войска из резерва, то все равно судьба нескольких тысяч солдат будет уже совсем другой. Кто-то погиб или попал в плен, кто-то тяжело ранен. Через семьдесят лет эти изменения коснутся уже миллионов людей. В любом случае в 2011 году мир будет существенно отличаться от первоначального варианта. А если там опять кто-нибудь изобретет машину времени и отправится в прошлое, то он добавит новые изменения.

– Разведчик из будущего должен все это понимать. Поэтому он поверит в то, что в вашем мире история пошла совсем по-другому, – подытожил Кайзер свои размышления. – Так что не бойтесь импровизировать. Связь с вами мы осуществлять не сможем, поэтому для нас крайне важно, чтобы вы вернулись. Теперь давайте проработает план внедрения, времени у нас очень мало.

* * *

На этот раз утром нас не бомбили, что и неудивительно. Всю отлаженную немецкую систему управления войсками в этом районе мы нарушили. Поэтому всем удалось хорошо выспаться. Как и положено в армии, я распорядился выводить личный состав на утреннюю зарядку, хотя, судя по времени, правильной было бы назвать ее дневной.

Бойцы, уже отвыкшие от строгого распорядка дня, даже немного поворчали, видимо считая, что физических упражнений по рытью окопов и ночных «прогулок» более чем достаточно. Поэтому все с восторгом встретили приезд полевой кухни, прервавший физзарядку. Ели мы не спеша, наслаждаясь отдыхом, а потом с удовольствием пили горячий чай. На сладкое у нас были шоколадные конфеты, входившие в немецкий боевой паек. Фрицам он уже ни к чему, а для нас это законный трофей, и довольно вкусный.

После обеда всем раздали трофейные карабины и пулеметы, а также передали приказ как можно быстрее освоить немецкое оружие. Пока у нас хватало «мосинок», но в ходе ожесточенных боев боеприпасы быстро заканчиваются, да и пополнение нам могут прислать безоружным. Так что иметь запас никогда не помешает. А что касается пулеметов, то их никогда мало не бывает. Жаль только, что регулярных поставок боеприпасов калибра 7,92 ожидать не приходится.

Так как никому из нас раньше не приходилось пользоваться «Маузерами Г-98», то мы немного потренировались вынимать из них затвор, заряжать и разряжать. В качестве инструктора нам выделили полкового разведчика Смирнова, как специалиста по всему немецкому.

– Запомните самое главное, – учил он. – Наши патроны к немецкой винтовке не подходят. Далее, если штык примкнут, то вести огонь нельзя, поэтому штык нужно носить в ножнах. Заряжается карабин рукояткой затвора так же, как и на наших винтовках. После израсходования последнего патрона затвор не закрывается, чтобы стрелок не забыл зарядить новую обойму. А теперь посмотрите сюда. Сзади затвора расположен предохранитель. Если его повернуть вправо, то стрелять нельзя. Положение влево позволяет вести огонь.

Шустрый Стрелин тут же попробовал поставить флажок предохранителя вертикально и довольно пощелкал затвором.

– Товарищ командир, в среднем положении затвор двигается, но стрелять нельзя.

Маркировку немецких патронов разведчик не знал, но зато я немного помнил, хотя и довольно смутно. Правда, я не понимаю, почему для Г-98 существует так много видов пуль. Кроме легких и бронебойных, еще есть и тяжелые. Описывать всю эту классификацию я не стал и объяснил коротко:

– Если вокруг капсюля красное кольцо, то оно обозначает бронебойные, зажигательные и бронебойно-трассирующие пули. Отложите все такие патроны, мы их будем использовать для стрельбы по бронетехнике.

Иванов, по доброте душевной, из четырех станковых пулеметов три раздал другим ротам и пулеметному взводу, но один все-таки остался нам, и сейчас пулеметный расчет увлеченно обучался на нем зенитной стрельбе.

Зато при распределении ручных пулеметов я совершенно честно объяснил комбату, что чешские ZB-30 более старые, чем германские МГ-34, и емкость магазина у него маленькая. Одним словом, никуда не годный хлам. Но так как мы легко добудем себе новые трофеи, то пока готовы забрать этот хлам себе.

О такой маленькой детали, как вес, а он у чешского пулемета в полтора раза меньше, я упоминать не стал. В конце концов, Иванов сам держал пулеметы в руках, и видел, какие они легкие. Хотя по современным меркам и восемь килограммов для ручника многовато, но в эту войну вообще нормальным считалось двенадцать – столько весили и «Дегтярев пехотный», и МГ.

Теперь на сорок человек у нас имелось шесть пулеметов, и еще несколько капитан пообещал выделить из новых трофеев, захваченных этой ночью за рекой. И действительно, вскоре к нам подъехала повозка, привезшая немецкие автоматы, пулеметы, пистолеты и большое количество боеприпасов. Учитывая то, что в роте еще было два миномета, стрелков с винтовками у нас уже почти не оставалось. Особенно туго приходилось расчету «максима». По-хорошему, в нем должно состоять пять бойцов: наводчик со своим помощником, заряжающий и два подносчика лент. Два человека, конечно, могли стрелять из пулемета. Но когда его перевозили, то им уже требовалась помощь. А если придется переносить «максим» на руках, то меньше чем впятером с ним не справиться. Его четырехпудовая тушка разбирается на три части, а еще нужно тащить ящики с патронами.

У меня даже появилась мысль поменяться пулеметами с каким-нибудь подразделением, но опытные солдаты отговорили. Пусть перевозить эту древнюю конструкцию и неудобно, но зато по надежности и точности стрельбы ей нет равных. Нужно только запастись глицерином для охлаждения, а если его нет, то вовремя менять воду в кожухе, и тогда ствол станкового пулемета никогда не перегреется. Так что при наличии достаточного количества патронов можно вести огонь длинными очередями. Тяжелый щиток, на который сыпалось множество проклятий во время походов, тем не менее спас немало жизней. После боев пулеметчики часто находили на нем отметки от вражеских пуль.

После изучения карабинов настала очередь трофейных гранат. Колотушками М-24 мы уже пользовались, но Смирнов взялся разъяснить нам все тонкости, которые бойцы могли и не знать.

– Первая ошибка бывает, когда при снаряжении гранаты боец вставляет детонатор не той стороной. – Объясняя, он тут же все наглядно показывал. – После того как детонатор вставлен в гнездо, ручку следует вкручивать плавно и очень осторожно. Перед броском гранаты надо открутить колпачок, взять левой рукой шарик и очень быстро выдернуть. Теперь считайте.

Сержант бросил гранату, улетевшую метров на шестьдесят, где она вскоре взорвалась.

– По инструкции время замедления взрыва не больше пяти секунд. Но на практике обычно проходит не меньше восьми. Поэтому всегда считайте до трех и только после этого бросайте, иначе враги успеют или отбежать от места взрыва, или даже швырнуть гранату обратно.

– А если она взорвется, не успев упасть на землю? – спросил кто-то из молодых.

– Это очень хорошо. Тогда осколки, летящие вниз, не уйдут бесполезно в землю, а найдут цель. Теперь посмотрим, что будет, если запальный шнур выдергивать медленно.

Смирнов снарядил следующую колотушку, не спеша вытянул шарик и тут же бросил гранату.

– Принцип действия запала здесь точно такой же, как у обычных спичек, – продолжал он пояснять. – Если чиркать спичкой медленно, то она не загорится. Поэтому при недостаточно энергичном выдергивании шнура воспламенения терочного состава не происходит, и взрыва не последует.

Проводя учебу, мы с тревогой прислушивались к канонаде на юго-западе. Редкие разрывы постепенно перешли в непрерывный грохот, и было непонятно, кто кого атакует. Поэтому, как только на наших позициях нарисовался комбат, я тут же пристал к нему с вопросами.

– Как там дела? – я кивнул в сторону западного берега, где постепенно нарастал гул артподготовки.

– Сейчас покажу.

Иванов достал из планшета карту, разложил прямо на ящике с гранатами и начал рассказывать.

– Утром 243-я дивизия подошла к селу Ерохино, куда сбежали остатки немцев с плацдарма. Помощи им ждать особо неоткуда. Дорогу на север к Фомино и дальше на Андреаполь наша дивизия перекрыла. С юго-запада немцы еще удерживают село Ваулино, но за ними, в Данилово, уже несколько дней находятся наши войска, и они блокируют дорогу на юг. Прямо на запад дорог практически нет, там сплошные болота, речки и леса. Вчера, после того как плацдарм освободили, наши пытались подойти к Ерохино поближе, но были остановлены сильным огнем, и форсировать реку не смогли. А теперь, после захвата Синичино, появилась возможность выйти к селу по правому берегу, через лес. Атаковать их наши еще не начинали. Ждут, пока артиллерия не сровняет все их укрепления с землей. Кстати, две трофейные гаубицы активно используются. Снарядов к ним столько, что можно не экономить. Немцы пытаются огрызаться, но где расположены наши войска в лесу, не знают. Подвоза боеприпасов к ним теперь не ожидается, так что шансов у фрицев нет. Я слышал, им тоже предложат сдаться, как гарнизону Синичино. Для этого хотят использовать нескольких пленных офицеров. Они должны будут объяснить немцам, что в плену их никто убивать и мучить не будет.

– Только начальника штаба пусть не дергают. Он раненый, ему в госпиталь надо, – тихо попросил я, опустив глаза. Из-за моей несдержанности, пусть и тысячу раз оправданной, теперь будет затруднительно использовать полковника для переговоров.

– А, этого вонючку, – Сергей сморщил нос. – Его сразу из медсанбата в штаб армии увезли. Лучше расскажи, как твои орлы трофейное оружие осваивают.

– Заряжать и собирать-разбирать научились, теперь надо пристрелять. Мы можем потратить часть патронов на пристрелку?

– Да сколько угодно. В селе мы этих патронов целый склад захватили.

– А на правый берег нас пока не переводят?

– Нет, там будут другие подразделения. А мы, получается, теперь находимся во второй линии обороны.

Я отправил бойцов расставить на берегу реки ящики, которые будут служить нам мишенями для пулеметчиков. Для автоматчиков мишени расставили поближе – перед ложной линией окопов в ста пятидесяти метрах отсюда.

– Кстати, Сергей, у нас должно быть много трофейных пистолетов. Хорошо бы их раздать всем пулеметчикам и минометчикам. Это удобнее, чем таскать винтовку.

– Наш комполка уже распорядился, чтобы отобрали девятимиллиметровые пистолеты, и желательно однотипные – «Люгер» или «Вальтер-38». Вам, естественно, их выдадут в первую очередь. А ты уверен, что тебе нужно много немецких карабинов, если у всех бойцов в роте будут или автоматы, или пистолеты? Может, все винтовки сдашь на склад?

– Ну вот сам подсчитай. Ты здесь уже три недели. Все это время шли бои, было много раненых и убитых. Отступать нашему полку не приходилось, и все оружие выбывших бойцов осталось здесь. А что мы видим по факту? На сорок бойцов роты только полсотни исправных «мосинок». Почему, как считаешь?

– Потому что в бою даже опытным бойцам винтовки чистить некогда, а в окопах же всегда пыль и грязь. От вражеских обстрелов оружие тоже постоянно засыпает землей. Часто бывает, что возьмешь винтовку в руки, а затвор не работает. Но это еще полбеды, в этом случае «мосинку» можно после боя разобрать и почистить. А вот если грязь попала в ствол, то после выстрела винтовка выходит из строя уже навсегда.

– Вот видишь, а ведь в следующем пополнении к нам придут совсем неопытные бойцы, не умеющие следить за оружием. И еще заметь, ведь не все винтовки новые. Я уже обратил внимание, что на некоторых штыки не игольчатые, как положено, а широкие. Это значит, что со складов изымают дореволюционные запасы. Скоро бойцам станут выдавать совсем древние раритеты, которых только на один бой и хватит.

– А у нас уже есть эти самые ра-ри-теты. У некоторых старых винтовок нарезы до того сточены, что пуля не вращается, а летит кувыркаясь с громким тархтением. Прицельная стрельба из такого оружия практически невозможна, и его сразу можно списывать.

– Вот-вот, но, по крайней мере, это «мосинки». А на складах еще остались «Ли-Энфельды» и прочее старье, которое будут раздавать ополченцам. В общем, ситуация с вооружением у нас критическая. Вот ты можешь сказать, почему нам мало людей дают?

– Ясно почему, в армии людей не хватает.

– Нет, людей как раз хватает, не хватает оружия. До войны в нашей армии было почти пять миллионов человек. В июле было мобилизовано еще четыре с половиной, не считая восьмисот тысяч призванных на сборы еще до войны. В августе еще пять миллионов. Почти все призывники уже должны пройти курс молодого бойца, но сюда их почти не присылают. На всем Западном и Брянском фронтах, вместе взятых, едва насчитывается миллион бойцов против двух миллионов немецких солдат.

– Ну, наверно, они строят укрепления. Пока мы сюда ехали, то видели, что во многих местах строят линии обороны. Там, конечно, в основном гражданские, но много людей в военной форме.

– Это хорошо, что строят, но здесь они тоже нужны. Вот только без оружия им тут делать нечего, а где его взять? К началу войны у нас было меньше восьми миллионов винтовок, если считать и совсем старые, уже прошедшие две войны. Но это в теории, а на самом деле половину из этого числа мы уже потеряли. Только на Украине немцы захватили на окружных складах больше миллиона винтовок, которые не успели эвакуировать. В других приграничных округах положение тоже было не лучше. Потом, ты знаешь, что большинство дивизий хотя бы по одному разу успели побывать в окружении, и очень много бойцов там погибло или было взято в плен.

Я перевел дух после своей тирады. Даже в победном 1945 году за четыре месяца выбыло из строя около миллиона единиц стрелкового оружия, хотя наши войска все время наступали, что уж говорить о 1941-м.

– К тому же не забывай, что японские самураи уже два раза на нас нападали, а сейчас только и ждут нашего поражения, чтобы захватить Дальний Восток и даже всю Сибирь.

– Мы уже накопостиляли им как следует, особенно последний раз при Халхин-Голе. Неужели они не сделали из этого выводов?

– Выводы японцы как раз сделали, но не те, что надо. Они поняли, что с нами им не справиться, и решили подождать, пока немцы захватят Москву, и уже тогда нападать. Когда им станет ясно, что Германия войну не выиграет, вот тогда они пойдут искать противника себе по силам. А пока нам приходится держать большую группировку войск для защиты от них. Вот и получается, что войск у нас вроде бы много, но бойцов с оружием на самом деле мало. Поэтому я предлагаю трофейные карабины оставить в подразделении. Пришлют маршевое пополнение с «мосинками» – тогда оставим их про запас, все равно потом пригодятся. И еще, хорошо бы подкинуть идею командованию дивизии – во всех тыловых подразделениях советские винтовки изъять и отдать на передовую, а взамен им выдать немецкие карабины с двумя-тремя боекомплектами.

– Командир полка уже говорил об этом. Он хочет предложить эту идею комдиву. Кстати, я слышал, что сегодня нам наконец-то назначили нового командующего дивизией, и скоро он к нам приедет.

– Ну, Серега, – обиделся я. – Такие новости, а ты молчал. Давай рассказывай, кто теперь у нас комдив.

– Комбриг Кончиц. Зовут Николай Иванович. С утра он принимает дела в штабе, а потом сразу отправится посмотреть наш героический полк.

– Фамилия редкая, и я ее где-то слышал. Если не ошибаюсь, то Кончиц был военным советником в Китае. Раз он еще комбриг и не прошел переаттестацию, значит, пришел из запаса. Скорее всего, преподавал в какой-нибудь военной академии. Ты не знаешь, он уже успел повоевать на этой войне?

– И не только в этой. Капитан рассказывал, что он из кадровых царских офицеров. В Империалистическую командовал батальоном. Был тяжело ранен и попал в плен. Там он начал бунтовать, и немцы посадили его в тюрьму. Вернувшись из плена, товарищ Кончиц сразу вступил в Красную армию и воевал в Туркестане. В Китае он действительно пробыл несколько лет. В эту войну успешно воевал под Ельней. Ты же знаешь, что две недели назад наши войска освободили город. Ну ладно, продолжай занятия, а мне еще надо посмотреть, как дела в других ротах. Да, кстати, ты про миллионы потерянных винтовок лучше никому не рассказывай, ладно.

Предупредив штаб батальона, что рота начинает пристрелку оружия, а не ведет бой, мы вскоре начали стрелять по мишеням. Постепенно бойцы вошли в раж и расколошматили все ящики в щепки. Я пристрелял свой автомат, а потом на правах командира попробовал пострелять и из пулемета. Но увлекательное занятие прервал посыльный из штаба полка, приехавший на повозке. Капитан срочно вызывал меня к себе, чтобы познакомиться с новым комдивом. Я уселся на козлы рядом с посыльным и, трясаясь на кочках, наша колымага через пятнадцать минут доставила меня к знакомому подвалу.

В штабе уже толпилось много народа, но как только я вошел внутрь, адъютант сразу же подвел меня к командующему, сидевшему за столом с разложенной картой. Командир дивизии оказался высоким, подтянутым мужчиной лет пятидесяти, с орденом Боевого Красного Знамени. Его взгляд был полон уверенности и заражал всех своим оптимизмом. Надо признать, что после разгрома превосходящих сил противника на нашем участке фронта все основания для оптимизма у нас имелись. Сам комдив тоже недавно внес свой вклад в пусть маленькую, но все-таки победу.

Наступление советских войск под Ельней, в котором участвовал Кончиц, правда, не привело к выполнению главной задачи – перерезать коммуникации 2-й танковой группы Гудериана. Но все-таки оно показало, что при более-менее хорошей организации наступать мы можем. Вполне вероятно, что если бы с Ельнинского направления не сняли самые лучшие дивизии и не

отозвали Жукова, то успехи могли быть более значительными. Нет, я прекрасно понимаю, что три дивизии погоды не сделали бы, и что будущие выдающиеся военачальники Конев, Жуков и многие другие в 1941-м еще не были такими опытными, какими станут через два-три года. Опыта наступления не имелось также ни у командиров среднего звена, ни у младшего комсостава. В конце концов, немцы просто перебросили бы войска с соседних участков фронта, но не дали бы перерезать дорогу Смоленск—Рославль.

В военном отношении освобождение крошечного участка земли двадцать на двадцать километров было незначительным, но в моральном плане разгром врага в хорошо укрепленном Ельнинском выступе было большой победой.

– Вот это и есть Соколов, о котором вам столько рассказывали, – представил меня капитан Козлов новому комдиву.

Пока я соображал, как правильно обратиться к командующему – комдив или комбриг, он сам с юношеской легкостью вскочил с табуретки и стал трясти мою руку.

– Ну, Соколов, молодец. Я напишу на тебя представление на Героя Советского Союза.

Мы с комполка переглянулись. Очевидно, у него появились те же мысли, что и у меня, потому что он тут же возразил.

– Нет, Николай Иванович, на Героя не надо. Достаточно ордена, и лучше Красного Знамени, чем Ленина. Чем выше награда, тем больше вероятность, что наградной лист в Верховном Совете не утвердят, а «Знаменем» уполномочен награждать командующий фронта.

– Ладно, напишу ходатайство на «Знамя» и сегодня же отправлю в штаб фронта. Я тоже слышал, что представления на Героя долго рассматривают и дают далеко не всем.

– Это после финской войны ввели новый порядок, – опять решил я продемонстрировать свою эрудированность. – Тогда один ушлый журналюга написал статью, где расписал свои же якобы совершенные подвиги. Ему дали звание Героя. Конечно, махинацию скоро раскрыли и жулика поставили к стенке. Но с тех пор всех, кого представляют к высшему званию, тщательно и долго проверяют.

Все присутствующие как-то странно на меня посмотрели, а я мысленно отругал себя за беспечность. Находясь в прошлом, надо обдумывать каждое слово, а я ляпаю все, что в голову придет.

Похвалив еще несколько отличившихся командиров, комдив отправился осматривать позиции других полков, не забыв пообещать утвердить все наградные списки, которые мы напишем.

Вернувшись в свою роту, я вместе со Свиридовым начал проводить полную инвентаризацию имевшихся у нас боеприпасов. Привычным делом старшина занимался с удовольствием. Мы пересчитывали и откладывали отдельно ящики с девятимиллиметровыми патронами под немецкие автоматы и пистолеты, патроны калибра 7,92 и 7,62 миллиметров. Трофейных карабинов у нас имелось достаточно, чтобы вооружить роту полного состава, поэтому большую часть винтовок мы решили законсервировать и отправить на склад полка. Группа бойцов под руководством Стрелина тщательно чистила оружие и покрывала карабины толстым слоем смазки.

Доставая очередной ящик из большой груды выделенной нам комбатом доли трофеев, Свиридов не мог удержаться от радостного возгласа, напоминая моряка Пенкрофта из «Таинственного острова». Но, в отличие от несчастного Пенкрофта, не нашедшего в ящике с сокровищами ни крошки табака, нам досталось несколько коробок сигарет. Отложив по три пачки каждому бойцу роты, остальные старшина приказал отнести в мой блиндаж, где они будут в наибольшей сохранности. На мой вопрос, почему бы не раздать сразу все, он объяснил, что сигареты мне нужно использовать в качестве поощрения отличившихся красноармейцев.

Закончив с оружием, мы отправились инвентаризировать гужевой транспорт. После раздела трофеев у нас осталось несколько телег. Хотя по штату они нам не полагались, но для перевозки нашего многочисленного оружия без них было не обойтись. Найденной в немецком имуществе краской старшина на каждой повозке вывел номер части и инвентарный номер, который затем записал в тетрадку. Лошадей мы нашли на полянке за лесочком, где они паслись под присмотром легкораненого бойца. По тому, как он ласково обращался с животными, было видно, что он или всю жизнь прослужил в кавалерии, или потомственный казак.

В лошадях я хотя и не разбирался, но заметил, что ночью видел и более крупных, чем те, что достались нам. Ездовой, действительно оказавшийся донским казаком, объяснил, что выбрал только наших лошадок, которые понимают русский язык.

– Вот смотрите, товарищ командир. Зорька!

Сразу две лошадки перестали пастись, подняли головы и подошли к нам. Они смотрели на нас так трогательно, что мы со старшиной тут же начали шарить по карманам в поисках сухаря, которым можно было бы их угостить.

– А как они так быстро привыкли к новому имени?

– Это их настоящие, товарищ командир, – усмехнулся ездовой.

– У немцев что, на каждую лошадь документ имелся?

– Да нет, я просто перебирал все лошадиные клички и смотрел, какая кобылка отзовется. К тому же лошадей часто называют так, как они выглядят. Вон у той цвет буланый, эта вот корноухая, у другой звездочка на лбу. Вот так я почти для всех имена и угадал.

Клички наших четвероногих старательный старшина тоже внес в свою тетрадку. Осмотрев лошадей, мы вернулись к окопам и стали вытаскивать из землянки трофейную форму, чтобы отобрать более-менее целую и отсортировать ее по размеру. Но вскоре наше занятие было прервано появлением столба пыли, быстро приближающегося со стороны штаба полка. В бинокль я разглядел легковую «эмку» в сопровождении грузовика с солдатами. Они свернули с грунтовки и явно направлялись к нам. Неужели Кончиц решил заглянуть в нашу роту? Но зачем?

Не доезжая до наших окопов метров триста, машины остановились. Солдаты выскочили из машины, и стало видно, что это не охрана комдива. Тех было больше, и вооружены они были автоматами, а этих только шесть человек, и почти все с винтовками. Бойцы остались у машин, и только три человека, вышедшие из «эмки», пошли в мою сторону. Свиридов вопросительно посмотрел на меня, но я только пожал плечами. Кто это мог к нам пожаловать, мне было непонятно.

Вместе со Стрелиным и еще одним бойцом, вооружившись на всякий случай автоматами, мы вышли навстречу гостям. Еще издали я узнал нашего особиста. Он держался немного сзади и вел себя подчеркнуто уважительно по отношению к командиру, вышагивающему впереди. И неудивительно. Когда тот подошел поближе, то стали видны три шпалы на петлицах, соответствующие армейскому званию подполковника⁷. Танин указал на меня, и капитан ГБ, одернув китель, подошел ко мне четким строевым шагом, отдал честь и отчеканил:

– Товарищ Соколов, разрешите представиться, капитан госбезопасности Куликов. Направлен к вам для выяснения некоторых обстоятельств. Разрешите поговорить с вами наедине.

– Да, конечно, пройдемте. – Я, как и все присутствующие, был ошарашен и напрочь забыл о приветствии, предусмотренном уставом. Танин тоже явно не ожидал такого и был удивлен не меньше моего. Он подозвал Стрелина и распорядился выставить часового недалеко от входа в мой блиндаж, никого не впускать.

⁷ В госбезопасности применялась своя система званий, которые были выше, чем в НКВД и армии, на два-три ранга.

Спустившись с гостем в землянку, я зажег керосиновую лампу и плотно прикрыл дверь.

– Разрешите присесть, товарищ старший лейтенант, разговор у нас, похоже, будет долгим.

– Конечно, товарищ Куликов, присаживайтесь.

Тянуть время мне не хотелось, да и самому было интересно узнать, за кого меня принимают. Поэтому я сразу взял быка за рога и спросил:

– Что вам обо мне известно?

– Вы не из нашего времени.

Глава 5

20 сентября. День

Капитан сразу понял по моему лицу, что не ошибся, и добавил:

– Кстати, можно узнать, если это, конечно, не секрет, из какого века вы сюда прибыли.

Я перевел дыхание и, наконец, выдавил из себя:

– Из двадцать первого.

Теперь настала очередь Куликова удивляться:

– Простите, а по нашему летоисчислению?

– Из две тысячи одиннадцатого года нашей эры. А вы как полагали?

– Странно, мы считали, что вы из семнадцатого века. Вон, и кольчуга у вас была. Хотя... – гэбэшник на секунду задумался, – разница во времени составляет семьдесят лет, значит, все сходится. Теперь понятно, что означала цифра «70» на экране. – Заметив, что я не понимаю, о чем он говорит, Куликов вкратце рассказал мне историю артефакта.

– Вот чертова машинка, – сокрушенно прокомментировал я его рассказ. – Я, конечно, сделаю все, что смогу, но почему этот долбаный артефакт не перенес сюда еще опытного спецназовца, профессора истории и какого-нибудь талантливого генерала?

– Но вы же увлекались историей, верно? Значит, про войну кое-что знаете.

– Это так, но все мои знания всего лишь на уровне любителя.

Я минуту помолчал, размышляя, с чего начать. Жаль, что мне не повезло попасть в прошлое хотя бы на один год раньше. Тогда можно было бы многое успеть сделать. Даже не год, а один-единственный месяц до начала войны позволил бы стране лучше подготовиться и избежать многих ошибок. Впрочем, жалеть будем потом, а сейчас нужно вспомнить все предстоящие подробности октябрьского наступления немцев.

– Товарищ капитан госбезопасности, вы можете связаться напрямую с Москвой?

– Да, у меня в машине есть рация, и я могу послать сообщение, которое сразу же передадут наркомму. В любое время дня и ночи, даже если он находится на совещании в Кремле.

– Меркулову?

– Нет, еще в июле НКГБ и НКВД снова объединились, и я подчиняюсь непосредственно товарищу Берии.

– Это очень хорошо. Если вы доложите о предстоящем германском наступлении, то как быстро отреагирует Ставка Верховного командования?

– Сразу, как только расшифруют мое сообщение, товарищ Сталин соберет Ставку на совещание.

– Значит, вы мне доверяете?

– Да, я лично изучал этот предмет и даже пытался поцарапать его алмазом. Провокация со стороны спецслужбы любой страны здесь полностью исключена. Поэтому мы вам верим.

– Тогда предлагаю следующий порядок действий. Сначала я вкратце рассказываю о направлениях главных ударов вермахта в предстоящем наступлении. Вы готовите шифровку и отправляете командованию. Времени осталось мало – чуть больше недели, и каждый час очень дорог. Пока вы шифруете сообщение, я набросаю план того, что вам нужно рассказывать в первую очередь.

Куликов разложил несколько карт европейской части СССР с обозначенными на них линиями фронта и номерами армий. Убедившись, что он приготовился стенографировать мои слова в блокнот, я начал рассказывать:

– 6 сентября Гитлер издал директиву, в которой приказал разгромить советские войска на Московском направлении. Через десять дней командование группы армий «Центр» разработало операцию «Тайфун» по захвату Москвы. Для этого будет использовано три танковые

группы, в которые входят четырнадцать танковых дивизии. В них сейчас насчитывается две с половиной тысячи танков. Половина из них пока находятся в ремонте, но к началу наступления боеготовых танков станет не меньше тысячи семисот, возможно, что и две тысячи.

– Насколько мне известно, самоходные артиллерийские орудия немцы за танки не считают. Они в это число не входят?

– Совершенно верно, не входят, и это очень удобная система подсчета. Например, на плацдарме на днях было подбито четыре самоходки. Броня и пушка у них как у Pz-4, но немцы честно могут сказать, что никаких танков они здесь не теряли. Позже они изобретут новые хитрости для подтасовки статистики. Так, например, наши танки Т-34 они называют тяжелыми, KV – сверхтяжелыми. Зато свой новый танк «Пантера», его выпустят в следующем году, который весит даже больше KV, скромно назовут средненьким. Впрочем, мы отвлеклись.

Я нарисовал на карте овал, обозначающий район сосредоточения немецких войск, и начал пояснять:

– Вторая танковая группа Гудериана сейчас сосредотачивается километрах в пятидесяти севернее Конотопа. Часть его дивизий уже находится в районе Новгород-Северского, а другие, принявшие участие в окружении наших войск на юге, начнут передислокацию через несколько дней. Наступление быстроногий Гейнц начнет 30 сентября, на два дня раньше остальных групп, чтобы успеть продвинуться как можно дальше до начала распутицы. И действительно, первую неделю его войска смогли продвигаться по сухим дорогам.

– Кроме того, начав наступление раньше других армий, он сможет еще и получить поддержку всей авиации, – заметил капитан.

– Действительно, он на это рассчитывал. Но из-за плохой погоды пикировщики ему в первый день не дали. Общее направление наступления группы на северо-восток. Из пяти танковых дивизий две направят через Севск на Орел, и дальше на Тулу. За первый день его танки продвинулись на шестьдесят километров и войдут в Севск, а оставшиеся полторы сотни километров до Орла немцы пройдут всего за два дня. Город будет захвачен без боя. У Мценска советские войска успеют организовать оборону и задержат врага примерно на неделю, но окончательно остановить его удастся только под Тулой.

– Двести километров за три дня? – переспросил потрясенный Куликов. – Неужели мы еще не научились воевать?

– Пока командиры всех уровней, от взводного до главнокомандующего, не имеют достаточного опыта современной войны. Да и разведка у нас все еще не налажена, особенно авиационная, поэтому она не умеет правильно определять направления ударов. Но уже через год мы сможем успешно проводить масштабные операции. А к лету сорок четвертого темп наступления наших войск станет выше, чем у немцев в июне этого года, хотя противостоять нам будет опытный противник, занявший сильно укрепленные позиции.

Нарисовав на карте очередную синюю стрелочку, я продолжил:

– Еще две танковые дивизии устремятся к Брянску. Им для этого потребуется всего неделя, и две наших армии окажутся в окружении. Обратите внимание, охват наших войск будет асимметричным. Навстречу танкам движутся пехотные дивизии, и им нужно пройти к Брянску всего километров пятьдесят.

– А куда направят еще одну танковую дивизию?

– Пока она находится в резерве, а в дальнейшем будет использована в наступлении на Курск. Теперь смотрим дальше. Севернее Брянска захлопнуть котел немцам не удастся, просто потому что у них там мало войск. Вообще, Брянскому фронту будет противостоять сравнительно небольшая группировка противника, и без ударной группы Гудериана они мало что смогли бы сделать. А вот в полосе центрального фронта немецкие дивизии понатыканы буквально через каждые несколько километров. В район Рославля вот-вот начнут перебрасывать

четвертую танковую группу Геппнера, в которую также включили две свежие танковые дивизии из резерва.

– Очевидно, вторая и пятая, которые до сих пор еще не участвовали в боях, – предположил Куликов.

– Да, они сейчас полностью укомплектованы, и в них насчитывается почти по двести танков. Это вдвое больше, чем в тех, которые уже понесли потери. Поэтому группа Геппнера сейчас самая многочисленная из всех трех, участвующих в наступлении. Ее задача – нанести удар вдоль шоссе Рославль—Москва, выйти к Вязьме и соединиться с 3-й танковой группой, наступающей с севера через стык 16-й и 30-й армий. После того как три наших армии окажутся в котле под Вязьмой, станет возможным дальнейшее наступление на Москву. Наша 22-я и соседняя 29-я армии будут вынуждены отойти назад, чтобы избежать окружения.

– В вашей истории все так и произошло?

– К сожалению, да. Немцев удалось остановить буквально в тридцати километрах от столицы.

– Но почему же так получилось?

– Наше командование ошиблось в своих предположениях и сейчас готовится к отражению нападения в районе Ярцево и Ельни. Там сейчас сосредотачиваются противотанковые и зенитные орудия, снятые с других участков фронта. Другие предполагаемые направления ударов: через Нелидово или Белый на Ржев, тоже на самом деле являются второстепенными. Ошибка объясняется тем, что свои планы штаб фронта основывает на предположении, что наступление будет вестись только одним танковым соединением. В этом случае ему придется наносить прямой удар вдоль одной из дорог, ведущей на Москву, или же отрезать правое крыло Западного фронта. А располагая тремя танковыми группами, германское командование может запланировать глубокие охваты наших войск, как это и произошло. Поэтому, хотя мы и знали о предстоящем наступлении, но готовились к обороне против танков совсем не там, где они появились в действительности. Например, у 19-й армии в наличии имеется около пятисот орудий. Если бы танковые дивизии вермахта наступали в полосе этой армии, то их бы остановили. Но, к сожалению, они пройдут севернее.

– Насколько мне известно, начальник штаба Западного фронта генерал Соколовский как раз сегодня должен был составить план оборонительных операций. Так что мероприятия согласно этому плану еще не начинались, – обнадежил меня капитан. – А как проявил себя командующий фронта?

– Да, хорошо, что напомнили. Конев неплохой полководец, но Жуков все-таки более талантливый. В нашей истории примерно в середине октября его отозвали из Ленинграда и назначили командующим Западным фронтом. Жукова вообще постоянно перебрасывали на самые важные участки фронта. Он был для армии, говоря современным языком, кризис-менеджером, хотя в наше время было сделано очень многое для его очернения. Лживые писатели называют его мясником и обвиняют в том, что он толпами отправлял солдат на убой.

– Но как возможно доказать эту ложь? – потрясенно спросил Куликов. – Ведь есть документы, которые можно прочитать. Я знаю, как Жуков командовал на Халхин-Голе, и могу по памяти процитировать его приказы: «атаку следует начинать после тщательной разведки и после подавления огневых точек огнем артиллерии и минометов. Вводить в бой танковые части против закрепившегося противника без серьезной артподготовки запрещаю. С вводом в бой эти части должны быть надежно прикрыты огнем артиллерии во избежание излишних потерь».

– Читателей мало интересуют скучные приказы, им нравятся увлекательные книги с ужасными разоблачениями. Естественно, в этих книгах не приводятся правдивые факты. Например, когда штурмовали Берлин, то Жуков отдал строгий приказ: «Беречь людей. Патронов и снарядов не жалеть». Но лжеисторики приписали ему слова одного российского императора о том, что «чего их жалеть, бабы еще мужиков нарожают». Если сравнить результаты

действия фронтов, проводивших аналогичные операции, то у Жукова процент потерь всегда неизменно оказывался меньше. Но вернемся к Ленинграду. Без двух танковых дивизий четвертой танковой группы, которые перебросят сюда, фон Лееб не сможет завершить окружение города. Через несколько дней он официально сообщит об этом в штаб сухопутных войск. В октябре группа армий «Север» начнет наступление, но уже в направлении Волхова. Наш фронт будет прорван, и через месяц немцы дойдут до Тихвина. Но больше у них сил не останется, и еще до конца года их отбросят назад. Теперь по ситуации на юге. В нашей истории приказ об эвакуации войск из Одессы был издан только в конце сентября. Необходимо начать переброску войск из Одессы в Крым уже сейчас, иначе будет поздно.

– Еще один очень важный вопрос, который товарищ Сталин просил у вас узнать. Когда и где закончится война?

– 9 мая 1945 года в Берлине. Но это в нашей истории, а здесь, я надеюсь, все завершится гораздо раньше. Несмотря на все свои победы в начале войны, фашисты никогда не смогут победить наш народ. В воспоминаниях Гудериана упоминается его разговор с бывшим царским генералом, который сказал, что «мы боремся за Россию, и в этом мы все едины».

Мы с капитаном расселись по разные столы и начали заниматься каждый своим делом. Куликов сосредоточенно листал шифровальный блокнот и что-то черкал в своих записях, видимо пытаясь заархивировать текст сообщения, чтобы оно заняло меньше места. Я же наточил карандаш своей острой как бритва финкой и, разложив несколько листов перед собою, стал набрасывать план, описывая отдельно ход боевых действий, политическую обстановку в ближайшее время и изменения в вооружении противоборствующих сторон.

Закончив шифровку, Куликов вызвал своего радиста и отдал ему текст радиogramмы, которую требовалось отправить в Москву. Я уже приготовил план своего выступления и, разложив карту Европы, начал вкратце описывать ход войны, основные послевоенные события, перестройку, распад страны, погрязшей в диком капитализме, и однополярный мир.

– Почему же Советский Союз распался, – не мог поверить Куликов, – ведь наш строй самый лучший? Победа в войне это доказала.

– Основная причина краха социалистической системы в низком уровне жизни. Низкий он, разумеется, относительно западных стран. Если сравнивать СССР в тридцатых и восьмидесятых годах, то разница будет огромной. Социалистический строй действительно самый передовой, и капиталистические страны постепенно приближаются к нему. Но это в теории, а на практике ситуация в Союзе была совсем не идеальной. Кстати, в Китае социализм не только сохранился, несмотря на крайне низкий уровень жизни, но и скоро выведет эту страну на первое место в мире по производству. Китайская система больше напоминает наш НЭП – ряд заводов находятся в частной собственности, но под сильным контролем государства.

– Ясно, – кивнул капитан, – если несколько поколений строили социализм, а люди живут хуже, чем при капиталистах, то они сделают логичный вывод о том, что их строй неправильный. Значит, надо выяснить, почему не удалось поднять уровень жизни.

– Первая причина в больших потерях во время войны. Прежде всего, это потери людей. Двадцать шесть миллионов человек, большинство из них трудоспособного возраста или дети. Это сильнейший удар по стране. Кроме того, в первую очередь погибали самые ответственные. Они первыми бросались в атаку, отстреливались до последнего патрона в обороне, организовывали партизанские отряды в тылу у немцев. А находясь в плену, эти люди отказывались служить врагу, как генерал Карбышев. А вот трусы и шкурники старались отсидеться в тылу, используя для этого всевозможные способы. На фронте они дезертировали или сами сдавались в плен. Находясь на оккупированной территории или в плену, эти трусы добровольно начинали служить немцам в качестве полицаев или в вспомогательных войсках. Самое обидное, что вопреки всем советским и международным законам, большинство этих предателей, пере-

шедших на сторону врага и служивших ему с оружием в руках, не только не расстреляют, но даже не посадят. Рядовые полицаи и власовцы, не участвовавшие в карательных операциях, будут лишь сосланы на шесть лет в спецпоселения, после чего судимость с них будет снята.

– После больших потерь в стране появится большая нехватка людей, так что решение товарища Сталина не расстреливать предателей, хотя несправедливо и незаконно, но вполне правильно.

– Еще повезет полумиллиону человек, эвакуированных из западных районов страны. Это немцы и неблагонадежные элементы, которые могли сотрудничать с оккупантами. Не будут участвовать в боях уголовники, сидящие в тюрьмах. Хотя в наше время снимают фильмы о том, как рецидивисты и политические участвуют в боях и спасают страну.

– Довольно глупый сюжет для комедии, – презрительно поморщился гэбэшник.

– Это не комедии, а фильмы, формирующие общественное мнение. Все это утверждается на полном серьезе.

– Ни один нормальный человек не поверит, что убийцам и грабителям могут дать в руки оружие. И уж тем более ни одно правительство не пойдет на такой шаг. Когда началась война, много людей, виновных в незначительных преступлениях, были амнистированы и вернулись на работу или же были мобилизованы. Но рецидивисты и осужденные за тяжкие преступления из мест заключения теперь вообще не выпускаются, даже после окончания срока. Под политическими вы, вероятно, подразумеваете осужденных по 58-й статье. Это не совсем верно, так как сюда входят укравшие государственную собственность, то есть обыкновенные воры. Давать оружие врагам народа тоже не менее глупо. Правда, при Ежове было осуждено много невинных людей, но их дела нужно рассматривать индивидуально и реабилитировать только действительно невиновных, а не всем скопом.

– Ну ладно, продолжим. Помимо людских потерь, в стране разрушено множество городов и поселков. Дома, заводы, мосты, дороги. Все это надо восстанавливать. Еще фашисты дочиستا разграбили оккупированную территорию, вывезя все, вплоть до пеленок из детских садиков. После войны мы, правда, забрали у них в качестве репараций станки и оборудование. Но золото нацистское руководство в основном уже успело вывезти, а грабить мирное немецкое население наши солдаты, естественно, не стали. Наоборот, нам пришлось еще и кормить их. Так что компенсировать все материальные потери от войны мы никак не могли. А ведь нам еще нужно было расплачиваться за поставки по лендлизу. Теперь вторая причина. Это гонка вооружений. Еще не успела закончиться Вторая мировая война, как западные державы уже начали составлять планы по нападению на СССР. Наша армия в то время была очень сильной, а население Америки и Англии уже устало от войны, к тому же было настроено к нам дружелюбно. Поэтому США, занявшее лидирующее положение среди капиталистических стран, решили начать войну холодную. Они копили атомные бомбы и составляли планы по их применению против советских городов. Нашей стране пришлось напрячь все силы, чтобы создать ядерный потенциал, не уступающий американскому, и это потребовало огромных расходов. Если бы мы этого не сделали, то они уничтожили бы всю нашу страну так же хладнокровно, как разрушили атомными бомбами Хиросиму и Нагасаки.

Для наглядности я набросал рисунок огромного гриба, накрывшего город, и рассказал некоторые подробности.

– А ведь это были самые примитивные бомбы, мощностью не больше двадцати тысяч тонн тротила. Но вскоре появится термоядерное оружие с мощностью, равной миллионам тонн в тротиловом эквиваленте. После распада СССР только ядерное оружие, оставшееся у России, удерживает Америку от того, чтобы захватить нашу страну. Почти во всех бывших республиках Союза американцы поставили своих ставленников.

– Но все-таки я не понимаю, почему нам не удалось подняться до уровня западных стран.

– Есть еще и третья причина. Как вы знаете, до Первой мировой войны Америка была должником. Пока европейские страны дрались между собой, США заработали на поставках воюющим странам огромные деньги, и из должника превратились в кредитора. Вторая мировая война превзошла первую по всем показателям, в том числе и по объему военных поставок, которые обогатили американцев. Но США на этом не остановились. Они полностью подчинили страны Западной Европы и смогли диктовать им свои условия. Американский доллар стал мировой валютой, и его печатают в неограниченных количествах.

– А что же Британская империя?

– По итогам войны Англия потеряла свое ведущее значение, а когда ее колонии получили независимость, то перешла на вторые роли в политике и экономике. Самостоятельной внешней политики она теперь не имеет. Если, к примеру, Франция или Германия могут не соглашаться с позицией США по многим вопросам, то для Англии такое невозможно в принципе. Ее даже иронично называют пятьдесят первым штатом Америки. Ну так вот, что касается доллара, то его Америка выпускает столько, сколько хочет, и тем не менее он не теряет своей стоимости. В западноевропейских странах военный бюджет не очень большой, ведь им приходится получать на него средства за счет налогов, которые в мирное время сильно повысить нельзя. К тому же европейские страны еще помнят о своих поражениях в войне и о том, что они находятся с нами на одном континенте. Они знают, что в случае войны наши танки снова могут до них доехать. Поэтому останься мы с западноевропейскими странами один на один, то быстро пришли бы к согласию о всеобщем сокращении вооружений. А если учесть, что у них сравнительно мало ядерного оружия, то ни у кого не возникло бы и мысли о том, что надо готовить нападение на СССР. Совсем другое дело США. Огромная страна, с мощной, не пострадавшей от войны промышленностью. В случае войны мы, не имея большого флота, не смогли бы высадиться на ее территории. Поэтому нас Америка не боится и устраивает гонку вооружений, в которой мы вынуждены участвовать.

– Очень странно. Если мы ничем не угрожаем этой стране, то зачем же ей такие огромные затраты на вооружение?

– Очень важную роль в этом сыграл возникший в годы Второй мировой огромный военно-промышленный комплекс. После окончания войны он не захотел терять прибыли, и его владельцы все время подталкивают правительство страны к раздуванию военных расходов. Им выгодно вести войны. Холодная война с Советским Союзом также приносит им огромный доход, так как позволяет под предлогом «красной угрозы» выбивать все новые средства для военного бюджета. Когда налогов не хватает, то правительство просто выпускает еще пару триллионов ничем не обеспеченных долларов, которые тем не менее являются полноценным платежным средством во всем мире. И все довольны: население США получает рабочие места на военных заводах, промышленники получают сверхприбыль, а сенаторы и президент – огромные взятки. Ясно, что гонку вооружения со страной, производящей деньги, выиграть невозможно в принципе, и она закончится разорением соперника.

– Значит, американский ВПК совершил ошибку, когда Америка «помогла» Союзу развалиться, – пришел к неожиданному выводу Куликов.

– Ну, они очень быстро нашли выход. Действуют американцы так. Нападают на маленькую страну, быстро ее захватывают, своими жестокими действиями побуждают население начать против них партизанскую войну, которую и ведут потихоньку много лет. Это блестяще продуманная схема. Хотя широкомасштабных военных действий нет, затраты все равно огромные. Сейчас на каждого солдата в Афганистане и Ираке в год тратится миллион долларов. Потери людей небольшие, буквально несколько сотен человек в год, поэтому население США особого недовольства не проявляет. Ну а когда все же большинство американцев потребует войну прекратить, то ее действительно прекращают, а войска перебрасывают в следующую

страну. Сейчас, несмотря на то что Советского Союза нет, военный бюджет США больше, чем у всех стран в мире, вместе взятых.

Куликов повертел в руках карандаш, а потом стал что-то отмечать в своем блокноте:

– Значит, для нас крайне важно не дать САСШ... извините, США. Уже несколько лет, как старое название не используется, а все никак не привыкну. Так вот, важно не дать им после войны ввести свою валютную систему. Может быть, нам стоит объединить усилия с Британией, и вместе противостоять возрастанию роли Америки в мире?

– С британцами вряд ли получится. В нашей истории они противились послевоенному разделению сфер влияния, когда нам досталась Восточная Европа. А вот Рузвельт нас, наоборот, поддерживал.

– Хм, совершенно логичный шаг. Тем самым уменьшилась роль оставшихся капиталистических стран в Европе и в то же время усилилась гипотетическая «советская угроза». То, что было выгодно для нас в сорок пятом году, было выгодно и для Америки. – Капитан уже вполне освоился с временными парадоксами и запросто упоминал будущие события в прошедшем времени. – Да, задача не из простых. Великобритания живет в мире иллюзий и отказывается понять, что ее империю уже не спасти. Можете сказать, как после войны к нам будет относиться Черчилль?

– Хотя он принципиальный антикоммунист и даже русофоб, но все-таки в первую очередь прагматичный политик. Уже весной 1939 года Черчилль призывал объединиться с нами против Германии.

– Да, я помню. К сожалению, тогда он находился в оппозиции и ничего сделать не смог.

– Когда война будет подходить к концу, Черчилль охотно поддержит агрессивные планы США против нашей страны. Естественно, население Англии не захочет новой войны, и его отправят в отставку, несмотря на все заслуги. Но через несколько лет, когда США начнет сколачивать свой агрессивный блок НАТО, заслуженный антикоммунист снова понадобится.

– Теперь обсудим Японию, – предложил Куликов. – Надо будет подумать, как заставить ее раньше начать войну с США. Это позволит перебросить дальневосточные дивизии на западный фронт.

– Полагаю, надо устроить провокации и тем, и другим. И еще. Не знаю, случайность это или нет, но атака Перл-Харбора при всей своей внешней эффектности оказалась не слишком эффективной. Нефтехранилища и портовые сооружения остались целыми, авианосцы не пострадали. Хорошо бы японцам не повторить здесь ту же ошибку, что и в нашем мире. На острове Оаху находится почти пять миллионов баррелей горючего, в основном в наземных хранилищах. Правда, еще с прошлого года ведется сооружение огромных, хорошо защищенных подземных резервуаров, но их еще долго будут достраивать. А ведь если уничтожить запасы топлива, то это на несколько месяцев затруднит действия американского флота и авиации в регионе, пока не построят новые хранилища. К тому же поредевший тихоокеанский флот США не сможет надежно прикрывать конвои с танкерами, и новое топливо будет не так-то легко привезти. Но японские шпионы принципиально интересовались только кораблями, а нефтехранилища игнорировали. И они даже просмотрели на Оаху целый аэродром.

– Так, это мы учтем.

– Еще один промах это то, что японцы не попытались повредить сооружения Панамского канала. По этому поводу есть хорошая идея, которую я почерпнул у популярного в наше время писателя – псевдоисторика Резуна. Это перебежчик, который живет в Англии и пишет довольно увлекательные книги с измышлениями о том, что Сталин собирался напасть на Германию, и прочим бредом. Я и сам когда-то считал его доводы довольно убедительными, но получив доступ к любой информации с помощью Интернета, быстро убедился в их полной несостоятельности. Так вот, в одной из книг он описывает, как Советский Союз будет готовиться к войне с НАТО. Конечно, Резун был в разведке лишь маленьким чиновником и ника-

ких планов знать не мог, но вот одна идея мне кажется довольно здоровой. В преддверии войны СССР посылает танкер одной из дружественных держав, чтобы он как бы случайно протаранил шлюзовые ворота Панамского канала, и тем самым вывел его из строя.

– Одним танкером вывести из строя канал? – весело переспросил капитан.

– Ну да, одним.

Куликов некоторое время пытался сдерживать смех, рвущийся наружу, но не выдержал и откровенно расхохотался:

– Да этот ваш Резун, если перефразировать слова Портоса, врет просто потому, что врет. Наконец, отсмеявшись, капитан объяснил мне причину своего веселья:

– Теперь мне понятно, почему этому предателю у вас до сих пор верят. Даже имея доступ во всемирный информаторий, никто не будет лазить туда, чтобы проверить каждую строчку его измышлений. Что же касается Панамского канала, то на самом деле все шлюзы у него двойные, и вывод из строя одного из них лишь уменьшит пропускную способность в два раза. И, естественно, ни по злему умыслу, ни по халатности, никто ворота протаранить не сможет. Через шлюзы корабли передвигаются локомотивами, а по каналу движутся с помощью буксиров. Но в принципе, вывести его из строя теоретически возможно. Если к тому же еще взорвать дамбы водохранилищ, – капитан мечтательно улыбнулся, – то на восстановление потребуется очень много времени, может быть, даже год. Значит, к концу войны их позиции будут не такими твердыми.

– Все-таки слишком сильно нам обольщаться не следует. Пусть весь 1942 год американцы будут сидеть тише воды и копить силы, но с их промышленностью они быстро построят огромный флот. В нашей истории в 1944 году США уже аннулировало заказы на двадцать пять авианосцев, шесть линкоров и несколько сотен кораблей поменьше. Самолетов у Америки тоже хватает, их за войну было выпущено триста тысяч штук. Так что самое позднее к концу 1945-го они все равно смогут захватить Окинаву. На высадку в Нормандии японская война тоже почти не повлияет. Ведь в Европе у американцев будут действовать сухопутные войска, а против Японии воюет флот.

Обсуждение прервал звонок полевого телефона. Новости, которые сообщил комбат, были отличные. Немецкий гарнизон в Ерохино капитулировал. В нем находились остатки полков, выбитых с левого берега, и число пленных превысило полторы тысячи. Только несколько сотен человек смогли с боем прорваться в Ваулино, но там не имелось укрепленных позиций, а все дороги вокруг были блокированы нашими частями. Поэтому долго там держаться немцы не смогут. А после падения последнего оплота 102-й дивизии вермахта, которым теперь является Ваулино, на этом участке фронта останутся лишь небольшие гарнизоны в Фомино и Соболево, численностью не больше роты, и разрозненные тыловые части. Если выбить врага и из этих населенных пунктов, то мы получим на правом берегу большой плацдарм, хорошо прикрытый с запада болотами.

Получив подтверждение, что наш батальон продолжает занимать прежние позиции и никуда не выступает, я вернулся к прерванному разговору:

– Давайте пройдем по всему фронту, начиная с южной части. Киев мы вчера оставили, командующий фронта генерал Кирпонос погиб в бою на следующий день, то есть сегодня. После того как немцы уничтожат окруженные войска, они снова продолжат наступление, поэтому необходимо срочно перебрасывать резервы, и я знаю, где их можно взять: В августе мы ввели три армии в Иран. Англичане поступили так же, хотя, в отличие от нас, у них не было соответствующего договора с иранским правительством. Ситуация там сейчас стабильная. Турция хоть и планирует напасть на нас через Иранское нагорье, но собирается сделать это только после падения Москвы. Так что уже сейчас можно перебросить несколько дивизий на южный фронт, а то в нашей истории прошло почти два месяца после начала операции, пока мы начали отводить войска обратно. После эвакуации войск из Одессы в Крым полуостров

нам наверняка удастся удержать, но все-таки надо подготовить линии обороны за Перекопским перешейком. Удерживая Крым, мы не только сохраняем базу нашего флота и стратегически важные аэродромы, но тем самым также связываем руки 11-й армии Манштейна. А вот севернее дела обстоят очень плохо.

– После разгрома наших войск под Киевом это неудивительно, – согласился Куликов. – Да еще степная местность, ровная как стол, не помогает нам удерживать рубежи.

– Итак, Запорожье и Мелитополь пока еще наши, но, насколько я помню, фашисты их заняли уже в начале октября. При этом несколько наших дивизий будут окружены. После Мелитополя немцы, не встречая препятствий, ворвутся в Мариуполь. Затем захватят Сталино, Таганрог и Харьков. Ростов-на-Дону будет ненадолго оставлен нами в ноябре, но вскоре освобожден. Особенно важна в этом регионе роль Харькова, в который немцы войдут 25 октября. На него наступает 6-я армия, не имеющая большого количества танков. Необходимо укрепить город, а если все-таки придется его оставить, то заранее организовать эвакуацию. А то получилось так, что немцам достались чертежи нашего 120-миллиметрового миномета, по которым они стали его выпускать. Что касается первой танковой группы, то если я правильно помню, наступает она через Донбасс.

Нарисовав на карте стрелочку с ромбиком, ведущую от Днепропетровска на Ростов, я продолжил:

– Дальше у нас Брянский фронт. При достаточной подготовке до Орла первая танковая группа может вообще не дойти. Во всяком случае, она его не захватит. На Курск Гудериан бросит мехкорпус в составе одной танковой и двух механизированных дивизий. В городе танки уязвимы, и немцы стараются укрепленные населенные пункты обходить, а не штурмовать в лоб. Поэтому, пока не возникнет угроза полного окружения Курска, его вполне возможно удержать.

Несколько минут я рассматривал карту, стараясь вспомнить расположение немецких войск:

– К северу от танковой группы части вермахта очень растянуты. На одну дивизию приходится участок пятьдесят километров, а где-то в районе Трубчевска будет находиться кавалерийская дивизия, у которой тяжелого вооружения меньше, чем у пехотной. Я не призываю начать здесь полномасштабное наступление, так как танковая армада легко может окружить наши войска. Но вот прорвать фронт в нескольких местах и разгромить тыловые части вполне возможно, и это нарушит врагу все планы. В рейд по тылам противника лучше посылать кавалерийские части. Если вы изучали опыт этой войны, то заметили, что выходить из окружения гораздо легче, если у бойцов имеются лошади. В сорок втором году конная группа генерала Белова ходила по немецким тылам с февраля по июнь и вернулась оттуда, только получив соответствующий приказ. При чем свои пехотные подразделения Белов в рейд посылать не стал, отправив в наступление лишь кавалерийские части.

Перейдя к следующему куску карты, я продолжил свои предсказания:

– Севернее Брянска начинается расположение четвертой танковой группы, а за Смоленском – третьей. Преимущество немцев в технике и личном составе здесь очень большое, и отходить в любом случае придется, но предварительно необходимо задержать, насколько возможно, продвижение танковых клиньев. На укрепленном рубеже Ржев—Сычевка—Вязьма—Киров удержаться, скорее всего, тоже не удастся. Но если три наши армии не попадут в котел под Вязьмой, то ситуация будет оставаться под контролем. У нас осталось еще две недели, чтобы закончить укрепления на направлении главных ударов.

Красным карандашом я добавил еще несколько линий к обозначенным на карте оборонительным рубежам, поясняя свою мысль:

– Прорвав укрепленную линию в одном месте, танковая дивизия поворачивает и идет вдоль нее, громя наши тылы. Затем замыкает в кольцо окружения части, занимающие оборону. Поэтому мы добавим еще несколько небольших рубежей, которые смогут задержать прорывав-

шиеся танки. Вязьму укрепляем и севера, и с юга, так как фашисты будут к ней рваться с обеих сторон. Это город является железнодорожным узлом, и нам крайне важно его удержать. Если остановим 2-ю танковую армию, то нам не придется отступать на участке фронта от Брянска до Кирова, чтобы избежать окружения. И особое внимание нужно уделить направлению на Юхнов. Здесь имеется шоссе с твердым покрытием, ведущее прямо на Москву. Сам Юхнов необходимо подготовить к обороне и удерживать во чтобы то ни стало. Железная дорога, которую он прикрывает, поможет снабжать Вязьму.

– В таком случае части Резервного фронта, которые расположены севернее, должны создать ряд оборонительных узлов на дороге Вязьма—Можайск, – продолжил мою мысль капитан. – К тому же там идут параллельно и шоссе, и железная дороги. Тогда даже в случае прорыва немцы не смогут быстро по ней продвигаться.

Мы отогнули нижний край карты и стали рассматривать следующий участок фронта.

– Другие ключевые места – это города Белый, Сычевка и Ржев. В Белом у вас на карте обозначена мотострелковая дивизия, а насколько я помню, его обороняли только тысяча человек. К тому же не пехотинцев, а кавалеристов. Сразу захватить город немцы не смогли, так как артиллерию первой танковой дивизии не успели вовремя перебросить из-под Ленинграда.

– Еще какие-нибудь номера немецких танковых частей помните?

– Нет, их постоянно перебрасывали и переподчиняли разным корпусам, даже в ходе операций. Поэтому могу только сказать, что состав танковых групп за три месяца совершенно изменился. А первую панцердивизию я запомнил, потому что номер у нее самый простой. В ходе наступления она захватила Сычевку и через две недели вошла в Калинин. Что касается Ржева, то это важнейший транспортный узел, и его нельзя отдавать ни в коем случае. Даже если город будет окружен, гарнизон должен удерживать его и ждать помощи. В нашей истории немцам удалось продержаться в нем аж до сорок четвертого года. Правда, если нам два года не удавалась ликвидировать Ржевский выступ, то мы все-таки смогли сорвать наступление с него на Москву. В сорок втором году Гитлер держал здесь значительные силы, но операция «Океан» по захвату нашей столицы так и не состоялась. Так, смотрим дальше. Если немцы повернут танковые группы прямо на север, то нам придется оставить Белый и отойти к железной дороге Нелидово—Оленино—Ржев.

– Надеюсь, до этого не дойдет, – с сомнением вздохнул Куликов. – А теперь давайте рассмотрим полосу наступления 23-го корпуса вермахта, который за последние дни мы хорошенько потрепали не без вашей помощи.

– Здесь ситуация складывается весьма благоприятная. На правом берегу мы удерживаем в качестве опорных пунктов города Андреаполь и Западная Двина. После фактического уничтожения 102-й дивизии вермахта здесь образуется большой разрыв в линии фронта, который нам необходимо как можно скорее занять. Вариантов у немцев немного. Если они растянут боевые порядки соседних дивизий, то мы сможем прорваться в других местах. Резервы находятся далеко, и снимать их придется с направления главного удара. Вот это и должно стать целью 22-й и 29-й армий на этом участке – отвлечь на себя как можно больше резервов. Причем угрозу немцам необходимо создать достаточно серьезную, чтобы они перебросили сюда не пехотную дивизию, которых у них много, а танковую. А еще лучше две. Это сильно ослабит давление на московском направлении.

– Товарищ Соколов, а вы не опасаетесь, что в этом случае танки могут прорвать здесь фронт?

– В этой местности находится очень много болот, озер и лесов. Возможных направлений для продвижения бронетехники мало, а дорог еще меньше. Так что быстрого наступления у противника здесь не получится, и мы сможем постепенно пятиться назад, не боясь окружения. В самом худшем случае просто придется повторить отход наших армий к Волге, как в моем варианте истории. Но лучше, если северный фас выступа группы армий «Центр» останется на

линии Жарковский—Белый—Сычевка. Сил, чтобы самостоятельно наступать, у 23-го корпуса все равно нет, а третья ТГ будет занята нашей вяземской группировкой.

Куликов достал подробную карту Калининской области и отметил на ней расположение частей. Мы стали изучать возможные направления отвлекающего наступления.

– Километрах в семи отсюда находится село Новотихвинское, – предложил я свой вариант. – Вряд ли там может быть большой гарнизон. Захватив его, мы перережем железную дорогу, по которой идет снабжение 251-й дивизии вермахта, штурмующей Андреаполь. Если на наше направление передать хотя бы одну полнокровную дивизию, то можно будет продвигаться на запад километров на двадцать-тридцать и выйти на рубеж озер Бросно—Лобно—Кудинское—Заликовское—Жижицкое. Город Торопец лежит между озерами, и защищать его немцам очень удобно. Но мы и не собираемся его захватывать. Впрочем, в случае угрозы обхода, немцы оставят город без боя, так как удобная позиция может превратиться в ловушку. Еще можно имитировать атаку станции Старая Торопа, которая является хоть и маленьким, но все-таки узлом железных дорог. Но главная наша цель – это обозначить угрозу флангового удара против армий «Центр», и возможный выход им в тыл через Великие Луки. Тогда фон Бок может не выдержать и послать в эти болота танковую дивизию.

– Но все-таки я не уверен в вашем плане, – засомневался Куликов. – Ведь германцам гораздо проще совершить глубокий охват через Ржев и дальше к северу, как это и запланировано в «Тайфуне». В этом случае наши две армии или попадут в окружение, или отойдут назад, как в вашей истории. Правда, теперь немцы до Калинина точно не дойдут, но этого они пока не знают. А когда передовые части вермахта остановятся у подготовленных рубежей обороны, то вражеские резервы бросят именно туда.

– Что я и пытаюсь предотвратить, и для этого нам понадобится помощь вашего ведомства. Сил для глубокого продвижения у нас все равно не хватит, да это и не нужно. Для выполнения моего замысла будет достаточно, если здесь появится *виртуальная* армия. Например, Четвертая, которая сейчас заново формируется, или любая другая. Неважно, вымышленная или реально существующая. Вам надо будет создать видимость наличия на Торопецком плацдарме, который мы захватим, крупных соединений. Для этого нужно просто посадить здесь несколько радистов, имитирующих переговоры штабов несуществующей армии. Кроме этого, наша контрразведка должна сфабриковать липовые планы наступления на Великие Луки, а также на юг, в сторону Велижа, с целью ударить в тыл 9-й немецкой армии. Эти планы надо подкинуть немцам самым естественным путем, не вызывающим подозрения. Помнится, англичане однажды подбросили немцам тело офицера, якобы утонувшего в море и имеющего при себе секретные планы. Врачи подтвердили, что этот человек действительно утонул, и немцы клюнули на приманку.

– Интересная идея, я думаю, главнокомандованию она понравится.

– Кстати, немцы уже сейчас играют с нами в эту игру. Под Ленинградом они оставили радиста 4-й танковой группы, почерк которого нам хорошо известен. Поэтому появление этой группы на Центральном фронте оказалось полной неожиданностью. И это еще что, вот те же англичане создали даже целое подразделение, занимающееся только написанием фальшивых сообщений и трансляцией их в эфир. Таким образом, им удалось убедить Гитлера в том, что в Шотландии собирается огромная армия, предназначенная для вторжения в Норвегию. Правда, это будет еще не скоро. Японцы тоже оставят всех корабельных радистов на базе, когда отправятся к Перл-Харбору. Так что такой способ дезинформации очень распространен.

Пока я говорил, Куликов пометил на карте возможные пути наступления в северо-западном направлении.

– Мы можем заодно продвинуться и сюда. Что вы скажете о наступлении к северу от Андреополя?

– Ни в коем случае, – запротестовал я. – Здесь начинается полоса ответственности группы армии «Север» фон Лееба. Он занят наступлением на Ленинград, и если мы не будем создавать ему проблем, то он просто не станет обращать на нас внимания. В противном случае, если мы вынудим прислать сюда резервы, то нас зажмут с двух сторон. Или еще хуже, фон Бок решит, что с нами можно справиться и без танков, и цель нашего наступления не будет достигнута.

– Вы уверены, что группа «Север» не захочет помогать своим соседям?

– Мало того, фон Лееб даже не станет участвовать в наступлении на Москву. Этого сейчас не знает никто, и германский генштаб планирует наступление армий «Север» на Валдай и далее на соединение с танковой группой Гота, который должен захватить Калинин. Поэтому отсюда и до озера Ильмень серьезных сил сосредоточено не будет. Теперь рассмотрим ситуацию под Ленинградом.

Отвернув верхнюю часть карты с обозначенными позициями Северного и Ленинградского фронтов, я добавил на ней расположение 4-й армии, которой в нашей истории предстояло провести зимнее наступление.

– Вот здесь собираются силы для деблокирования Ленинграда, но после Вяземской катастрофы часть дивизий отсюда перебросили на защиту Можайска. В результате Москву они отстояли, но Ленинград надолго остался в блокаде, так как немцы успели укрепиться на южном берегу Ладожского озера. Как поступить командованию в этом случае, я точно не знаю. Но учитывая то, что нам удастся избежать катастрофы на Западном фронте, лучше все дивизии оставить на месте, поручив им снимать блокаду города. К тому же, пока фон Лееб перегруппировывает свои силы, они будут относительно уязвимы. Дальше на Карельском фронте ситуация остается стабильной. Хотя нет, Петрозаводск еще наш, а это значит, что Финляндия скоро должна начать на него наступление. Я помню, что к началу Вяземской операции город уже был в руках у финнов. Его захват, конечно, не станет критичным, так как мы уже должны построить новую ветку железной дороги, связывающей Архангельск напрямую с Мурманском. Но все-таки надо лучше подготовить Петрозаводск к обороне.

– Как вы оценивается положение дел с резервами на западном направлении?

– К сожалению, в нашей истории резервы стали собирать уже после начала наступления. Будут переброшены дивизии из Средней Азии и Забайкальского округа. Сколько это заняло времени, я не знаю, но помнится, для перевозки трех бомбардировочных полков понадобилось десять дней. Мы как раз можем успеть к началу сражения. Еще из частей противовоздушной обороны необходимо сформировать двадцать или тридцать противотанковых полков, причем большинство из них будут готовы в течение недели.

– Но противовоздушная защита Москвы от этого не пострадает?

– Отправлять зенитки на фронт придется в любом случае, но на ПВО это сильно не отразится. Фашисты уже поняли, что наша столица им не по зубам, и постепенно снижают интенсивность налетов.

– Еще какие-нибудь ошибки советского командования вы можете вспомнить?

– Думаю, правильно обороняться за три месяца войны мы научились. Вот только разведка у нас не налажена как следует. Немцы собирают для наступления огромные силы, а мы об этом ничего не знаем. Отсюда и неожиданные прорывы вражеских войск там, где их не ждали. Кстати, что касается разведки, то мы затрудним немцам ее проведение, если введем красноармейские книжки. У нас весь рядовой и сержантский состав не имеет документов. Как в таких условиях можно отлавливать шпионов, я даже не представляю.

– Это действительно наша большая недоработка, но такой приказ уже готовится.

– Тогда пусть поторопятся. Да, еще в бланках красноармейских книжек была допущена опечатка, а именно, на одной из страниц вместо точки была поставлена запятая. Когда немцы стали изготавливать фальшивые книжки для своих диверсантов, то там они исправили ошибку и поставили точку. По этому признаку можно было выявлять вражеских агентов.

– Значит, думаете, ошибка? – весело спросил Куликов. – Конечно, это большая тайна, но вам можно об этом сказать. В других документах тоже имеются такие вот ошибочки, и немцы неизменно клюют на эту нехитрую уловку, со всей своей педантичностью печатая в поддельных бланках «правильный» текст⁸.

Начав разговор о диверсантах, я не мог не упомянуть о батальоне «Бранденбург-800». Но, конечно, о его существовании НКВД уже было известно, и Куликов сам мог рассказать мне о тактике немецких диверсантов:

– Подготовленных диверсантов не так уж и много. К нам чаще засылают обычных солдат вермахта, переодетых в нашу форму. Причем карабины и автоматы у них свои, русским языком мало кто владеет, так что выявить их не так уж и сложно. Когда я сюда ехал, в особом отделе дивизии меня предупреждали, чтобы я был осторожнее. Недавно они обезвредили такой вот отряд. Судя по соотношению потерь – десять к одному, и это несмотря на то, что немцы первые открыли огонь, диверсанты явно не проходили спецподготовку⁹.

– Так вот, – вернулся я к обсуждению тактики и стратегии, – если налаживать систему обороны мы уже кое-как научились, то с умением наступать дела у нас обстоят очень плохо. После того, как мы остановим фашистов, наши фронты перейдут в контрнаступление, и к этому времени нужно подготовить новую теорию наступательных операций.

– Чем же плоха старая теория?

– В первую очередь надо значительно сузить полосу наступления и сосредотачивать на ней как можно больше артиллерии. Даже в конце войны, когда у нас появится в наличии много пушек, их будут устанавливать на очень узком участке прорыва. Плотность артогня достигнет сто-двести орудий на один километр фронта.

– Вот это да, – по-детски восхитился капитан. – Так наступать милое дело. Но сейчас у нас столько артиллерии нет.

– Но зато и враг пока не успел создать сплошную линию укреплений. В ближайшие месяцы их оборона будет носить в основном очаговый характер. Это значит, что нужно по возможности просачиваться между узлами обороны и перерезать пути снабжения немецких гарнизонов. Кстати, необходимо пересмотреть взгляды на ведение боя в темное время суток. Нужно проводить тренировки по ночному просачиванию через передний край обороны с последующей атакой противника. Далее, следующий важный момент: Пока у врагов нет мощной линии обороны, а мы не можем достигнуть значительного численного преимущества даже на небольшом участке фронта. Поэтому глубокое эшелонирование боевых порядков, предусмотренных довоенным уставом, теряет смысл. Части и подразделения должны идти в атаку одним эшелоном, развернувшись цепью, чтобы использовать в наступлении все имеющееся оружие. Участок прорыва для одной дивизии должен составлять не больше двух-трех километров.

– Но по уставу так и есть, – удивился капитан.

– Вот как? Значит, наступления на широких участках фронта, которые будут практиковаться в первый год войны, не соответствуют требованиям устава. Конечно, есть и исключения, но достаточно мало.

– А глубина наступления?

– Пока у нашего командования всех уровней – от взводных до командармов, нет достаточного опыта организации наступательных действий, ее нужно устанавливать по минимуму.

Мы еще немного обсудили положения уставов и ситуацию на фронтах, а затем перешли к технике и начали, естественно, с атомной бомбы.

⁸ Как ни странно, но этот способ выявления диверсантов прекрасно работал до конца войны.

⁹ Подлинный случай. Точнее, с нашей стороны один раненый и один убитый, с немецкой – девять убитых, один пленный. Еще одному удалось сбежать, но он был взят в плен позднее.

Глава 6

20 сентября. Вечер

Ядерную программу мы, недолго думая, решили назвать просто проект «А». Надо заметить, что устройство атомного оружия всегда вызывало у меня большой интерес. Поэтому, как только впервые появился доступ к Интернету, я прочитал все, что только смог найти по данному вопросу, и теперь мог вспомнить достаточно подробностей. Куликов сразу же понял принципы ядерного деления, и мы перешли к технологическим подробностям:

– Атомную бомбу теоретически можно делать из тория, но на практике его не используют, и все ядерное оружие изготавливают из урана или полученного искусственно плутония.

– А в чем проблема? – уточнил Куликов.

– Честно говоря, не знаю. Это считается само собой разумеющимся.

– Хм, ладно, примем за аксиому, что нужен только уран. А возможно ли взять под контроль все основные месторождения урана в мире?

– Ну, для этого сначала придется завоевать всю Землю, так как месторождения имеются во многих странах. На первом месте по запасам находится Австралия, затем идут ЮАР, США, Канада. Россия где-то на пятом месте, а за ней с небольшим отрывом идут Казахстан, Украина, Узбекистан, Нигерия, Бразилия. Да вообще, в любой стране средних размеров можно накопать урана хотя бы на несколько бомб.

– А если сложить запасы РСФСР и других союзных республик, то получится, что они у нас самые большие в мире?

– Черт, совсем забыл. Простите, но за два десятилетия я уже привык к тому, что Россия теперь отдельное государство. А СССР тогда действительно занимает первое место.

– Значит, у нас должно быть очень много месторождений, и мы сможем выбирать те, в которых стоимость добычи будет дешевле, – пришел к логичному выводу капитан.

– Да, вот только их еще надо найти. Более-менее точно я помню расположение только пары из них: недалеко от Челябинска и в Казахстане. Еще в Забайкальском крае очень хорошая руда, а также имеются месторождения в Оренбургской области, в Бурятии, да еще много где. По крайней мере, искать их будет нетрудно. Достаточно разместить в самолете оборудование, измеряющее радиоактивный фон, и облететь нужные районы.

– А где в основном добывают уран в вашем времени?

– Попробую вспомнить. Большая часть добычи ведется в Аргунском месторождении, километрах в пятистах к юго-востоку от Читы. Но там недалеко граница.

Куликов развернул карту и нашел нужное место.

– Действительно, совсем рядом находится Маньчжоу-го, и там стоят японские войска.

– Ничего страшного, – утешил я. – Поиск хороших залежей руды это сейчас второстепенная проблема. В конце концов, в нашей истории кое-какие месторождения все-таки нашли, хотя и далеко в горах. Руду оттуда приходилось вывозить на ослах. Пока требуемые объемы небольшие, уран можно добывать и из бедных залежей. Гораздо сложнее его извлечь, обогатить и сконструировать атомную бомбу.

То, что производство ядерного оружия – удовольствие не из дешевых, гэбэшник, курирующий технические проекты, в принципе, уже понял. Но когда я начал расписывать подробности всего процесса, он начал сознавать, сколько на самом деле трудностей нас поджидает:

– Сама добыча руды, ее обогащение и извлечение урана ничем принципиально не отличаются от любой другой, только нужно принимать меры для защиты от радиации. Руду дробят, измельчают, помещают в раствор щелочи или сильной кислоты – в зависимости от породы. Из раствора извлекают концентрат оксида урана, который еще нужно отчистить от примесей

– бора, кадмия и других веществ, хорошо улавливающих нейтроны. Оксид восстанавливают аммиаком, а потом с помощью какой-то кислоты превращают в гексафторид.

– Наверно, плавиковой.

– Кажется, да. Но на этом основная часть процесса только начинается.

– А почему нельзя работать с металлическим ураном?

– Дело в том, что гексафторид легко испаряется, и вся дальнейшая работа по обогащению ведется с газом. К сожалению, он, как и все соединения фтора, очень едкий и ядовитый, так что работать с ним будет нелегко.

– Понятно, – погрустнел Куликов. – Все емкости для его хранения нужно изготавливать из алюминия или покрывать никелем. Нельзя допускать, чтобы эта радиоактивная и ядовитая гадость вырвалась наружу. Так что мы делаем с гексафторидом дальше?

– Для ядерного оружия нужен 235-й изотоп, который легко делится, но его в природном уране содержится очень мало, только 0,7 процента. Все остальное – это уран с атомным весом 238. Он стабилен и непригоден для наших целей. Как ученым уже известно, чтобы запустить цепную реакцию в ядерном реакторе, минимальная доля урана-235 должна составлять 1,5 процента, но для нормальной работы требуется от 5 до 20 процентов. Чтобы создать ядерное оружие, степень обогащения доводят минимум до 80 процентов, но лучше 90–93 процентов. Вот в этом и состоит основная трудность.

– Я хотя и не ученый, но догадываюсь почему, – еще больше расстроился капитан. – Химические свойства изотопов полностью идентичны, и с помощью химических реакций разделить их нельзя.

– Совершенно верно. Для разделения урана-235 и урана-238 в настоящее время существуют три метода: газодиффузионный, центробежный и электромагнитный.

– Полагаю, нет смысла использовать сразу все способы.

– Согласен. Американцы собираются испробовать все, но мы выберем самый оптимальный. Теперь подробно по каждому методу. Как я уже сказал, гексафторид легко переходит в газообразное состояние. Насколько я помню, Гровс, это руководитель проекта, в своей книге писал, что...

Когда я закончил описывать методы, капитан сокрушенно покачал головой.

– Как все-таки сложно добывать этот уран.

– Ну, технология его получения хотя и очень трудоемкая, но по крайней мере сравнительно простая.

– Даже так? – удивился Куликов. – А что же тогда сложно?

– Сложно это превратить уран-238 в плутоний-239. Для этого придется строить реактор.

Тут уже записной книжкой не обошлось, и мне пришлось чертить различные схемы реакторов на обратной стороне карт.

– Но это еще не всё. Получив нужное количества материала, мы сталкиваемся со следующей проблемой. Для урановой бомбы применяют простейшую конструкцию пушечного типа. Ее американцы даже не испытывали, так как она очень надежная. В этой схеме критическая масса в атомном заряде создается столкновением двух частей субкритической массы. Но эффективность в этом случае очень низкая. Другой способ – это имплозивная схема, так называемый «еж», в которой заряд равномерно сжимается синхронными взрывами со всех сторон. Но и эта конструкция далека от идеальной...

С каждой новой схемой, которую я чертил, капитан все больше ужасался. Трудности создания Бомбы превосходили воображение.

– Одно утешает – то, что противнику придется еще труднее. Как вы полагаете, есть ли у Гитлера возможность сделать атомное оружие до конца войны?

– К счастью, у немцев исследования пойдут по тупиковому пути, и они даже не смогут запустить реактор. Гораздо важнее контролировать аналогичные исследования в США. Хроно-

логия примерно такая. В настоящее время ведутся исследования в лабораториях и университетах, финансируемые национальным комитетом по оборонным исследованиям. Суммы пока выделяются небольшие, всего лишь сотни тысяч долларов...

– Ничего себе небольшие, – присвистнул Куликов. – А сколько же будут тратить потом, когда проект полностью развернется?

– На создание первых трех бомб уйдет около двух миллиардов долларов. Так вот, до сих пор только рассматривался вопрос о том, можно ли будет использовать атомную энергию в военных целях. Окончательное решение о создании ядерного оружия было принято 6 декабря, когда стало точно известно, что Япония начнет войну.

– Подождите, это очень важный момент. Если в САСШ знали о нападении, то почему произошел такой разгром в Перл-Харборе?

– Ну, во-первых, просто никто не ожидал, что такой большой базе, находящейся очень далеко от Японии, может что-нибудь угрожать. А во-вторых, сообщение о начале войны просто не успело дойти вовремя. Предыстория была следующей. Американцы расшифровали японские коды и легко читали все сообщения. Еще 25 ноября Рузвельт предупредил своих военных советников, что война начнется очень скоро. На следующий день японскому послу вручили ноту о том, что снятие эмбарго возможно лишь после вывода войск из Китая и Индокитая. После этого военные действия стала неизбежными. Авианосное соединение Нагумо тут же снялось с якоря и отправилось к Гавайям, а всем американским соединениям был разослан сигнал боевой готовности.

– Подождите, так где тут причина, а где следствие? Кто же виноват в развязывании войны?

– Войну, разумеется, начали японцы. Сначала они вторглись в Китай, потом в Индокитай, а затем стали претендовать на Индонезию и Филиппины. А Рузвельт виноват в том, что заигрался с японским хищником, помогая ему в войне с Китаем. Оказывая китайцам небольшую помощь, Америка в то же время продавала японцам на порядок больше стратегических товаров. В результате императорская армия росла и захватывала все новые территории. Увеличивался и ее аппетит. Очнулась Америка лишь тогда, когда уже попала в патовую ситуацию. Если и дальше снабжать Японию нефтью и металлами, то она продолжит агрессию. А если ввести эмбарго, то ее армия и флот уже стали достаточно сильными, чтобы захватить источники нефти. Собственно говоря, так оно и получилось.

– Точно так же европейские державы поощряли Гитлера ко все новым захватам территорий, надеясь подтолкнуть его к нападению на СССР, – заметил Куликов. – Империалисты и в Русско-японскую войну финансировали японцев, чтобы ослабить нашу страну.

– Здесь немного другая ситуация. Для Рузвельта Япония просто хороший торговый партнер. Как у нас любят говорить в таких случаях: ничего личного, просто бизнес.

– Ладно, пусть бизнес. Но вы, товарищ Соколов, только что говорили, что предупреждение о войне не успело дойти вовремя, а потом сказали, что оно было разослано еще за десять дней до ее начала.

– Уточняю. Меры безопасности в Перл-Харборе усилили, но, считая, что до Гавайев противник не доберется, сделали это весьма своеобразно. По воскресеньям и личный состав, и командиры по-прежнему отдыхали. А как мы, к сожалению, уже знаем, агрессоры предпочитают нападать именно по выходным дням. В субботу 6 декабря была расшифрована телеграмма японскому послу, и стало окончательно ясно, что война неизбежна, но дата и время в ней еще не назывались. Утром пришла новая шифровка, где указывалось время вручения меморандума госсекретарю США – 13 часов по вашингтонскому времени. То, что нападение планируется через полчаса после этого, там, конечно, не уточнялось, но было совершенно очевидно. После того как сообщение прочитали, до атаки Перл-Харбора оставалось еще больше шести часов. Казалось бы, времени достаточно, чтобы объявить тревогу, но дальше начинается самое инте-

ресное. Командующему ВМС Старку посоветовали сразу позвонить на Оаху по прямому телефону с кодирующим устройством, но он ничего не захотел предпринимать, не посоветовавшись с президентом. Но Рузвельт в это время еще спит, а когда просыпается, то врач начинает с ним медицинские процедуры. И вообще, его запрещено беспокоить в выходной день.

– Он, конечно, инвалид, но когда на страну готовится нападение, тут уж не до лечения, – неодобрительно покачал головой Куликов.

– Затем генералы и адмиралы посоветовались друг с другом и, решив, что на сытый желудок думается лучше, ушли кушать.

– Но послать сообщение командующему Тихоокеанским флотом они могли бы? Пусть даже на пустой желудок и без совещания с президентом.

– В это время начальник штаба армии США генерал Маршалл катался на лошадке и, естественно, не захотел прерывать столь важное занятие из-за каких-то пустяков. Накатавшись вдоволь и не спеша приняв душ, он все-таки приходит на работу и по телефону обсуждает со Старком ситуацию. Они все-таки мудро решают, что надо предупредить гарнизоны тихоокеанских островов, в том числе и Оаху. Оставалось еще целых полтора часа. У Маршалла тоже есть телефон с защищенной линией, и он тоже не пытается им воспользоваться, а приказывает послать шифровку в Перл-Харбор по рации. Но хотя в распоряжении военно-морских сил имелись мощные радиостанции, которыми Старк и предлагает воспользоваться, Маршалл решил передать телеграмму через радиостанцию армии. К сожалению, на Гавайях в это время появились сильные радиопомехи, и по слабенькой армейской рации связаться с Оаху не удалось. Угадайте, что было дальше.

– Отнесли письмо на почту?

– Почти. Сообщение отправили обычным телеграфом, и совершенно случайно военные забыли указать, что телеграмма срочная. Поэтому до Гонолулу она дошла не сразу, а после прибытия на остров еще долго лежала, дожидаясь, пока ее заберет посыльный-японец, развивший почту.

– Кажется, слишком много совпадений.

– Это еще что, вот в сражении у Медуэя было просто огромное количество случайностей, благоприятных для американцев. Такое впечатление, что кто-то специально подыгрывал сначала одной стороне, а потом другой.

– Все боевые действия состоят из цепочки случайностей, – философски заметил капитан. – Ну хорошо, с этим вопросом понятно. Продолжайте, пожалуйста, по ядерной программе СА... США.

– Ближайшей целью исследований стало запустить цепную реакцию. Для этого, в свою очередь, сначала надо выделить необходимое количество урана. Благодаря щедрому финансированию и наличию теоретических разработок, уже в июне 1942 года ученым во главе с Ферми удалось добиться коэффициента размножения нейтронов больше единицы. Получив экспериментальное подтверждение того, что создание атомного оружия вполне возможно, американцы уже могли приступить к широкомасштабному строительству. Для этого необходимо построить уже не опытный, а промышленный реактор, а также заводы по переработке урана. Размер средств, отпускаемых для проекта, был практически неограничен. Поэтому США могло позволить себе финансировать строительство одновременно нескольких заводов, получающих уран различными методами разделения. Технологии еще не были окончательно разработаны, и было неизвестно, какие из них окажутся лучше. Также, на всякий случай, велись работы по созданию двух типов реакторов: графитового и тяжеловодного.

Куликов заметил, что если атомный проект продолжает расширяться, и туда набирают много людей, то внедрить своего агентов нам будет несложно. Надо только узнать, какие лаборатории занимаются данной проблемой. Из американских ученых-ядерщиков я смог припомнить только Ферми, Оппенгеймера и Лоуренса. Зато смог много рассказать о генерале Гровсе,

который был талантливым администратором и сыграл в атомном проекте не меньшую роль, чем у нас Берия. С этим капитан не согласился, и мы с ним крепко поспорили:

– Хороших администраторов можно найти тысячи, – утверждал капитан, – а вот подходящих ученых можно пересчитать по пальцам.

– Без правильного руководства ученым потребовалось бы намного больше времени для реализации проекта, – парировал я.

Обсудив «Манхэттен», мы перешли к перспективам проекта в нашей стране, и я сразу предупредил, что нам нельзя рассчитывать обогнать американцев в ядерной гонке:

– Помимо того, что они уже давно начали исследования, и у них много ведущих ученых, у нас просто нет достаточного количества свободных ресурсов. Пока идет война, все идет на оборонные предприятия: электроэнергия, станки, сталь, цветные металлы, цемент и многое другое. Для претворения проекта в жизнь надо создавать с нуля целую индустрию, а мы пока не можем себе этого позволить. Разумеется, исследования нужно начинать немедленно, но масштабы пока будут скромными.

– Какие минимальные требования к объему производства?

– Давайте прикинем. Допустим, мы запустим десять тысяч центрифуг, и за год они вырабатывают тонну урана-235, обогащенного до двадцати процентов. Загружаем его в реактор и через год получим четыре килограмма оружейного плутония. Маловато для бомбы. Если конструкция будет самой простой, то понадобится килограммов пять-шесть.

Закончив с проектом «А», мы устроили небольшой перерыв, чтобы собраться с силами. После всех этих сложных схем голова у нас просто шла кругом, а тем для обсуждения еще осталось очень много. Хорошо еще, что Куликов специализировался на военной технике, сопровождая разработку новых видов вооружений, и был в курсе текущего состояния дел. Именно поэтому ему, как доверенному лицу Берии и знатоку техники, доверили исследовать Артефакт. А потом, чтобы не увеличивать число посвященных в тайну, его же отправили устанавливать контакт со мной.

Наконец, немного передохнув, я смог продолжать. Про ахиллесову пяту наших войск – низкий уровень радиофицированности, уже можно было не рассказывать:

– Три месяца войны уже показали, что необходимо оснащать рациями все самолеты, танки, артиллерийские батареи, а также пехотные подразделения вплоть до уровня роты. Единственное, что могу посоветовать, это увеличить закупки радиостанций в США, даже за счет других поставок. Лучше иметь два танка или самолета с рациями, чем три-четыре без них. Также крайне важно ускорить разработку более совершенных радаров, чем те, которые у нас имеются.

– Радар? – переспросил капитан. – А, это новая английская аббревиатура, обозначающая радиолокационную станцию.

– Следующей важнейшей проблемой для нас был транспорт. Наша страна перед войной успела выйти на второе место в мире по выпуску грузовиков. Но, к сожалению, сейчас наши автозаводы перешли на выпуск бронетехники, и главным источником транспорта теперь становится импорт. Ленд-лизские автомобили в основном будут собирать в Иране и Ираке. Качество сборки первоначально было очень низким, так что нужно заранее принять меры: построить местным рабочим жилье, улучшить им условия труда и платить в зависимости от качества сборки.

– Но если машины нам будут поставлять союзники, то с авиацией было сложнее, тут приходится рассчитывать лишь на себя.

– Тенденции развития авиационного оружия ведут к постоянному увеличению калибра. Насколько я помню статистику, то уже во втором квартале сорок второго года авиация окон-

чательно откажется от пулеметов винтовочного калибра. Это касается и истребителей, и бомбардировщиков. Что касается крупнокалиберных пулеметов, то новые модели нам не нужны. Еще перед войной Березин модифицировал свой БС, он сейчас называется УБ, и лучше него ничего не придумают. Теперь все усилия оружейников должны быть направлены на создание крупнокалиберных пушек. И здесь я могу кое-что подсказать. На замену 20-миллиметровой пушки ШВАК должна прийти березинская Б-20, созданная на базе его же пулемета. Насколько я помню, он только заменил ствол, а вся остальная конструкция осталась без изменений. В результате его Б-20 весила чуть ли ни в два раза меньше ШВАКа. Вот только в нашей истории он начал ее разрабатывать только года через два, так что как можно скорее поставьте перед ним эту задачу.

– Обязательно поставим. Но вы еще хотели рассказать про мощные пушки.

– Да, продолжаю. Хотя 20-миллиметровый калибр пока еще не стал обязательным для всех истребителей, но уже сейчас очевидно, что его недостаточно, и вскоре придется перейти на 23-миллиметровый. Разница в три миллиметра дает увеличение веса снаряда в два раза, и соответственно возрастает его поражающая способность. Пока у нас на вооружении имеется только ВЯ, которую устанавливают на штурмовиках Ил-2. Обладая большой скоростью пули, она идеально подходит для борьбы с бронетехникой, но из-за большой отдачи совершенно непригодна для истребителей.

– Так значит, нужен новый патрон с меньшим количеством пороха, – сделал логичный вывод Куликов.

– Совершенно верно. И что самое примечательное, изобретать его вовсе не требуется, достаточно взять готовую гильзу от противотанкового ружья калибра 14,5 миллиметра и переобжать под 23-миллиметровый снаряд. Скорость пули упадет метров на двести в секунду, что для стрельбы по самолетам не критично, а сила отдачи станет приемлемой. Поручить создание новой пушки нужно конструктору Нудельману. В отличие от остальных конструкторов, он разработает автоматику, работающую на отдаче ствола, а не на принципе отвода пороховых газов. Не знаю, почему именно, но эта система оптимальна для крупного калибра. Нудельмановские пушки станут основными на ближайшие десятилетия. Только я не помню, где он сейчас работает.

– Я знаю – в ОКБ-16. Мне приходилось с ним общаться.

– Замечательно. А когда он закончит с этим изделием, то пусть сразу разрабатывает 37-миллиметровое орудие.

– Так он его уже сделал, и скоро должны начаться госиспытания, – удивился капитан. – Но для самолетов действительно нужен такой крупный калибр?

– Крупный это 45 или 57 миллиметров, – нравоучительно заметил я. – Он нужен для борьбы, во-первых, с танками, а во-вторых, с тяжелыми бомбардировщиками. Не забывайте, что в ходе войны танки будут выпускать со все более толстой броней. В самолетах также все жизненно важные узлы начинают бронировать. Но вот только непонятно, почему он уже закончил свою пушку НС-37. Я точно знаю, что ее примут на вооружение только года через два. А, теперь припоминаю. Когда пушка была готова и испытана, ее приказали переделать под новый патрон, без бурта.

– Скажите, авиационная сорокапятка тоже его детище?

– Да, он сделал ее на основе 37-миллиметрового, и с тем же патроном. Другое конструкторское бюро № 15 свою конструкцию доделать не смогло. Но вообще-то современные «Яки» для нее слишком легкие. – Я вспомнил, как стрелял из сорокапятки, и представил себе, что такая машина будет установлена на хрупком самолете. – Вести огонь из нее можно только одиночными выстрелами. Но все равно, от отдачи скорость сразу падает, все трубопроводы начинают течь. Да, еще разрешите задать вопрос про конструктора Таубина. Он еще жив, или его

уже расстреляли? В наше время о нем мало известно, но считается, что разработанные им автоматический гранатомет и авиационная пушка опередили свое время.

– То есть все, кого репрессировали, это непризнанные гении? – усмехнулся гэбэшник. – Впрочем, Таубин действительно был хорошим конструктором, и мне жаль, что так получилось. Но вот с авиационной пушкой он подвел и себя, и страну. Дело в том, что Таубин легкомысленно заявил такие параметры своего будущего изделия, какие были в принципе недостижимы: вес, габариты и, самое главное – силу отдачи. Так как у него уже был изготовлен опытный образец, и он имел репутацию хорошего конструктора, то все, включая товарища Сталина, поверили его обещаниям. Однако, несмотря на все старания, добиться заявленных показателей он не смог. Правда, другим КБ это тоже пока не удалось, но ведь они и не гарантировали недостижимых результатов. Между тем новые истребители проектировались, исходя из заявленных параметров, и когда началось их производство, оказалось, что сила отдачи пушки совершенно неприемлема. То есть самолет уже готов, а вооружения к нему нет! Возможно, все закончилось бы хорошо, так как было принято решение о передаче изделия на доработку заводским конструкторам. Но кто-то написал донос, и Таубина арестовали. Дальше все пошло по спирали: изделия его КБ были признаны вредительскими и сняты с производства. А после того, как от его систем отказались, то вина конструктора тем самым еще больше увеличилась. Честно говоря, его коллеги, например Шпитальный, тоже приложили руку к тому, чтобы избавиться от конкурента. Поэтому Нудельману будет непросто предлагать свои пушки, после того как его бывшего начальника осудили.

– Так он работал в таубинском КБ, – догадался я, – и все, что Нудельман сделал, базируется именно на разработках Таубина? Значит, он действительно был гениальным конструктором.

– Очевидно, что так, – признал Куликов. – Вот только доработок потребуется еще много.

– Но все-таки его гранатомет значительно опередил свое время. Пройдет еще несколько десятилетий, пока станет очевидной необходимость в таком оружии.

– Хорошо, мы проведем испытания автоматического гранатомета, – согласился Куликов. – Надеюсь, что хотя бы это изделие будет работоспособно, и его можно будет пустить в производство. Но, скорее всего, у него будет немало детских болезней.

– Ну что же, теперь давайте обсудим авиабомбы. В первую очередь, это кассетные боеприпасы, которые идеально подходят для борьбы с танками. Самое интересное, что у нас уже давно разработана такая система, только ее почему-то не стали внедрять. Для штурмовиков это как раз то, что нужно. Еще мало внимания уделялось осветительным бомбам. Даже в условиях превосходства в воздухе, до которого нам еще далеко, все важнейшие объекты противника будут прикрыты зенитками, и бомбить их лучше всего ночью. А для этого нужно увеличить выпуск светящихся бомб.

– Хорошо, мы поднимем этот вопрос.

– Далее, при изготовлении фугасных бомб перед нами постоянно будет стоять проблема дефицита тротила и стали. Но я читал, что корпуса авиабомб иногда изготавливали из железобетона.

– Верно, их разработал профессор Гальперин еще перед войной.

– Еще придумали полностью отливать корпус из чугуна. Очень экономичная технология. Почти все резьбовые соединения получаются в процессе отливки.

– Но, наверно, стабилизаторы все-таки изготавливались отдельно? – засомневался Куликов. – А какие есть заменители взрывчатки, вместо тротила и амматолы?

– Использовали следующую смесь: пятьдесят процентов тротила, десять алюминия и сорок гексогена или селитры. Кроме этого, еще была жидкая смесь, вот только состав сложный, и я его не помню. А вот фамилия конструктора в памяти отложилась. Уж очень она необычная для создателя оружия – Добрый или Добрин.

– Добрыш, – подтвердил капитан. – Он действительно разрабатывал жидкую смесь.

– Еще, если немцы подойдут близко к Москве, то можно будет заряжать бомбы жидким кислородом. Но это и без меня знают. По вооружению я больше ничего не припомню, и теперь можно перейти к самолетам. Производство трех типов истребителей для войны слишком большая роскошь, придется оставить только «Як». Он очень легкий, быстрый, маневренный. При равной мощности моторов, «мессер» 109-Е явно ему уступает.

– К сожалению, сейчас на вооружении люфтваффе стоят 109-Е с двигателем 1350 лошадиных сил.

– Но это от Яковлева не зависит, – поспешил я защитить любимого конструктора. – Его задача – продолжать улучшать аэродинамику и усилить вооружение. Очень важно также повысить эргономичность управления.

– А что это такое?

– Это когда ручки и тумблеры управления расположены в удобном порядке и сгруппированы по назначению. Летчик не должен тратить лишнее время на то, чтобы шарить по всей кабине. Еще желательно автоматизировать управление самолетом. Сейчас, чтобы изменить скорость, летчик сначала двигает рычаг газа, потом меняет шаг винта, а затем снова подправляет газ. Даже у опытного пилота на это уходит много времени.

– Это трудно, но такую задачу разработчикам мы поставим. Еще какие замечания по самолетам?

– Очень важно улучшить обзор пилота. Сейчас все конструкторы, не только наши, но и зарубежные, стараются делать высокий гаргот, то есть кабина пилота сзади сливается с фюзеляжем. Это дает небольшую прибавку к скорости, но сильно уменьшает обзор из кабины. Но вы же знаете, что основной прием истребителей – это сесть на хвост противнику. А если летчик не видит, что у него сзади, то его легко могут сбить. Опыт войны показывает, что кабина должна выступать из фюзеляжа. Да и зеркала на самолетах сейчас не всегда ставят. Конечно, пилоту все равно придется крутить головой на триста шестьдесят градусов, но с зеркалами заднего вида все-таки удобнее.

– Черт, возьми, – выругался капитан – вроде бы очевидные вещи, а так сразу до них и не додумаешься. А почему нельзя оставить в производстве МиГ-3? Ведь его начали выпускать намного раньше «яков», а значит, все детские болезни уже устранили.

– МиГ, безусловно, машина замечательная, но это высотный истребитель, а воздушные бои сейчас идут в основном на средних и нижних высотах. Конечно, для системы ПВО он необходим, но на него устанавливают микулинский двигатель АМ-35, который нужен для штурмовиков ИЛ-2. Как скажет товарищ Сталин, «нам нужны не МиГи, а Илы». Да, кстати, эта фраза мне напомнила, что Московский авиационный завод скоро будет эвакуирован. Но теперь мы точно знаем, что столицу враг не захватит, а московская система ПВО эффективно отражает все налеты противника. Так что тратить время на эвакуацию оборудования и строительство нового завода не нужно.

– Да уж, – вздохнул Куликов – если бы еще точно знать, куда немцы не смогут пойти. Например, в Калинин расположено немало заводов, но даже с вашей информацией мы не можем гарантировать, что фашисты к нему не прорвутся. Но давайте вернемся к самолетам.

– Вообще, надо признать, что выпуск перед войной трех разноцелевых истребителей был оптимальным решением, ведь заранее нельзя сказать, какой будет характер боевых действий. Но в текущей ситуации дальний и высотный истребители нам не нужны. Позже, когда мы начнем наступать, нам понадобятся машины с большим радиусом действия, но ими станут обычные «яки» с дополнительными бензобаками.

– Честно говоря, жаль, что конструкторские бюро останутся без работы. У них есть опыт и хорошие наработки.

– Не останутся, – заверил я. – Микоян и Гуревич пусть сразу занимаются реактивными самолетами. Истребители, разработанные в их КБ, будут лучшими в мире, начиная с пятидесятого года и вплоть до нашего времени. Ну, конечно, еще есть истребитель-перехватчик «Су», но у него немного другие задачи.

– А Лавочкин?

– Ему предстоит модифицировать ЛАГГ, установив на него двигатель воздушного охлаждения Швецова.

– АШ-82? Но я думал, что он пригоден только для бомбардировщиков.

– Да, к сожалению, сейчас существует такая тенденция в конструировании истребителей – ставить моторы исключительно жидкостного охлаждения. Но Лавочкин вовремя понял все преимущества мотора с воздушным охлаждением – большая мощность и живучесть в бою. Это позволит отказаться от дельта-древесины, смолу для которой приходится импортировать, и перейти на тяжелую, но дешевую фанеру. Заодно усилится вооружение. На Ла-5 уже никаких пулеметов не будет, только пушки, установленные в центроплане. Вот только я не знаю, сделал ли уже Швецов модификацию своего двигателя с укороченными цилиндрами. Если сделал, то Лавочкин может приступить к проектированию.

– Полагаю, другие конструкторы тоже должны обратиться к моторам воздушного охлаждения?

– У нас это сделает «король истребителей» Поликарпов. Вот только дожидаться выпуска своего детища ему не суждено. Производство ЛАГГ уже налажено, и переход на его дальнейшую модификацию Ла-5 много времени не займет. Осваивать же производство совершенно нового самолета в условиях войны – непозволительная роскошь.

– А в Германии?

Там налаживается серийное производство «Фокке-Вульф-190», который наши летчики прозвали «фоккерами». То есть получится, что у каждой стороны скоро будет стоять на вооружении по два основных типа истребителей – с жидкостным мотором и с воздушным.

– А какие-нибудь изменения в тактике воздушного боя вы можете посоветовать?

– В принципе, с начала войны все уже стало очевидным. Переход с троек на пары, эшелонирование по вертикали, ножницы. В отличие от довоенной подготовки пилотов, нужно обучать личный состав активному пилотированию, воздушной стрельбе, технике тарана. Что касается последнего, то тут главное разъяснить пилотам, что он является крайним средством, к которому нужно прибегать лишь в исключительных ситуациях. Как сказал Покрышкин, таран теперь вышел из моды. Да, кстати. Я очень рекомендую вам найти на Южном фронте старшего лейтенанта Александра Покрышкина, будущего трижды Героя Советского Союза. Он еще до войны работал над теорией воздушного боя и расскажет все это лучше меня. И еще, не забывайте знакомить летчиков с новыми типами самолетов. А то с тем же Покрышкиным получился казус, когда в начале войны он по неведению сбил Су-2. Да, еще чтобы натренировать летчиков хорошо переносить перегрузки, можно сконструировать специальные центрифуги. Такие у нас использовались для подготовки космонавтов. И также нужно разработать противоперегрузочные костюмы.

– Очень интересно. И какой же у них принцип действия?

– Я могу описать только приблизительно. В состав костюма входят несколько камер, наполняемых воздухом. Во время перегрузок давление в камерах автоматически повышается, и они обжимают живот, бедра и голени пилота, препятствуют оттоку туда крови из верхней части тела. Заодно фиксируются внутренние органы брюшной полости, предотвращая их смещение. В итоге костюм помогает летчику выдержать дополнительно два-три жé перегрузки.

– В принципе, ничего сложного, а эффект от применения должен быть значительным. А что вы скажете по общей стратегии применения авиации?

– Тут, конечно, нам надо поучиться у Германии. Они очень оперативно перебрасывают авиационные части с фронта на фронт, что позволяет им завоевывать господство в воздухе на нужных направлениях.

– Насколько мне известно, – заметил Куликов, – перед наступлением на Ельню Жуков смог собрать достаточно самолетов с других участков, чтобы добиться превосходства в воздухе.

– Это так, но он мог распоряжаться только авиацией *своего* фронта. А у нас даже через два года будет такая ситуация, что на одном участке авиация отдыхает, а на другом в это время идут тяжелые бои. Еще необходимо создать единый командный центр авиации фронта. В каждом подразделении должен сидеть представитель летчиков с рацией, который мог бы непосредственно корректировать работу бомбардировщиков.

– Для этого нужно внести большие изменения в структуру управления войсками, – с сомнением покачал головой капитан. – Это не так уж и просто. Но, конечно, мы попробуем провести все изменения в сжатые сроки.

– А еще скоро начнутся дожди, и понадобятся переносные металлические сетки для грунтовых аэродромов. Я видел такие в старой кинохронике. Пластины примерно два с половиной метра в длину и полметра в ширину, с пробитыми большими дырами. Они достаточно легкие, и обслуживающий персонал может быстро выложить из таких плит взлетную полосу.

– Кстати, о погоде, – вспомнил Куликов. – Как я понимаю, она готовит немало неприятных сюрпризов. Вы упоминали, что через неделю после начала наступления начнется распутица.

– По крайней мере, на участке Гудериана. 7 октября выпадет первый снег и сразу растает, превратив дорогу в месиво. Он писал об этом в своих воспоминаниях. В районе наступления его танковой группы до самого Орла нет ни одной дороги с твердым покрытием. Поэтому если бы он не успел к этому времени овладеть шоссе Брянск—Орел, то снабжение его армии было бы сильно затруднено.

– Армии, не группы? – удивленно переспросил капитан.

– Ну да, его группу скоро переименуют во 2-ю танковую армию. А наиболее сильная распутица начнется во второй половине октября, и она нанесет огромный ущерб нашим войскам, ведь мы в это время отступали. Если немцы имели возможность вытаскивать свои грузовики из грязи и теряли только время, то нам при отступлении приходилось бросать технику, которая не могла проехать по бездорожью. Хорошей строительной техники, в отличие от вермахта, у нас не было, и в результате потери транспорта и орудий были катастрофическими.

– Можете вспомнить, какая зима будет в этом году? Если первый снег выпал так рано, то, видимо, очень холодной?

– Очень ранней и очень холодной, – уверенно подтвердил я. – Уже в октябре начнутся вьюги и снегопады, но снег еще будет таять. В начале ноября сильно похолодает, и температура упадет до минус двадцати градусов, а в декабре даже минус сорок. В восточной группировке вермахта теплой одеждой успеют снабдить только одну треть солдат. Дело в том, что Гитлер рассчитывал закончить войну к зиме и оставить в России только оккупационные части. Штабные генералы, никогда не видевшие фронта, его в этом не разубеждали. Только Геринг позаботился о том, чтобы в его авиационных частях все было готово к зиме. Войскам Гудериана зимнее обмундирование в этом году вообще не выдали, и его солдаты одевались в советские шинели и шапки. Не были получены также зимние масла, мазь от запотевания оптики, шипы для гусениц танков, окопные печки и прочее. Кстати, в наших войсках окопных печек тоже нет. Да и вообще, нареканий очень много. Рукавицы солдатам часто выдавались тонкие, рукам в них зимой холодно. Для ряда военных специальностей – связистов там, водителей, механиков, надо предусмотреть рукавицы не с двумя пальцами, как у стрелков, а с пятью, чтобы им не пришлось ковыряться на морозе в своей технике голыми руками.

Куликов размял уставшие пальцы руки, которой он все это время строчил в своем блокноте, и сокрушенно пробормотал:

– Вот ведь парадокс. Вроде живем в России, а к морозам не подготовились. Так, а теперь перейдем к бронетехнике.

– Тут у нас были допущены большие просчеты. Техники выпускалось много, а запчастей к ней мало. С учетом низкого ресурса моторов и ходовой части получилось, что к началу войны большинство танков были неисправны. Радиофицированных машин очень мало, а ведь обзор из них очень плохой, и что там машут флажками, не видно. Еще одна большая недоработка – отсутствие нормальной ремонтно-эвакуационной службы. Как показывает пример немецкой армии, в ходе наступления большинство танков ежемесячно выходят из строя и снова ремонтируются. Нам надо наладить своевременную эвакуацию подбитой бронетехники с поля боя и организовать походные мастерские, которые могут исправлять небольшие повреждения.

Подождав, пока капитан все запишет, я продолжил:

– Еще один крупный недочет в наших танковых соединениях – это недооценка роли пехоты, сопровождающей бронетехнику. Бытовало мнение, что танк – это универсальное оружие, способное выполнять любые задачи. Но на самом деле в городе танки без прикрытия пехоты очень уязвимы. Защищать захваченные позиции танки также самостоятельно не способны. А если им ставят задачу идти дальше в наступление, то кто же будет охранять их тыл? Любое наступление танков должно обязательно сопровождаться достаточным количеством пехоты, и это аксиома!

– Но у нас нет столько грузовиков, – возразил Куликов. – К тому же, чтобы не отставать от танков на пересеченной местности, часть мотопехоты должна ехать на гусеничных вездеходах, как в германской армии. К сожалению, таких вездеходов у нас очень мало.

– Как временное решение, нужно разрешить перевозить десант на броне. У всех танков надо приварить к корпусу скобы, чтобы пехотинцам было удобно залазить и держаться. Помимо сопровождения пехоты, нашим танковым частям не хватает артиллерийской поддержки. Если легким танкам встречается дот или замаскированное противотанковое орудие, то они должны отойти назад и двигаться дальше лишь после того, как артиллерия уничтожит препятствие. Это очень важный момент, чтобы средние и легкие танки шли в прорыв только после подавления вражеской артиллерии. Для этого им нужно придать гаубичные батареи и организовать с ними надежную связь.

– Наши командиры постепенно учатся всему этому, – заверил капитан. – Недавно товарищ Жуков издал приказ о недопустимости безграмотного использования в бою танковых соединений. В нем он требует обязательного взаимодействия командиров танковых частей, стрелковых батальонов и артиллерийских батарей. Но по бездорожью артиллерия не всегда сможет угнаться за гусеничными машинами.

– Для этого надо создавать самоходные артиллерийские установки. И кстати, не только для этого. К сожалению, в нашей стране созданию самоходных орудий достаточного внимания не уделялось. Сейчас у нас на вооружении имеется только несколько старых экспериментальных образцов и самодвижущаяся ЗИС-30. В нашей истории решение о создании самоходок будет... – тут я запнулся. Как правильнее сказать, было или будет? – принято только через год. Настоятельно порекомендуйте Государственному Комитету Обороны издать постановление о разработке САУ. К ноябрю уже необходимо изготовить опытный образец и провести его госиспытания. Серийное производство надо начинать сразу же, а недостатки устранять постепенно, по мере их выявления.

– Полагаете, это возможно за такой короткий срок? – не поверил капитан.

– Безусловно, – подтвердил я. – Принцип проектирования САУ состоит в том, что ходовая часть берется от существующего танка. Все агрегаты орудия, противооткатные устройства, механизмы наведения и прочее, первоначально также будут использоваться без изменения.

Для гаубиц, конечно, желательно доработать конструкцию, чтобы уменьшить откат ствола, но это можно сделать и позже.

– Да, в таком случае, сроки проектирования действительно значительно сокращаются, – согласился Куликов. – А какие танки брались за основу САУ?

– Легкие машины, с пушкой калибра до 76 миллиметров, делались на базе Т-70.

– Но таких танков у нас пока нет, – удивленно поднял брови капитан. – Есть Т-60, но первые серийные машины были выпущены буквально на этой неделе. Интересно, а чем эти две модели различаются?

– В Т-70 установлены такие же двигатели, но не один, как в Т-60, а целых два. Поэтому бронирование усилено и пушка ставится помощнее. У легких САУ бронирование противопульное, только передний лист делают потолще и устанавливают с большим наклоном. Так как рубка в СУ-76 маленькая и тесная, то от крыши пришлось совсем отказаться. Средние самоходки, калибром 76 миллиметров и выше, создавали на базе Т-34. Сразу замечу, что противотанковые, с калибром 85 миллиметров, понадобятся только в сорок третьем году, так что срочной необходимости в них пока не имеется. А вот гаубичная СУ-122 нам очень нужна. Позже самоходки с крупным калибром начнут делать на базе тяжелого танка ИС. Но он появится только года через два, так что придется экспериментировать с КВ. Сразу могу сказать, что гаубицы в самоходках надо устанавливать не на тумбе, как сначала пытались делать, а в маске.

– Хорошо, насколько я понял, разработать самоходные орудия несложно. Но насколько эффективно они себя показали?

– Проявили они себя отлично, но лишь после того, как их научились правильно применять. Дело в том, что военные относятся к ним как к эрзац-танкам. Отчасти это верно. Ведь у них те же гусеницы и тот же корпус, что и на обычном танке. Но по большому счету это просто обычные орудия, только самодвижущиеся, с высокой проходимостью и защищенные тонкой броней. Когда конструктор Грабин заявил, что танк – это всего лишь повозка для пушки, он, конечно, преувеличивал. Но вот САУ это как раз и есть самая настоящая пушечная повозка, и относиться к ней надо соответственно. Тактика применения должна быть следующая: самоходки движутся за танками на расстоянии полкилометра, входят в прорванную ими полосу обороны противника, уничтожают оставшиеся огневые точки и расчищают путь пехоте.

– Полагаю, в уставы будут внесены соответствующие рекомендации, – пометил себе в блокноте Куликов.

– Еще один крупный недостаток в наших бронетанковых частях, – продолжал я, – это недостаточное зенитное прикрытие. Совершенно необходимо ввести обязательное требование, чтобы колонны техники, не имеющие зенитных установок, в светлое время суток не передвигались. Даже во время Курской битвы были случаи, когда немецкая авиация уничтожала целую колонну танков. Только к сорок четвертому году мы научились тщательной маскировке. Да, и запишите, что скорострельные зенитные орудия можно монтировать на шасси устаревших легких танков. У всех тяжелых, а потом и средних танков нужно устанавливать на башне крупнокалиберный зенитный пулемет. Он к тому же очень пригодится в городских боях, когда противник будет прятаться на верхних этажах домов.

– А вот по крупнокалиберным пулеметам у нас план производства даже перед войной не выполнялся, – честно признался гэбэшник. – Их сейчас очень мало.

– Поэтому я и советую оснащать ими сначала только тяжелые танки. Кстати, по тяжелым танкам, хотелось бы упомянуть об одной загадке танкостроения. Еще перед войной ставились опыты по созданию железобетонных танков. Кстати говоря, в других странах такие эксперименты тоже проводились. Брали две пластины толщиной пятнадцать миллиметров, и промежуток между ними шириной миллиметров тридцать заливали бетоном. Результаты были впечатляющими. Получившийся бутерброд показывал на испытаниях такую же бронестойкость, как и у монолитной плиты равной толщины. А ведь помимо экономии специальной броневой

стали, мы получим на порядок меньшие трудозатраты. Ведь обрабатывать пластину толщиной 15 миллиметров гораздо легче, чем плиту толщиной 50–60 миллиметров. Но почему-то нигде в мире такие танки не производились.

– Я читал отчеты об этом. К сожалению, технология изготовления такой многослойной брони довольно сложная, поэтому от нее и отказались. Да и держит бетон только первое попадание, а потом происходит выкрошивание наполнителя.

– Но у самоходок форма корпуса очень простая, и башни нет, – упрямо продолжал я отстаивать свою идею бетонных танков. – А бронирование на них все равно ставят противосколочное. Предлагаю сделать хотя бы несколько опытных экземпляров и отправить их на войсковые испытания вместе с обычными САУ. Насколько мне известно, были проекты и по созданию полностью бетонных танков.

Закончив с самоходками, мы снова вернулись к танкам. Недостатки существующей техники капитан в принципе знал, но хотел услышать мое мнение. И тут мне было что рассказать, в первую очередь, конечно, по Т-34, которому предстоит стать лучшим танком этой войны.

– Начнем с двигателя. Дизель хороший и мощный, но все портит воздухоочиститель. Он мало того, что не улавливает пыль, так еще и ограничивает приток воздуха, так что из-за падения компрессии мощность двигателя падает. Башню надо сдвинуть назад и увеличить ее размер. Большая башня сможет вместить пятого члена экипажа – заряжающего и, заодно сделает возможным установку 85-миллиметровые пушки, созданной на основе зенитного орудия. В будущем нужно немного уменьшить высоту двигателя и установить его поперек корпуса. Для этого требуется перенести воздухоочиститель из развала цилиндров в другое место. В результате боевое отделение увеличится, а высота корпуса уменьшится сантиметров на тридцать.

– Это затруднит ремонт и обслуживание двигателя, – резонно возразил Куликов.

– Всегда чем-то приходится жертвовать, – философски заметил я. – Но уменьшение высоты танка принципиально важно! Во-первых, уменьшается вес корпуса, а во-вторых, низкий силуэт машины легче спрятать за неровностями рельефа, а значит, в него реже будут попадать снаряды.

Свои рассуждения я сопровождал карандашными эскизами, иллюстрирующими возможные варианты модернизации. Разумеется, не мог я обойти вниманием и излюбленную фишку попаданцев – командирскую башенку, частично компенсирующую недостаточную эффективность приборов наблюдения. Польза от нее несомненная, а менять технологический процесс почти не придется. К тому же башенку можно наваривать на уже изготовленные танки, например, во время их ремонта.

От бронетехники мы перешли к артиллерии. Хотя Куликов и курировал производство военной техники, но я смог его удивить сообщением, что самая лучшая пушка Второй мировой войны пока производится подпольно.

– ЗИС-3? – удивленно переспросил он. – Никогда о такой не слышал.

– И неудивительно. Когда конструктор Грабин продемонстрировал новинку маршалу Кулику, тот не захотел начинать ее производство. А ведь идея была замечательная. Трехдвухствольный ствол устанавливается на лафет пушки ЗИС-2, и в результате такой стандартизации производство упрощается, а выпуск орудий увеличивается.

– Но почему же Грабин не обратился напрямую к товарищу Сталину? Я уверен, что он разрешил бы выпуск новой пушки.

– Все правильно, когда Грабин попросит Верховного провести демонстрацию ЗИС-3, тот согласится и даст добро на ее выпуск. Вот только, к сожалению, произойдет это лишь через несколько месяцев. Дело в том, что сейчас Грабин поставил перед собой задачу – к концу декабря увеличить выпуск орудий на заводе в пять раз, причем на том же оборудовании. Для

этого его коллективу предстоит проделать огромную работу по упрощению конструкции, улучшению технологии и организации производства. Разрабатывать новые методы всегда непросто, а ведь внедрять их приходится без остановки производства. Выпуск пушек не должен прекращаться.

– Неужели Грабину удалось это сделать? – не мог поверить Куликов. – Меньше чем за полгода увеличить производство в пять раз, это просто фантастика!

– Конечно, удалось. Конструктор он гениальный, коллектив завода и КБ тоже подобрался замечательный. Но ему постоянно приходится отстаивать свои идеи по внедрению новых технологий перед начальством всех уровней, а это очень непросто. Поэтому сейчас не самый лучший момент, чтобы повторно предлагать новую пушку, которую один раз уже отвергли. Вот когда подведут итоги за год, и все увидят, что Грабин слов на ветер не бросает, тогда и представится удобный случай провести презентацию ЗИС-3. Сталину пушка очень понравится, он только попросит увеличить высоту щита на несколько сантиметров. А пока этот шедевр конструкторской мысли производят самовольно, без всякого разрешения. На самом заводе об этом сейчас мало кто знает. Единственная деталь, которая выбивается из общей номенклатуры производства – это дульный тормоз. Но он изготавливается в опытном цеху.

– Но как же военная приемка? Насколько мне известно, полковник Телешов, главный военпред этого завода, артиллерист опытный и хорошую новинку без внимания не оставит. Но без согласования с начальником ГАУ он просто не имеет права принять опытный образец.

– Ну, тут они с руководством завода все продумали: Главное Артиллерийское управление поставили перед фактом наличия готовых изделий, по всем показателям превосходящих Ф-22, и, естественно, их приняли и отправили на фронт. Грабин правильно рассчитал, что если по ленд-лизу мы получаем то, что дают, то от хорошего орудия тем более отказываться не будут.

Куликов настолько загорелся идеей пушки, выпускаемой на конвейере, что снова достал шифроблокнот:

– Знаете что, я прямо сейчас пошлю радиogramму в Москву, чтобы вопрос с ЗИС-3 решили немедленно. Незачем такое сокровище производить подпольно.

* * *

Отрывок из книги В. Г. Грабина «Как мы ковали оружие Победы»

Все шло по графику. Вечером 20 сентября в опытном цеху собрали несколько пушек ЗИС-3 и самоходных ЗИС-30. За ночь их тщательно проверили, а утром предъявили военной приемке. Приемщики пришли в смятение и не знали, брать их или отказываться, и доложили своему начальству. Старшим военпредом на заводе в то время работал военный инженер первого ранга Телешов. Будучи опытным артиллеристом, двадцать лет прослужившим в армии и заслужившим орден за бои с белокитайцами, он сразу осознал все преимущества новой пушки. Однако хотя никаких сомнений в полезности ЗИС-3 у Телешова не имелось, но принять новинку без согласования с начальником ГАУ он не имел права.

– Иван Федорович, позвоните Яковлеву сегодня же, как можно скорее, – попросил я его. – Это прекрасная пушка, превосходящая Ф-22 не только по весу и удобству обслуживания, в чем вы лично убедились, но еще и по экономическим показателям. ЗИС-3 менее трудоемкая в производстве, и это еще не всё...

Телешов слушал внимательно, но перечислить все достоинства пушки я не успел. Подбежавший ко мне инженер сообщил, что меня вызывает к телефону Москва. Мы с военпредом удивленно переглянулись, не понимая, в чем дело. Разговор пришлось отложить.

В кабинете директора я набрал номер Поскребышева, и тот почти сразу соединил со Сталиным. Спокойным тоном, как будто речь шла о чем-то давно решенном, он спросил, когда мы приступим к выпуску ЗИС-3. Не успев удивиться, я машинально ответил, что пробное производство запустили и сегодня как раз предъявили новые орудия военной приемке.

– Вот как, уже? – В голосе Сталине прозвучало неприкрытое изумление. – И как же военные представители о них отозвались?

– Очень положительно.

– Но принимать пушки без согласия начальника ГАУ не могут, так?

– Всё верно, товарищ Сталин, не имеют права.

Наступила томительная пауза, а следовавшая затем фраза меня опять сильно удивила.

– Я порекомендую товарищу Яковлеву принять вашу новую пушку на вооружение, не дожидаясь выполнения полной программы испытаний. Вот как раз первую партию своих пушек и отправите на полигон.

Это известие меня просто ошеломило. Видимо, эмоции отразилось на моем лице, потому что директор завода Елян и главный инженер Олевский, стоявшие рядом, облегченно вздохнули. Но у меня не было времени пересказать им услышанное, так как Сталин продолжал расспросы:

– Товарищ Грабин, какая толщина броневго щита вашей пушки?

– Пять миллиметров.

– Этого недостаточно. Вы можете пока выпускать щит по-старому, но в ближайшее время толщину нужно довести до шести-семи миллиметров. Сможете?

– Это не потребует замены оборудования, надо лишь договориться со смежниками.

– Да, и высоту щитового прикрытия увеличьте сантиметров на пять.

От неожиданности я не знал, что ответить. Меня поразило даже не то, что Сталин уже знал высоту орудийного щита, а то, как глубоко он вникает в нюансы конструирования. Для пушек очень трудно подобрать подходящую высоту. Если орудийный щит сделать излишне большим, орудие станет слишком заметным, и его труднее будет маскировать. Слишком низкий щит, в свою очередь, не сможет хорошо прикрывать расчет от пуль и осколков. Позднее опыт войны показал, что Сталин оказался прав и угадал оптимальную высоту пушки. Однако в тот момент размышлять мне было некогда, так как вопросы сыпались один за другим.

– Товарищ Грабин, вы сможете выпускать ЗИС-3 и Ф-34 на конвейере?

Первым моим желанием было сказать «нет», ведь в то время это казалось немыслимым. Еще никто, насколько мне известно, не применял конвейерную сборку орудий, хотя директор завода Елян и мечтал об этом. Однако стране были нужны пушки, и как можно больше, а потому завод должен был совершить невозможное. Поэтому я ответил осторожно:

– Да, сможем, но пока еще не решен ряд технологических вопросов.

– Как вы полагаете, – последовал новый вопрос Верховного, – когда на «Баррикадах» смогут начать выпускать вашу ЗИС-3 вместо более трудоемкой Ф-22?

Вопрос был сложным, на такой с ходу не ответишь. Сначала нужно упростить конструкцию затвора, придумать, что делать с обработкой ствола, чтобы уменьшить время производства без потери качества, провести еще ряд доработок, наладить технологию. Лишь после этого, внеся все поправки в техническую документацию, ее можно будет окончательно оформить и передать другим заводам. Сталин не торопился с ответом, и я размышлял, наверное, несколько минут. Все это время в комнате, где кроме меня находилось еще три человека, стояла абсолютная тишина. Наконец, я был готов отвечать.

– Раньше чем через полгода, товарищ Сталин, окончательная документация готова не будет.

– Нужно! Раньше! – В голосе Сталина отчетливо слышались стальные нотки, показывающие, что не зря вождь взял себе такую фамилию. – Со второго квартала следующего года на «Баррикадах» уже должны выпускать ЗИС-3. Вы лично за это отвечаете.

Задача была совершенно невыполнимой. Хотя я и был полностью уверен в своем оружии, но требовалось отработать весь технологический процесс, а это дело не одного месяца. Но Сталин не стал слушать возражения и попросил позвать к телефону директора завода.

Елян осторожно взял протянутую ему трубку. Нам было слышно, как он коротко отвечал:

– Да. Да... Будет... Спасибо за доверие, товарищ Сталин.

Еще подержав трубку в руках, хотя из нее уже шли гудки, он задумчиво достал папиросу, помял ее пальцами, так что она лопнула, и бросил на пол. Наконец, Амо Сергеевич посмотрел на нас уверенным взглядом и твердо сказал:

– Пушке ЗИС-3 быть.

Нас порадовало, что Сталин заботливо и внимательно отнесся к нашей новой разработке, и что он так верит в наш коллектив. Но кроме уверенности в своих силах, еще требовалось переоснастить производство, а для этого не хватало оборудования. Заводу как воздух были нужны дополнительные станки, и тут нам очень помогли секретарь обкома партии Родионов и заместитель наркома госконтроля Ивановский. Они решили изъять у других предприятий, выпускавших не столь нужную для фронта продукцию, фрезерные и плоскошлифовальные станки, необходимые нам для производства орудий.

Правда, полученного оборудования все равно не хватало, и директор вместе с главным инженером отправились в Тулу. В тот момент положение города было угрожающим. Немцы перешли в наступление и рвались на восток. Почти каждый день шли бомбежки. Однако заводы героической Тулы продолжали работать, выпуская оружие для фронта. Секретарь тульского обкома Жаворонков, возглавлявший городской комитет обороны, сразу откликнулся на нашу просьбу, распорядившись демонтировать часть станков и передать их нам.

Пополнив станочный парк, Елян смог реорганизовать технологический процесс, введя специализацию цехов, которые стали выпускать только один механизм или даже деталь. Теперь станки выполняли лишь одну-единственную операцию, и их не приходилось постоянно переналаживать, на что раньше уходило много времени. Снизилась и требования по квалификации рабочих. Понятно, что хороших специалистов быстро не обучишь, а с одной или двумя операциями вполне мог справиться и выпускник ФЗУ. Все эти меры позволили сильно упростить производственный цикл, значительно поднять выпуск деталей и перейти на поточное производство. Как на удивительное чудо смотрели мы на круговой конвейер, на котором происходила окончательная сборка танковых пушек Ф-34. Это казалось немыслимым, но тем не менее было фактом – пушка собиралась на конвейере. Очень скоро на конвейере начали собирать и ЗИС-3, а общий выпуск орудий достиг пятидесяти штук в день.

Конечно, почивать на лаврах мы не собирались и упорно продолжали совершенствовать орудие. Наше конструкторское бюро постоянно упрощало конструкцию. Не дремали и технологи, предлагавшие новые изменения. Огромную лепту в усовершенствование производства внес Елян, показавший себя прекрасным организатором. В результате общих усилий к маю сорок второго года ежедневный выпуск достиг ста орудий. Чтобы представить, насколько это огромная цифра, достаточно сказать, что в то время вся промышленность Германии производила меньше пушек, чем один наш завод. Об этом, правда, мы узнали только после войны, но правительство страны оценило трудовой подвиг заводчан, наградив коллектив Сталинской премией. Многие сотрудники получили ордена, а директору завода присвоили звание Героя Социалистического труда.

* * *

Отправив сообщение, Куликов вновь вернулся ко мне и перешел к следующей теме:

– Что вы можете рассказать по стрелковому оружию?

– В ближайшее время основным оружием пехоты останется «мосинка». Сейчас все делается для увеличения ее производства: конструкция максимально упрощается, убираются лишние выступы и антабки, ложе больше не покрывается лаком, и материал для него берется подешевле. Но вот почему-то почти всю войну наша промышленность не могла перейти на выпуск укороченного варианта винтовки. Эту ошибку надо исправить. Ведь разве «мосинке» нужен такой длинный ствол? Прицельная дальность в два километра явно излишняя. Даже с оптическим прицелом трудно попасть в цель на расстоянии свыше километра. Вот в немецкой армии уже давно перешли на карабины, которые гораздо удобнее. С длинной винтовкой трудно развернуться и в окопе, и в тесной городской застройке. Она мешает при движении по лесу, демаскирует замаскировавшегося бойца, затрудняет посадку в транспортное средство.

– Хорошо, я поставлю этот вопрос в первую очередь. Очень нужное нововведение, не требующее больших затрат, не снижающее боевые качества и к тому же дающее экономию в производстве. А автоматические винтовки мы разве не будем производить?

– Ну почему же, в ближайший год выпустят достаточно много АВТ. Но эта мера вынужденная и временная. Хотя конструкция Токарева в целом неплохая, но у автоматических винтовок низкая кучность. К тому же винтовочный патрон имеет избыточную мощность, что приводит к быстрому износу деталей, а повысить их прочность без значительного увеличения веса затруднительно. Поэтому, когда эвакуированная промышленность развернет производство ручных пулеметов и автоматов, то выпуск АВТ будет свернут. Теперь пройдемся по пистолетам-пулеметам. Они позволяют достичь высокой плотности огня, что крайне важно в условиях современной войны. Сейчас основным автоматом у нас является ППШ. Конструкция у него в целом удачная. Вот только желательно заменить круглый барабанный магазин коробчатым «рожком».

– Но у него маленькая емкость, – не согласился капитан.

– Зато куча других достоинств, вот считайте. Стоимость производства рожка на порядок меньше, чем у диска. Его легче менять, так что экономится время на перезарядке. Рожок очень удобно носить в карманах, за голенищами сапог, в подсумках и в разгрузке. Он не гремит при ходьбе. И наконец, вес автомата с барабаном слишком большой, чтобы с ним можно было удобно управляться.

– А ведь вы правы, вставлять диск в автомат действительно неудобно, и конструкция у него достаточно сложная. Какие еще недостатки у ППШ?

– Прицел следует заменить. По-моему, у первых автоматов он был рассчитан на дальность пятьсот метров, но на таком расстоянии попасть фактически невозможно. Надо установить предельную дальность метров двести. Скорострельность у него слишком большая. Не помню точно...

– Тысяча выстрелов в минуту, – быстро подсказал Куликов.

– А оптимальной является десять выстрелов в секунду. Я не знаю, возможно ли модернизировать ППШ, но скорострельность желательно снизить. Но в любом случае ему на смену придет новый автомат. Уже в начале следующего года будет объявлен конкурс, и победит конструкция Судаева. Вот только он не сам ее придумал, а ему поручили доработать проект, разработанный каким-то простым лейтенантом¹⁰. ППС и стал в итоге лучшим автоматом Второй мировой войны.

¹⁰ Безручко-Высоцким.

– Вы говорили, что в ваше время самым популярным в мире стал автомат Калашникова. Как нам найти этого конструктора?

Я задумался, вспоминая биографию сержанта, ставшего генералом:

– Надо спросить у Жукова. Когда он перед войной командовал Киевским военным округом, то лично вручал именные часы одному сообразительному танкисту с конструкторской жилкой. Калашников тогда изобретал различные приспособления для танка. Жуков его заметил, наградил и послал на сержантские курсы. Еще примерно помню, когда у него день рождения. В ноябре позапрошлого года он как раз отмечал юбилей – девяносто лет. Так что найти его будет нетрудно. Вот только в ближайшее время рассчитывать на него не стоит. В нашей истории Калашникову понадобилось несколько лет, чтобы научиться профессионально конструировать. К тому же создать эффективный автомат можно будет только после того, как мы перейдем на промежуточный патрон, а это достаточно сложно.

– Промежуточный? Вроде бы попытки разработать новый стандарт проводились, но довольно вяло. Расскажите, пожалуйста, подробнее о промежуточном патроне, внедренном в вашей истории.

– Как я уже сказал, винтовочный патрон длиной 54 миллиметров для ручного автоматического оружия неприемлем из-за своей избыточной мощности. В свою очередь, 25-миллиметровый пистолетный патрон малоэффективен. Выходом станет создание новой гильзы с промежуточной длиной 39 миллиметров. Автоматы и ручные пулеметы, использующие его, будут обладать одновременно и небольшим весом, и большой эффективной дальностью. Заодно при его разработке можно будет избавиться от большой шляпки мосинского патрона, которую так не любят оружейники.

Капитан что-то почеркал у себя в блокноте:

– Наверно, тогда удастся снизить вес ручного пулемета раза в два, – поделился он результатами вычисления. – ДП-27 весит двенадцать килограммов, и носить его очень неудобно. Так что нововведение могло бы быть очень полезным, но менять патрон во время войны весьма нежелательно.

– Ну, Дегтярев сможет и без замены патрона снизить вес пулемета в полтора раза.

– Так, так, так, – заинтересовался Куликов. – И что же он изменил в своей конструкции?

– Ничего не менял, а просто создал все заново. И, насколько я помню, ствол у его нового оружия не съемный.

– Но он же будет перегреваться.

– Нет, если стрелять короткими очередями, то не будет. От тяжелого диска отказались, как и в ППШ, и питание теперь ленточное. По внутреннему устройству ничего сказать не могу, кроме того, что пружина теперь находится в прикладе.

После ручного оружия подошла очередь гранат.

Для борьбы с бронетехникой существующих РПГ фугасного действия явно недостаточно, нужно разработать кумулятивные. Основное требование для них, впрочем, как и для противопехотных – производство с использованием холодной штамповки. Тогда можно будет выпускать их в достаточном количестве.

– Насколько я понимаю, – задумался капитан, – при столкновении с броней кумулятивная граната должна всегда быть направлена доньшком вперед. Как этого лучше добиться?

– Нужны хорошая балансировка и стабилизаторы, сделанные из матерчатых лент.

– Мы начнем их разрабатывать, но все-таки дальность броска гранат небольшая. Скажите, что можно улучшить в противотанковых ружьях?

– Уже все улучшено, – заверил я. – Остается лишь как можно скорее наладить их выпуск. Дегтярев и Симонов еще летом разработали отличные системы – эффективные, простые в обслуживании и технологичные в производстве. До 1943 года они будут с успехом использо-

ваться для борьбы с легкими и отчасти даже средними танками. А потом насыщение наших войск артиллерией сделает их ненужными.

– Ну что же, рад это слышать. А то мы уже пытались наладить выпуск копий немецкого PzB-39, но у него слишком много недостатков. Так значит, в производство будут запущены обе модели?

– Да, обе. Конечно, более дешевое в производстве ПТР Дегтярева будет выпускаться в больших количествах, чем ПТР Симонова. Зато последнее имеет высокую скорострельность. А вот с пулей для этого ружья надо еще поработать. Новая, с вольфрамовым сердечником, броню пробивает хорошо, но вот заброневое действие у нее слабое. Хорошо бы еще создать под данный патрон осколочный снаряд, чтобы можно было подавлять огневые точки противника. В танк из этих ружей попасть еще можно, а вот в пулемет практически нереально. Ну и, конечно, желательно добавить оптический прицел, пусть самый плохенький. Но самое главное, это продумать тактику применения ПТР.

– А в чем тут проблема?

– Пробития брони еще не достаточно, чтобы вывести танк из строя. Чтобы его подбить, требуется пятнадцать, а то и двадцать пробоин.

– Значит, надо настаивать, чтобы все противотанковые ружья батальона вели сосредоточенный огонь по одной цели, – сделал вывод Куликов и тяжело вздохнул. – Придется побороться за внесение изменений в наставления. А ведь еще перед войной проводились эксперименты по обстрелу танков трофейными польскими ружьями, и там получалась похожая статистика.

– Еще есть много экспериментальных разработок, не пошедших в серию. Например, легкая противотанковая пушка ЛПП-25, которую, возможно, уже начали разрабатывать. Вес у нее очень маленький. В походном положении килограммов двести, а в боевом вообще сто пятьдесят. Там даже предусмотрены ручки, чтобы расчет из трех человек мог переносить ее через препятствия.

– Но эффективность снаряда, наверно, не очень большая?

– Да нет, он пробивает сто миллиметров брони. Это достигается применением гильзы от 37-миллиметровой зенитки, позволяющей разогнать подкалиберный снаряд до скорости тысяча семьсот метров в секунду. А еще для борьбы с бронетехникой хорошо бы начать выпуск ручных противотанковых гранатометов, пусть даже с небольшой дальностью выстрела. Но, боюсь, на это потребуется очень много времени. Ведь помимо разработки реактивного двигателя, еще понадобится создать кумулятивный заряд.

Закончили разговор мы уже за полночь. Я пообещал записать все, что еще удастся вспомнить, но тех сведений, которые Куликов уже получил, было достаточно для того, чтобы поспешить скорее передать их руководству страны. Капитан не стал ужинать и сразу распорядился готовиться к отъезду.

– Сейчас вы сообщение отправлять не станете? – уточнил я на всякий случай.

– Меня ждет самолет, и я быстрее доставлю все сведения сам, чем если тратить время на шифровку, передачу и дешифровку. А вы, товарищ Соколов, точно не хотите лететь со мной?

Мысль о том, что можно будет жить в нормальных условиях, в квартире с горячей водой и с туалетом, питаться в наркомовской столовой, была очень соблазнительной. Но все это сейчас отступало на второй план. Поэтому, тяжело вздохнув, пришлось отказаться.

– В Генштабе я ничем помочь не смогу. Сколько бы я ни прочел воспоминаний наших полководцев и сколько бы ни играл на компьютере, великим стратегом меня это не сделало. Все, что я еще вспомню по современной технике и военному делу, я вам передам. Кстати, много людей информированы о моей персоне?

– Кроме товарищей Сталина и Берии, только два человека.

– А как вы объясните остальным происхождение информации?

– Для вас мы придумаем следующую легенду. Девятнадцать лет назад вы по заданию партии были направлены за границу, где и жили все это время. – Капитан усмехнулся, ведь как раз лет двадцать назад Советский Союз распался, и я действительно оказался в другой стране. – Это объяснит и вашу осведомленность по планам вермахта, и незнание многих нюансов советской жизни, и непривычные речевые обороты, которыми пользуется товарищ Соколов. С началом войны вы смогли получить важные сведения и недавно перешли линию фронта в районе Андреаполя. Ваше командование я соответствующим образом проинструктирую, а начальника особого отдела дивизии мы заменим.

– А что, прежнему доверять нельзя?

– Нет, почему же. Сейчас на этой должности находится капитан госбезопасности Дружинин. Он старый большевик, верный и надежный. Но в этом деле, чем меньше людей будет в курсе, тем лучше. Поэтому особистом назначим человека, который уже знает и о шкатулке, и о вас. Правда, он работал по другому профилю, и звание у него небольшое. Но ничего, справится. Все новые данные будете передавать ему. Сами понимаете, держать на передовой мощную радиостанцию неразумно. Ему же мы отдадим ваше удостоверение сотрудника ГУГБ НКВД с настоящей фамилией и очередным званием лейтенанта госбезопасности, которое мы вам присвоим. Строго говоря, после почти двадцати лет выслуги вам положено более высокое звание. Но сами понимаете, бюрократические проволочки. Ведь на самом деле вы у нас никогда не числились.

– А Танин?

– Оставим на прежней должности и объявим благодарность, но в курс дела вводить не станем. Не его уровень. Чтобы помочь адаптироваться в новом мире, предоставлю в ваше распоряжение сержанта госбезопасности Авдеева. Можете задавать ему любые вопросы. Для человека, который два десятка лет не был на родине, это будет вполне естественно. Официально он будет числиться вашим ординарцем. У вас его, кстати, нет, а по должности положено. Через него также сможете передавать особисту дивизии письменные и устные сообщения, если не будет времени сделать это лично. У вас имеются какие-нибудь просьбы?

– Есть, и очень большая. Надо эвакуировать как можно больше людей из прифронтовой полосы. Я, конечно, понимаю, что вывезти все население будет затруднительно но, по крайней мере, надо спасти всех детей.

– Я займусь этим вопросом. Ситуация с транспортом очень тяжелая, но мы сделаем все, что только можно. Если бы мы знали, что будут вытворять фашисты на оккупированной территории, и как долго продлится война, то приложили бы больше усилий для эвакуации населения.

Отдав мне печать для запечатывания конвертов с секретными данными и, на всякий случай, маленький шифровальный блокнот с перечнем позывных и частот, капитан быстро попрощался, и поспешил к ожидавшей его «эмке». При этом он машинально похлопывал себя по карману, в котором лежала стенограмма нашего разговора.

Но мои хлопоты на этом не закончились. Проводив капитана, я начал знакомство со своим ангелом-хранителем.

Авдеев, спортивного телосложения парень, приставленный ко мне «ординарцем», попросив разрешения, тут же поменял свою форму энкавэдэшника с лейтенантским кубиком на армейскую полевую и теперь выглядел как обычный боец РККА.

– Присаживайтесь, товарищ Авдеев, – пригласил я его. – У меня к вам серьезный разговор. Как я понимаю, вам отдали приказ быть моим телохранителем. – Осторожный кивок в ответ. – А в случае угрозы взятия меня в плен, вы должны не допустить этого любыми способами. Вплоть до ликвидации секретоносителя.

– Никак нет, товарищ лейтенант госбезопасности. В случае взятия в плен я должен держаться с вами рядом и помочь вам бежать.

– Ну а если я буду тяжело ранен?

– Тогда я должен сообщить об этом в центр, чтобы за вами прислали группу.

– Очень странно. Хотя, если учесть, что немцам обо мне ничего не известно, то это выглядит вполне логичным. Ну ладно, настаивать не буду. – Легкая улыбка показала, что чекист вовсе не лишен чувства юмора. – А теперь, раз вы назначены моим ординарцем, то покажите мне, как бриться опасной бритвой. Я, знаете ли, до недавних пор пользовался услугами цирюльника.

Авдеев достал из вещмешка бритвенные принадлежности и начал меня учить пользоваться столь необходимым аксессуаром, пообещав, что через уже недельку или две я смогу бриться самостоятельно. При этом он не забыл пояснить, что слово цирюльник устарело, и его уже не употребляют.

Глава 7

21 сентября. 01.00. Ставка Верховного главного командования

На этот раз, кроме военных на совещании присутствовал нарком внутренних дел. Он, едва заметно улыбаясь, положил на стол перед Сталиным листок с разведанными, переданными Куликовым. В распечатке, предназначенной для совещания, убрали только первую строчку сообщения, в которой приводились сведения, не относящиеся к делу: «Адрес объекта – 2011. Дата завершения операции 09.05.45»

– Товарищ Берия, – обратился Верховный к наркому. – Скажите нам, эти данные полностью достоверны?

– Я полностью доверяю нашему источнику в плане преданности нашей стране, – без колебаний отчеканил нарком. – Его дезинформация иностранными спецслужбами также совершенно исключена. Что касается деталей плана, то они будут лишь незначительно отличаться от тех, что изложены здесь.

Сталин удовлетворенно кивнул и подошел к Жукову, который уже успел пробежать глазами сообщение, в котором коротко описывались планы осеннего наступления вермахта.

– Вас, товарищ Жуков, – не спеша растягивая слова, начал Главнокомандующий, сопровождая свою речь легким помахиванием своей трубкой, – мы вызвали из Ленинграда, чтобы передать вам командование Западным фронтом. Если под Ленинградом танковых сил у Германии скоро не останется, то это направление становится второстепенным, и вы теперь нужнее нам здесь. Когда вы сможете выехать в войска?

– Мне нужно два часа, чтобы ознакомиться с обстановкой, – не задумываясь, ответил генерал.

– Товарищ Берия, когда мы получим более подробные сведения по операции «Тайфун»?

– Куликов полчаса назад сообщил, что выезжает, и часа через три-четыре его уже можно ждать.

– В таком случае, вы товарищ Жуков задержитесь еще ненадолго. Я думаю, что новые сведения вам будет необходимо обсудить с товарищем Шапошниковым. Борис Михайлович, – Верховный повернулся к начальнику Генштаба, – доложите о проделанной работе.

Шапошников оторвался от огромной карты, лежащей на столе, на которой он вместе со своим замом Василевским намечал новые оборонительные позиции и, взяв указку, начал объяснять Жукову:

– Итак, танковые группы Гудериана и Геппнера перебрасываются на Московское и Орловское направления. Пока германское командование само не знает, успеют ли перевести и подготовить к наступлению всю технику, но наша разведка докладывает, что передислокация идет по графику. Мы надеемся, что бомбардировка станций Рославль, Конотоп и Шостка, которые мы запланировали на следующую ночь, затруднит подготовку к наступлению, но вряд ли сроки операции перенесут. Немцы хотят воспользоваться последними днями до начала распутицы. Мы уже телефонировали в штабы 30, 16, 43, 33 и 13-й армий, находящихся в полосе будущего наступления, дав им указание готовить новые рубежи обороны на танкоопасных направлениях. Сейчас мы обсуждаем передислокацию резервов для отражения удара. Хотелось бы выслушать ваше мнение о том, какие части можно снять с Ленинградского направления.

Ко времени прибытия капитана Куликова Жуков и Шапошников согласовали все аспекты обороны на западном направлении, но камнем преткновения стал вопрос снятия дивизий с Волховского фронта. Жуков, который ожидал продолжения наступления немцев на Ленинград, настаивал на том, что оборону города ослаблять нельзя. Шапошников же считал Московское

направление более приоритетным, тем более что танковую группу Геппнера тоже перебрасывают сюда. Поэтому первый вопрос, который задали Куликову, касался Ленинграда.

Капитан был немного смущен тем, что явился на совещание Ставки в измятой и запыленной форме. Но увидев, что Жуков выглядит точно так же, немного успокоился и начал спокойно докладывать:

– Товарищ Андреев настоятельно рекомендует начать операцию по деблокированию Ленинграда. Если это возможно, то перейти в наступление нужно в конце сентября, когда Лееб начнет перегруппировку сил.

– Мы не успеем сосредоточить войска, – мрачно возразил Жуков, – а части, находящиеся в городе, не имеют достаточного количества боеприпасов.

– В этом случае придется ждать, пока группа армий «Север» введет свои основные силы в прорыв вдоль Волхова, и ударить ей во фланг. Что касается переброски войск с Волховского фронта на Западный, то начать его можно лишь после деблокирования города. Иначе противник успеет хорошо закрепиться на южном берегу Ладожского озера, и мы очень долго не сможем его оттуда выбить. А удерживая эту позицию, немцы сравнительно небольшими силами будут сковывать всю ленинградскую группировку наших войск, тем самым препятствуя им проводить активные действия. Помимо этого, военная промышленность блокированного города не сможет работать на полную мощность.

Число погибших жителей блокадного города Куликов оглашать вслух не стал и, написав его карандашом на листке, показал только Сталину. Тот сразу вздрогнул и вопросительно посмотрел на капитана.

– Возможно, еще больше, – тихо произнес Куликов. – Это только официальные данные.

Глубоко задумавшись, Сталин неторопливо прошелся по кабинету, и только побелевшие пальцы, сжимавшие чубук трубки, выдавали волнение верховного главнокомандующего.

– Борис Михайлович, – наконец, пришел он к решению, – можете забрать только одну дивизию из 4-й армии. Например, 316-ю генерала Панфилова, и до конца октября на большее не рассчитывайте. Вполне возможно, что нам даже придется посылать подкрепления на Волховский фронт. Товарищ Куликов, зачитайте нам рекомендации нашего агента.

Доклад, в котором были опущены многие детали, предназначенные только для Верховного, капитан прочитал в полной тишине, но когда он закончил, всё снова закрутилось. Жуков сразу же отбыл в штаб Западного фронта готовить подробные планы обороны, предварительно позвонив туда и отдав некоторые распоряжения. Василевский добавлял на карту новые подробности предстоящего наступления. Шапошников спешно согласовывал с начальником тыла РККА Хрулевым планы материально-технического обеспечения предстоящих операций. Нужно было успеть к началу заседания ГКО, которое было назначено на шесть часов утра, и все очень спешили.

Сталин поморщился и, отвернувшись от присутствующих, потер глаза руками. С середины июня он почти не спал, но выспаться в ближайшие дни ему точно не придется. Сейчас перед ним на столе лежал отчет советского посла в Иране о беседе с министром иностранных дел Сохейли. Новости были нерадостными. Еще шестнадцатого числа иранское правительство обещало разорвать отношения со странами «оси», но официальное объявление о разрыве опять откладывалось на несколько дней. Это значило, что вывод из Ирана нескольких дивизий пока придется отложить.

– Товарищ майор госбезопасности, – позвал он Куликова, сразу дав понять, что его за заслуги повысили в звании, – пройдемте в другой кабинет. У вас еще много сведений, которые вы хотите мне сообщить.

* * *

Утро началось со звонка. Я стал искать ненавистный будильник, и только нащупав в темноте трубку полевого телефона, вспомнил, где и когда нахожусь.

Звонил комбат. Против обыкновения, сегодня Сергей был краток:

– Сашка, давай скорее ко мне. – И всё. Видимо, ему действительно некогда.

Гадая, что же такого могло случиться, я быстро собрался, умылся холодной водой и отправился к командиру, взяв с собой, кроме ординарца, одного сопровождающего.

Около блиндажа, носившего гордое наименование штаба батальона, толпилось на редкость много людей.

– Получай пополнение, – приветствовал меня комбат. – Каждой роте по десять человек, но из твоей недавно забрали двух водителей, так что бери себе двенадцать. И поторопись, тебе я первому предоставил право выбирать. Остальные ротные ждут, а нам еще надо обсудить план сегодняшнего наступления.

Большинство бойцов пополнения недавно вернулись из госпиталя, и лишь небольшая часть были новобранцами, правда, успевшими пройти курс молодого бойца.

Быстренько отобрав себе солдат, я передал очередь второму ротному в звании младлея, который придирчиво устроил кастинг вновь прибывшим. Ну, а у третьего ротного, Сверчкова, который был всего лишь старшиной¹¹, выбора уже не было, и он забрал себе оставшихся. Закончив с первым пунктом повестки дня, мы вошли в блиндаж штаба батальона, в котором уже находились несколько командиров, чтобы заслушать хитрые планы нашего командования.

Карта комбата, в отличие от моей, была напечатана типографским способом, хотя многие отметки были добавлены от руки. На ней было нарисовано несколько стрелок, ведущих от наших позиций в сторону железной дороги. Убедившись, что все вошли, Иванов начал зачитывать приказ:

– Нашему батальону вместе с приданными нам минометной батареей и артвзводом поставлена задача, – голос Сергея сейчас был жестким и не терпящим возражений, – переправиться через реку Западная Двина и наступать из района Фомино вдоль речки Грустенька в направлении станции «198 км». Исходные позиции для атаки – лес в 800 метрах юго-восточней станции. Здесь же находятся огневые позиции артиллерии. Задача артиллерии – подавить позиции противника в районе станции и сопровождать атаку. Готовность к атаке – 10–00. Задача пехоты – во взаимодействии с артиллерией захватить станцию и удерживать ее, обеспечивая свой левый фланг. Не допускать контратак противника с направления Сысоево.

Строго оглядев нас и убедившись, что мы прониклись сказанным, комбат продолжал уже обычным человеческим голосом:

– По данным разведки, численность противника на станции не больше полуроты, но туда могут подходить эшелоны с подкреплениями, так что расслабляться не стоит. Другие батальоны нашего полка должны будут выбить противника из Соболева, продвинуться по дороге в двух километрах справа от нас, перейти железную дорогу и овладеть селом Ключуново¹². Слева от нас части 186-й дивизии выходят на рубеж Ново-Тихвинское¹³. Как вы видите на карте, до линии железной дороги они не дойдут, и с этой стороны враг сможет нас контратаковать. Но это маловероятно. К счастью для нас, с этой стороны дорога проходит между двумя болотами, и позиция для обороны очень удобная. Вопросы есть?

¹¹ В нашей истории он к 1943 году уже стал капитаном.

¹² В настоящее время село называется Кликуново.

¹³ Сейчас Новотихвинское.

– Товарищ командир, – обратился я, – раз мы продвигаемся днем и без зенитного прикрытия, то надо все станковые МГ установить на грузовики или повозки и приготовить к стрельбе по воздушным целям.

– Сделаем, – кивнул Сергей. – А передвигаться днем без авиационного и зенитного прикрытия придется потому, что ситуация на нашем участке фронта быстро меняется, а чтобы начать наступление, нужно согласование штабов всех уровней. Да, вы же еще не в курсе. Сегодня ночью, вернее уже утром, новым командующим фронта назначен товарищ Жуков. Он позвонил нашему командарму и приказал выдвигаться на правый берег и овладеть населенными пунктами, занятыми небольшими гарнизонами противника. Командарм поставил задачу нашему комдиву, а товарищ Кончиц прибыл в штаб полка и лично объяснял нам план операции. Всё, можете идти, времени мало.

Сегодня нашей роте пришлось идти в арьергарде наступающего батальона. Впрочем, наступающего это громко сказано. По данным полковой разведки, до самой станции противника не было, и пока это был обычный переход, немногим больший, чем учебный шестикилометровый марш-бросок.

Так как мы выходили последними, то наша рота смогла спокойно позавтракать, и все бойцы наполнили фляги крепко заваренным чаем. Солдаты тщательно готовились к походу, перематывая портянки и заменяя износившуюся обувь на новые немецкие сапоги, которых у старшины было в достатке. По настоянию Авдеева и под его чутким руководством я тоже обмотал ноги портянками, за что был потом очень ему благодарен. Противогазы и лишнее снаряжение, которое могло нам не понадобиться, мы оставили. И так приходилось тащить с собой много боеприпасов.

Пока мы собирались, к переправе подошли минометная батарея и две сорокапятки, а вслед за ними наступила наша очередь. Из-за малочисленности батальона было невозможно поддерживать стандартный порядок построения походной колонны. Но это было нестрашно, так как большие болота, между которыми мы проходили, затрудняли возможность внезапного нападения противника. Поэтому я ограничился тем, что послал в тыловой дозор взвод Стрелина, и по пять человек направил в боковые дозоры.

Наше пополнение, которое я постарался набрать из опытных бойцов, комфортно расположилось на телегах с боеприпасами. После госпиталя раненые еще до конца не вылечились, и лишний раз утруждать их не стоило.

Впервые оказавшись на правом берегу реки днем, я остановился и оглянулся назад. Наши старые позиции уже кто-то занимал. У подводного моста взвод солдат уже усердно копали окопы, готовясь защищать переправу, связывающую теперь нас с большой землей.

Через час с небольшим мы добрались до Фомино, где и устроили короткий привал. Я подсел в повозку к комбату и подробно перерисовал в свою карту дальнейший участок пути, так как утром на это времени не было. Большой ручей, который здесь тек, оказался той самой речкой с грустным названием, вдоль которого нам и нужно было продвигаться.

Дальше идти стало труднее. Здесь начиналось болото, и мы перешли по хлипкому мостику на другой берег, где нам пришлось продираться через кусты и перелески. Но через пару километров лес тоже сменился болотом. Идти стало невозможно, и мы опять вернулись на левый берег. Моста здесь конечно же не было, но зато был брод, а на топких берегах саперы разложили доски и хворост, так что переправа прошла без проблем. Проблемы начались дальше, там, где густые перелески и болота поочередно сменяли друг друга. Но нам, как арьергарду, было легче всего. Идущие впереди бойцы уже натоптали в зарослях целую дорогу, а в топких местах уложили жерди и вязанки хвороста. Но все-таки мы вздохнули с облегчением, когда

отряд вышел на большую, ровную и сухую поляну, за которой находился лесок – место сосредоточивания для атаки.

Нашу немногочисленную артиллерию и минометную батарею Сергей оставил на полянке. Управлять стрельбой должны были два корректировщика, благо что наличие средств связи позволяло.

На западной стороне рощицы, которая оказалась совсем небольшой, сейчас готовили себе позиции пулеметчики и бойцы с винтовками, пришедшие сюда раньше нас. Автоматчики, которых у нас было довольно много, держались в резерве, так как дальность стрельбы у них была не больше двухсот метров.

Распределив своих бойцов, я присоединился к Иванову, рассматривающему в бинокль расположение противника. Станция была совсем крошечной. Всего лишь несколько деревянных строений и стоящий отдельно большой сарай, явно выстроенный недавно, так как доски еще не успели потемнеть. Цепочка людей в порванной советской форме передавала в этот сарай ящики, сгружаемые из стоящего на станции эшелона. Вокруг них ходило десятка два немцев с карабинами и, возможно, столько же находилось в зданиях.

Перед началом атаки комбат отправил один взвод, усиленный пулеметами, через насыпь, чтобы прикрывать нас с северной стороны. Естественно, это не осталось незамеченным, но мы на это и не рассчитывали. Едва только часовые подняли тревогу, как батальон сразу же открыл огонь.

После первых выстрелов немцы торопливо начали выскакивать из всех строений. Как нам и обещали, их оказалось около пятидесяти человек. В принципе, такого количества солдат вполне достаточно для организации прочной обороны. Но повели себя фрицы довольно странно. Вместо того чтобы спрятаться среди домов, солдаты дружно побежали нам навстречу и залегли только метров через двести. Не иначе в вагонах находилось нечто взрывоопасное, и фашисты старались держаться оттуда подальше.

Несмотря на сильнейший пулеметный огонь, косивший ряды фрицев, они и не думали отступать. Но как только раздались хлопки минометных мин и взрывы небольших снарядиков наших сорокапятков, почти все враги, оставшиеся в живых, встали и подняли руки. Человек пять рванули к железной дороге и успели перелезть на другую сторону. Но там их ждало три пулемета, стрелявших вдоль насыпи, так что шансов добежать до ближайших зарослей у них почти не было.

Сергей пока не спешил отдавать команду выходить из рощи. Он внимательно оглядывал окрестности станции, так как там мог спрятаться вражеский пулеметчик. Но вот началось какое-то движение. Присмотревшись, я разглядел в бинокль, что несколько наших пленных солдат подобрали трофейные винтовки и теперь сгоняли немцев в кучу, не забывая при этом собирать брошенное теми оружие.

Убедившись, что опасности нет, комбат послал наших автоматчиков на зачистку местности. Вскоре всех обезоруженных фрицев уложили на землю, а бывших пленных вытащили из закоулков, куда они попрятались во время боя, и собрали на площади. Оглядев собранную толпу численностью человек в восемьдесят, иначе и не назовешь это сборище оборванных и изможденных людей, Иванов поручил мне разобраться с ними, а сам с недовольным видом побежал подсчитывать трофеи и немногочисленных пленных. К хорошему быстро привыкаешь, и то, что еще неделю назад он назвал бы большой удачей, теперь было незначительным успехом.

Пока Стрелин и Свиридов строили освобожденных красноармейцев в какое-то подобие строя, я предвкушал, как пополню свою роту тремя десятками опытных бойцов, причем выберу себе самых лучших. Наконец все построились и рассчитались, а я на секунду задумался, как же к ним обратиться:

– Сводная рота из бывших военнопленных, – наконец осенило меня, – слушай мою команду. Смирно! Командирам выйти из строя.

Человек шесть подошли ко мне. Хотя они и старались держать строевой шаг, но все шестеро прихрамывали или слегка пошатывались. Видимо, пребывание в плену не было похоже на курорт. Офицеров среди них не оказалось, только один старшина и пять человек сержантского состава. Ну ладно, лучше, чем ничего, попробовал я себя утешить, но блиц-опрос сержантов сильно понизил мое настроение. Только два человека служили ранее в боевых частях, о чем сразу можно было догадаться, так как они держали в руках трофейное оружие, подобранное во время боя, а остальные были тыловиками. Еще хуже то, что из двух боевых командиров один носил сразу несколько повязок из покрытой бурыми пятнами материи неизвестного происхождения. Второй хоть и не был перебинтован, но зато весь покрыт ссадинами и сильно прихрамывает. Видимо, перед взятием в плен, ребята действительно сражались до последнего, в отличие от тыловиков, всегда составляющих большую часть пленных.

Не знаю, почему всем попаданцам так везет освобождать из плена красноармейцев и командиров, имеющих боевой опыт. В реальной жизни, в случае окружения, солдаты из боевых частей всегда несли значительные потери убитыми и ранеными. Причем все тяжелораненые добивались немцами или же без медицинской помощи быстро умирали.

После сортировки новых бойцов мое настроение упало еще сильнее. Лишь человек двадцать бывали на передовой, и почти все они легко ранены. Из последних сил удерживая в руках ускользающее счастье в виде заветного пополнения моей роты, я с пылом произнес перед строем речь о том, как мы бьем фашистских гадов и будем бить их дальше. Со снизошедшим на меня вдохновением я описывал толпы бредущих на восток понурых немцев, взятых нами в плен, и горы фашистских трупов, оставленных нашей ротой на своем пути. Живописал все ужасы, которым подвергается население на оккупированных территориях. Призывал отомстить за погибших товарищей. В конце я честно признался, что мобилизация советских войск еще не закончена, и осенью немцы из последних сил предпримут отчаянную попытку наступления на Москву. И только после этого мы уже будем гнать их до самого Берлина.

Когда я попросил выйти добровольцев, желающих служить в нашем доблестном батальоне, почти все вышли вперед. Осталось чуть больше десятка человек, которые и в самом деле выглядели так, что их как можно скорее нужно было везти в госпиталь. Не знаю, что больше действовало: моя «вдохновенная» речь, желание отомстить за гибель друзей и за все страдания, которые они претерпели в плену, или просто нежелание попасть в лапы энкаведэшников в фильтрационном лагере, через который должны проходить бывшие военнопленные.

Военфельдшер, командир нашего медвзвода, уже погрузил всех немцев, раненных во время обстрела, в грузовик и в сопровождении санитаров принялся осматривать наших новичков. После выбраковки по состоянию здоровья он разрешил оставить только человек шестьдесят, а остальных потребовал отправить в медсанбат. Ну, и то хлеб.

Разделив бойцов на три неравные группы, я передал две из них, которые поменьше, в распоряжение комбата, а оставшихся распределил по своим взводам. Теперь в роте насчитывалось семьдесят пять человек – примерно половина штатной численности.

Комиссованные по здоровью бойцы стояли в сторонке, ожидая отправки в тыл, и винтовато смотрели на нас. Один из них о чем-то спорил с военфельдшером, размахивая руками. Потом, развернувшись, он решительно направился в мою сторону. Это был тот самый забинтованный сержант, только повязки у него теперь стали белые и чистые. Его фамилию я запомнил – Михеев.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите присоединиться к вашей роте. У меня все ранения легкие, и я не стану для вас обузой.

– Вам бы, товарищ младший сержант, немножко в госпитале подлечиться, – неуверенно посоветовал я.

– Вы в наступление идете, а я буду в тылу отсиживаться? У вас, тащ старший лейтенант, в роте личного состава прибавилось, а сержантов мало.

– Надо же, какой вы наблюдательный. Ладно, оставайтесь, – сдался я. – Займетесь хозяйством, а то мой старшина и взводом командует, и меня замещает, а на вещевое имущество времени не остается.

Закончив составлять список новичков, я отправился искать комбата, чтобы узнать, нужно ли нам готовить оборонительные позиции. Узкий перешеек между болотами к западу от станции, который нам надо было защищать, уже был перекопан линией траншей, скорее всего, оставшейся здесь с августа, когда 22-й армии приходилось отступать. Места в них хватило бы только на одну роту, и кто из нас где должен располагаться, я не знал. Найти командира мне удалось без труда по громкому голосу, шумевшему на всю округу. Иванов сидел за рацией и вел переговоры с дивизионным штабом. Связь была не очень хорошая, и Сергею приходилось кричать так, что в штабе его, наверно, могли услышать и без рации. Закончив сеанс связи, комбат с раздражением бросил наушники и повернулся ко мне.

– У меня новости, – буркнул он.

– Что, одна хорошая, а другая плохая? Тогда начинай с хорошей.

– Хорошей нет. Нам приказано оборонять станцию до утра, а здесь находится эшелон с боеприпасами, и все склады забиты ящиками со снарядами. Отправить эшелон в Андреаполь мы не можем, так как дорога туда все еще блокирована немцами.

– Вот, значит, как, – я задумчиво почесал лоб, но решить проблему это не помогло. – Один артобстрел или авианалет, и взрыв будет слышно в Москве.

Сергей кинул на меня сердитый взгляд и едва не зашипел. Ему сейчас явно было не до шуток.

– Ладно, давай лучше подсчитаем, – примирительно предложил я, – сколько грузовиков и подвод нам смогут выделить.

Навскидку получалось, что до следующего утра мы все это добро вывезти за реку не успеваем. Да, это вам не «задача коммивояжера». Если мы не успеем, то весь батальон может запросто погибнуть в полном составе. Конечно, остается вариант благоразумно пересидеть авианалет в кустах, а потом вернуться сюда на развалины станции. Но боеприпасы очень нужны нашей армии, они смогут сохранить жизни многих солдат. Да и железная дорога необходима для быстрого снабжения наших войск, наступающих в сторону Торопца.

– Вот что, Сергей, – решил предложить я компромиссный вариант. – Нам главное сосредоточить боеприпасы в разных местах и подальше от станции, иначе от батальона ничего не останется. Пусть все машины займутся вывозом боеприпасов к нам в тыл, а подводы мы задействуем для перевозки и складирования снарядов в лесу, откуда мы атаковали. Рассредоточь все трофейные станковые пулеметы вокруг станции для ведения зенитного огня. Можно добавить к ним несколько хороших пулеметчиков с ручниками. Выставь посты с биноклями наблюдать за небом по всем направлениям. После того как транспорт нагрузим, и он уйдет в первый рейс, всем быстро копать. Нужно использовать все имеющиеся в округе ямы, воронки и прочие углубления в земле. Нам надо не сплошную линию обороны сооружать, а всего лишь выкопать щели и укрытия от обстрела. А я пока возьму один взвод и кое-что приготовлю.

– Я здесь, товарищ командир. – Оказывается, Стрелин все это время стоял у меня за спиной, в ожидании дальнейших распоряжений.

– Значит так, сержант. Сейчас собираем ветошь, хворост и вообще все, что горит. Еще берем все ведра, какие найдем на станции, и вычерпываем бензин и солярку вон из тех цистерн. Ветер сейчас постоянный и дует с северо-запада. Поэтому наветренная сторона будет за железнодорожной насыпью. Ваша задача – приготовить костры так, чтобы они легко разгорались и сильно дымили.

Получив инструкции, Стрелин погнал своих бойцов собирать горючие материалы, а мы со старшиной распределяли фронт погрузочных работ между остальными отделениями. Две роты нашего батальона разгружали эшелон, а нам достались склады, если так можно назвать возведенные на скорую руку сооружения. Эта маленькая станция была самой ближней к линии фронта, поэтому здесь немцы устроили промежуточное хранилище боеприпасов, которые сгружались с поездов на маленькой ветке, где сейчас и стоял эшелон. Правда, здесь поблизости не имелось нормальной дороги, но пока в сентябре стояла сухая погода, грузовики без проблем могли сюда добираться. Поэтому немецкое командование предпочитало разгружать составы здесь, а не на следующей станции Сысоево, дорога к которой хотя и хорошая, но делает лишний крюк километров в пятнадцать.

Чтобы не таскать лишний раз тяжелые ящики, мы просто разобрали одну из стенок склада, сделанную чуть ли не из фанеры. Теперь грузовик просто въезжал сюда задним ходом, и ящики сразу ставили в кузов, что значительно ускоряло погрузку. Чтобы солдаты не мешали друг другу в тесном помещении, я отослал половину из них копать укрытия. Оставшихся было достаточно, чтобы быстро загрузить весь выделенный нам транспорт.

Неожиданно громкие крики, доносившиеся с улицы, заставили всех схватиться за оружие, сложенное вдоль стен. Приказав не прекращать работу, я выскочил посмотреть, в чем дело. Оказывается, в одном из вагонов вместо снарядов находились ящики с консервами и другой едой. С самого утра бойцы еще ничего не ели и поэтому просили разрешения перекусить, мотивируя это тем, что тогда у них прибавится сил для работы. Естественно, Иванов вместе со вторым ротным матюками разогнали всех особо голодных, популярно объяснив, что сначала надо загрузить все повозки, а уже потом отдыхать, иначе ужинать придется на том свете. Получив исчерпывающее разъяснение, бойцы послушно продолжили погрузку с удвоенными силами.

Загрузившись, машины медленно поехали среди болот на юг вдоль Грустеньки. В каждом грузовике, кроме водителя, находилось еще двое бойцов с лопатами и топорами, но все равно автомобили преодолевали четыре километра чуть ли не полчаса. После этого начиналась дорога, ведущая на северо-восток. Но она проходила через Соболево, откуда немцев до конца не выбили, поэтому еще четыре километра до нашей переправы приходилось преодолевать по едва наезженной колее грунтовок. Вместе с разгрузкой на дорогу уходило не меньше двух часов, но это не значило, что все это время нам приходилось скучать. Помимо копания щелей и сооружения гигантских костров бойцы нагружали повозки снарядами, которые потом приходилось сгружать в небольшом лесочке, примерно в километре отсюда.

Время шло, но пока все было тихо. Машины уже сделали по два рейса, и я уже всерьез начал надеяться, что все обойдется, как вдруг раздался резкий крик наблюдателя:

– Воздух!

Со стороны солнца на нас заходило несколько черных точек. Они еще были далеко, и разглядеть, что это такое, без бинокля было невозможно. Случайно ли так получилось, или опытные пилоты специально выбирали время для бомбежки, но солнце сейчас стояло на юго-западе, то есть точно над железной дорогой. Таким образом, фашистские летчики убивали сразу двух зайцев: Во-первых, они летели над рельсами, и с таким ориентиром гарантированно не могли пройти мимо цели. Во-вторых, самолеты шли на нас от солнца, что не позволяло наблюдателям вовремя их обнаружить, а зенитчикам мешало стрелять.

Все бросились по укрытиям, а я помчался через насыпь к Стрелину, который уже разжигал костры. Политые соляркой дрова, тряпки и охапки сырых листьев, разложенные вдоль железной дороги, быстро разгорелись и сильно дымили. Клубы дыма относил ветром в сторону станции, прикрывая эшелон от глаз вражеских пилотов. Еще несколько минут, и поезд нельзя будет разглядеть, но в уши уже ударил вой сирены, сопровождающий атаку первого «лаптежника». Навстречу ему торопливо потянулись нити трассирующих пуль. Но вместо того

чтобы поставить непроницаемую завесу *перед* самолетом, большинство пулеметчиков пытались попасть прямо в цель, что было почти невозможно. В двух словах объяснив Стрелину, куда ему нужно бежать, я со всех ног помчался к дальнему концу станции, где в маленьком окопе стояло два станковых МГ других рот нашего батальона, изготовленных для зенитной стрельбы. Тем временем сержант побегал к другой огневой позиции. Он присутствовал на тренировках наших пулеметчиков, когда я объяснял принцип заградительного зенитного огня, и знал, что делать.

Но вот к вою сирены еще добавился противный свист падающей бомбы. Ноги опередили скорость мысли, и я с размаху плюхнулся лицом в траву, закрыв уши руками. Я еще не успел осознать, почему лежу, а не бегу, как землю трянуло, и грохот проникнул в уши даже сквозь прижатые ладони.

Так как вой и свист прекратились, то я рывком поднялся и продолжил кросс, думая только о том, чтобы успеть добежать до захода следующего стервятника. Упав с разбегу в окопчик пулеметных расчетов, я стал орать, надеясь, что бойцы не совсем оглохли от близкого взрыва бомбы.

– Не кричите так, товарищ командир, мы хорошо слышим. Бомба вон аж где рванула.

– Ну раз так, – немного успокоился я, – то слушайте мою команду. Не пытайтесь попасть в самолет, он пикирует слишком быстро. Ведите заградительный огонь, как мои пулеметчики.

Покивав, бойцы согласились, что так больше шансов если не попасть, то хотя бы испугать вражеского пилота и заставить его сойти с боевого курса. Конечно, расход патронов в этом случае высокий, но экономить нам никакого смысла не было.

Тем временем наблюдатель, внимательно следивший в бинокль за самолетами, объявил о новом заходе. Увидев дым, пилоты «юнкеров» сделали круг, чтобы лучше разглядеть объект атаки, а теперь возвращались на второй заход. Теперь солнце уже было на нашей стороне, и в прямом, и переносном смысле. Всего бомберов я насчитал семь штук, и, скорее всего, это была наша знакомая эскадрилья.

Пока немцы разворачивались, эшелон еще сильнее накрыло клубами дыма, но они все-таки решили бомбить. Но я не зря предложил разместить все пулеметные гнезда по периметру станции, и теперь дым почти не мешал пулеметчикам целиться.

Теперь дело пошло веселее. Увидев тянущиеся вверх линии трассеров, скрестившиеся прямо у них на пути, пилоты предпочитали сойти с боевого курса или сбросить бомбы раньше. То, что объект атаки было плохо виден, являлось для них прекрасным оправданием. И действительно, два самых стойких самолета, без колебаний прошедших через огневую завесу, не смогли поразить цель. Судя по взметнувшимся к небу столбам земли, бомбы упали не ближе чем в пятидесяти метрах от вагонов. Последний самолет не стал пикировать на станцию, а догадался отбомбиться по повозкам, которые стояли на полпути к лесочку. Вот тут летчик показал высший класс. Имея хорошо видимую цель без зенитного прикрытия, он с большой точностью высыпал на нее горсть небольших бомб, со всех сторон накрывших повозку фонтанами взрывов, которые тут же перекрыл огромный черный столб от детонировавших снарядов. Я поневоле глубже забился в окоп, но тут же вспомнил о своих обязанностях.

– Наблюдатель, доложите обстановку.

Боец с биноклем, хладнокровно продолжающий следить за улетающими «юнкерами», тут же отозвался:

– Самолеты уходят. Два подбито. Вижу шлейфы дыма, тянущиеся от двигателей.

И действительно, эскадрилья шла вразнобой, и за двумя отставшими «лаптежниками», шедшими со снижением, виднелись черные полосы дыма.

Напомнив пулеметчикам поменять стволы на трофейных МГ, предварительно надев асбестовые перчатки, я поспешил к своим. Пожарники, как я мысленно окрестил взвод Стрелина, по аналогии с пожарниками из «451 градус по Фаренгейту» Брэбери, успели попря-

таться до начала бомбардировки и отделались царапинами, которые в военное время за ранения не считались. Они уже вовсю бегали, запасаясь новыми горючими материалами. Я уже успел сильно пожалеть, что мы не захватили противогазы, сейчас бы онигодились ребятам.

Пострадавших во всем батальоне насчитывалось не очень много. Единственной серьезной потерей стала гибель шести солдат из числа недавно освобожденных пленных. Тыловики, никогда раньше не копавшие окопов, они решили схалтурить и выбрали большую воронку слишком близко от станции. В результате от близкого взрыва двое из них погибли на месте, а четверо были так тяжело ранены, что их могли даже не довести до медсанбата.

Остальные бойцы отсиделись в надежных укрытиях, которые они успели выкопать, а теперь, в ожидании грузовиков, углубляли с удвоенной скоростью.

Окончательно я перестал волноваться, когда увидел нашего коновода Семенова, идущего между двумя упряжками и подгонявшего по очереди лошадок то слева, то справа. На вопросы бойцов, кто погиб от бомбы, он всех успокоил:

– Да все живы. Там на телеге парнишка молодой был. Как самолеты налетели, он дурак сначала лошадей стал распрягать, а уже потом с ними к лесу побежал. Но все-таки успел. Зря рисковал, надо было коней оставить.

– А вы не оставили?

– Казак лошадь никогда не бросит, – обиделся Семенов. – Я постромки по-быстрому обрезал и с ними к овражку.

И действительно, на одной из упряжек кожаные ремешки упряжки были завязаны узелками. Пока бойцы загружали телегу, Семенов объяснил, что один из погонщиков подвернул ногу, спеша в укрытие, и теперь ему приходится управлять сразу двумя повозками.

Радостная эйфория, овладевшая всеми нами после отражения авианалета, еще сильнее возросла после прибытия зенитной 37-миллиметровой пушки. Младший лейтенант Максимов – командир орудийного расчета тут же раскритиковал расположение наших зенитных пулеметов. Он посоветовал разместить все средства ПВО вместе, для упрощения командования ими. Естественно, комбат согласился, что при наличии опытного командира-зенитчика, способного правильно оценить параметры полета воздушной цели, так будет правильнее.

К моему удивлению, место для расположения зенитных расчетов младлей выбрал метрах в двухстах к западу от насыпи, за позициями «пожарников». Я тонко намекнул, что «лаптежники» будут выходить на цель вдоль железной дороги, и размещение средств ПВО на этой же линии упростит прицеливание.

– Немцам тоже упростит, – разъяснил мне артиллерист азы зенитной стрельбы. – А так мы сразу заметим, если бомберы начнут пикировать на нас, и успеем укрыться. К тому же рассеивание бомб сильнее в продольном направлении бомбометания. Расположись мы у насыпи рядом со станцией, и нам могут достаться шальные осколки. А далеко пулеметы ставить нельзя, а то от них толку не будет.

Так как пехота уже успела вырыть себе окопчики, то комбат отрядил полсотни человек готовить позиции зенитчикам. По мнению Максимова, немцы постараются повторить налет как можно раньше. И действительно, прошло только полтора часа, как потрепанная эскадрилья «юнкерсов» вернулась обратно. На этот раз к крику «Воздух» наблюдатели еще добавили радостные возгласы:

– Шесть, их только шесть осталось!

– Ну надо же, – удивился Максимов, – видать, вы действительно одного хорошенько зацепили.

Сергею очень хотелось посмотреть, как нужно правильно руководить огнем по самолетам, но я скорее потащил его подальше от зенитных позиций, напоминая, что они скоро станут приоритетной мишенью для бомберов.

Команда Стрелина уже разожгла цепочку костров, от которых поднимались густые клубы черного дыма, и моего контроля там не требовалось. Хотя ветер сменил направление и относил дым немного в сторону, но с этим мы ничего поделать уже не могли. Поэтому, проследив, что мой командир укрылся в глубоком окопе, я быстро спрятался в другом – нельзя допустить, чтобы случайная бомба убила сразу двух командиров в батальоне.

Высовываться из укрытия лишний раз не стоило, но пока не было слышно свиста падающих бомб, я успел посмотреть на работу зенитчиков. Заградительный заслон из десятка пулеметных трассеров, к которым иногда присоединялся оружейный, был поставлен отлично, так что я спокойно уселся на дне глубокой щели и, закрыв уши рукам, стал дожидаться взрывов бомб. Как только вой сирены затихал, я снова осторожно выглядывал, чтобы посмотреть на результаты стрельбы.

Появление скорострельного зенитного орудия не осталось незамеченным немецкими пилотами, и «лаптежники» стали выходить из пике раньше, стараясь уйти от обстрела. Уже после боя Максимов пояснил мне, что первые два самолета отбомбились метров с восьмисот, не дойдя до завесы заградительного огня. В результате получилось ни вашим, ни нашим – «юнкерсы» ушли неповрежденные, но и бомбы не достигли цели. А вот следующие пилоты решили идти до конца. Не знаю, что ими руководило. То ли они разглядели, что зенитка всего одна, то ли боялись, что их опять пошлют на эту цель, если они не закончат с ней сейчас, но самолеты отважно проходили сквозь тянущиеся к ним с земли пулеметные трассы.

Вообще-то говоря, 37-миллиметровая зенитка меня немного разочаровала. По меркам двадцать первого века ее скорострельность два выстрела в секунду была совершенно недостаточной для стрельбы по воздушным целям. Тем сильнее было мое удивление, когда снаряд все-таки попал в самолет. Четвертому «лаптежнику» сначала повезло. Он начал пикировать в тот момент, когда заряжающий слишком поторопился вставить обойму в магазин, и из-за перекоса патрона стрельба остановилась. Пока орудие торопливо перезаряжали, пилот «юнкерса» сбросил бомбы точно на нужной высоте и стал выходить из пикирования, когда очередь зенитки все-таки достала его. Я увидел, как посланный вдогонку снаряд задел крыло, от которого взрывом сразу же оторвало больше половины обшивки. Самолет тут же беспорядочно закувыркался. От перегрузок, превышающих предельно допустимые для конструкции, от него начали отваливаться куски обшивки, и дальше «лаптежник» падал подобно комете, сопровождаемой роем мелких метеоритов. Само падение я уже не видел, так как поспешил спрятаться от очередного взрыва бомбы. Но снова высунувшись из укрытия, успел застать красивую вспышку, поставившую конец карьере очередного аса люфтваффе.

Несмотря на гибель товарищей, следующие пилоты продолжали заходить на цель, не сворачивая с боевого курса, и их усилия, в конце концов, были вознаграждены. Ветер продолжал относить нашу дымовую завесу в сторону, открывая вагоны, которые теперь стали отличной мишенью. В отличие от первых самолетов, несших большие бомбы, последние высыпали россыпь пятидесятикилограммовых фугасок, и несколько из них легли рядом с эшелоном, в щепки разметав вагоны и раскидав колесные пары на несколько метров в сторону.

Результаты налета оказались не такими плохими, как, наверно, доложили своему командованию вражеские пилоты. Снарядов в поезде почти не оставалось, и единственной значимой потерей стало продовольствие, выгружать которое мы собирались в последнюю очередь. Множество консервных банок разной степени помятости разлетелось по окрестностям, и теперь бойцы собирали их, отсортировывая по степени повреждения.

Пробитых банок, не подлежащих дальнейшему хранению, набралось несколько тысяч. Зимой мы могли бы просто спрятать их под снегом, но сейчас, в разгар бабьего лета, было слишком тепло, чтобы долго хранить продукты. Поэтому Иванов поставил батальону боевую задачу до вечера спасти продовольствие от порчи злостными микроорганизмами. Честно говоря, это задание стало для нас непосильным. Даже освобожденные из плена, с жадностью

набросившиеся на еду, постепенно наелись и уже не могли проглотить ни кусочка. Пришлось воззвать к сознательности и солидарности соседние батальоны, куда мы отправили несколько повозок, груженных съедобными трофеями.

Хотя до вечера было еще далеко, но командир разрешил батальону отдыхать и не перегружать в машины боеприпасы, спрятанные в роще. После трудного дня, закончившегося сбором «подарков» и пирушкой, все кроме часовых улеглись в окопчиках и задремали.

Но, оказалось, день для нас еще не закончился.

Глава 8

21 сентября. Вечер

Мой честно заслуженный отдых прервал приезд целой делегации, прибывшей на нескольких машинах. Из моего трофейного псевдовнедорожника вышел командир полка, который, выслушав короткий доклад комбата, вместе с ним направился в мою сторону, оставив всех сопровождающих у машины.

– Товарищ Соколов, командир дивизии попросил кое-что у вас спросить, – сразу начал он, разворачивая карту. – Вот линия фронта на текущий момент. Как видите, южнее Андреаполя со стороны немцев почти никаких частей нет. Каково ваше мнение, что предпримет командование германского корпуса?

– Полагаю, что смыкать фланги двух дивизий, стоящих сейчас напротив городов Андреаполя и Западная Двина, смысла нет. Слишком растянутые порядки войск мы без труда сможем прорвать. Оставлять большую дыру в линии фронта тоже нельзя. Поэтому оптимальным с точки зрения и командира 23-го корпуса, и командования всей группы армий «Центр», будет приказ для 251-й дивизии отходить на юг. Таким образом, у фон Бока исчезнет брешь в войсках. А то, что огромный промежуток теперь появится между группами армий «Центр» и «Север», его не сильно волнует. Возможно даже, что три оставшиеся дивизии уплотнят построение и даже развернутся к северу, чтобы лучше защитить левый фланг всей группы армий. В этом случае разрыв еще сильнее увеличится.

Выслушав мою тираду, комполка довольно покивал:

– Командующий того же мнения. Видно, не зря вы долго жили *там*, изучая вероятного противника. Если немцы так и поступят, как вы полагаете, то они выступят этой же ночью, ведь завтра мы можем отрезать им все пути к отступлению. Теперь смотрите, товарищ Иванов. Самый короткий путь для отступления фашистов ведет через Сысоево. Пойдут ли они по хорошей дороге в двух километрах отсюда или же по проселочной, до которой чуть больше километра, но в любом случае мы сможем обстреливать колонну из орудий и даже минометов. Именно поэтому наши части, занявшие Клюкуново и Ново-Тихвинское, не продвигаются дальше. Мы хотим застать противника врасплох во время марша и атаковать его. Для этого сюда пришлют дивизион гаубиц и батарею трофейных орудий. Поэтому я вам и приказал оставить в этой роще боеприпасы. К двум гаубицам, которые захватили вы, уже прибавилось еще три штуки, и у нас теперь имеется полноценная 105-миллиметровая батарея.

– Хорошо, если немцы пойдут здесь, – задумчиво произнес Сергей, – но на их месте я бы выбрал длинный обходной путь.

– В этом случае 186-я дивизия, которая расположена слева от нас, пройдет вперед и попытается блокировать вот этот перекресток дорог, создав там пробку. Ваш батальон сейчас находится в самом центре болот, и посылать вас куда-нибудь ночью смысла нет. Вместо этого мы отправим разведчиков с рацией, и они смогут корректировать огонь гаубиц. Вот только, к сожалению, минометы и трофейные 75-миллиметровые пушки так далеко не стреляют.

– А куда мы пошлем корректировщиков? – поинтересовался я. – Если они расположатся близко от дороги, то их нужно будет прикрывать.

– Да, к сожалению, местность здесь низинная, холмов почти нет. Поэтому, чтобы получить хороший обзор, им придется подойти к дороге хотя бы на километр.

– Если по дороге будет проходить целая дивизия, – опять вмешался я, – то для прикрытия корректировщиков надо выделить не меньше роты.

– Ясно, – сразу уловил мою мысль Сергей, – твоя рота самая большая, самая опытная, и лучше всех вооружена. В общем, опять идти тебе.

Капитан задумчиво посмотрел на нас, но возражать не стал. Подозвав двух офицеров-артиллеристов, ожидавших у машины, одним из которых оказался мой знакомый Гусев, он стал обсуждать с ними возможные маршруты движения и пути отхода. Окончательный вариант выглядел так: сначала вдоль железной дороги на запад до пересечения речки Шамара. Перейдя речушку по железнодорожному полотну, сразу поворачиваем на север. Потом пересекаем грунтовку, проходим еще километр и останавливаемся в лесу примерно посередине между двумя дорогами. С собой у нас будет две рации. Получив сообщение о том, каким путем движется колонна, мы подберемся к ней поближе и начнем корректировать огонь артиллерии.

Времени до темноты оставалось немного, и я начал собирать бойцов. Нам нужно было успеть проверить оружие и пополнить боеприпасы. С десятков человек, у которых еще не до конца зажили легкие ранения, я оставил. Если нам придется в темпе убегать, они могут стать для отряда обузой. Станок для пулемета тоже решили не брать. Таскать его ночью по лесам и болотам довольно затруднительно. Несмотря на протесты солдат, каждому пришлось взять несколько банок консервов и сухари. Хотя все дружно уверяли меня, что по крайней мере еще сутки не захотят есть, но кто знает, когда мы вернемся. Могут же немцы заблокировать нас в лесу на несколько дней.

Пока все перематывали портянки, а старшина лично проверял снаряжение у каждого бойца, я отправился к артиллеристам кое-что уточнить. Больше всего меня беспокоила связь. Если придется также громко орать, как при работе на нашей новой батальонной рации, то ночью немцы услышат нас издалека. Выслушав мои опасения, Гусев с гордостью продемонстрировал небольшую трофейную радиостанцию Torn.Fu.d2, которую можно было удобно переносить на спине. Как он пояснил, это название как раз и означает сокращение от слова Tornister – «рюкзак». К ней уже успели приклеить несколько бумажек с переведенными названиями ручек настройки. По очереди с подросевшим Сергеем мы надевали наушники и проверяли качество связи. Слышимость действительно была отличная, как будто говоришь по телефону с соседним кабинетом. Правда, дивизион, с которым мы переговаривались, находился меньше, чем в километре от нас. Но все-таки было чем восхищаться.

– Вот всегда так, – сокрушался комбат, – одни добывают трофеи, а другие ими пользуются.

Я был с ним полностью согласен. Если трофейное оружие, бинокли и продовольствие нам оставляли, то за радиостанциями тут же выстраивалась целая очередь тех, кому они были нужнее.

– Ничего, с нашими темпами скоро в каждой роте такая игрушка будет, – пообещал я. – Да и зачем тебе маленькая рация. Несolidно для командира батальона. Вот твою 5-АК приходится на повозке возить, и сразу видно, что ее обладатель большой человек. Ведь она только командирам полка положена.

Восторженный осмотр чуда враждебной техники на службе у социализма прервал запыхавшийся Михеев.

– Товарищи командиры, разрешите обратиться, – и, не дождавшись ответа, сержант сразу продолжил: – Там особист приехал и требует всех бывших пленных отправить в фильтрационный лагерь.

– Лейтенант Танин? – удивился Сергей. – Мы его поставили в известность, и он не возражал.

– Никак нет, там капитан НКВД Соловьев, говорит, что он к начальнику особого отдела дивизии.

– Странно, не знаю такого, – нахмурился комбат. – И чем же он мотивировал свое требование?

– Да уж материл он так, как ни один боцман материть не умеет.

– Ах, он еще и ругается на моих подчиненных? Так, сейчас с ним разберемся. – Сергей сжал кулаки, и было видно, что в этот момент с ним лучше не связываться. – На прежнего особиста дивизии все жаловались, что он на подчиненных кричит, но вот это уже ни в какие рамки не вписывается.

Капитан-особист, так напугавший нашего сержанта, уже шел к нам в сопровождении двух автоматчиков. Было видно, что он тоже собрался рвать и метать. И действительно, еще метрах в тридцати от нас энкавэдэшник заорал так, что все вокруг тут же притихли.

– Это кто, мать... бип... бип... бип... разрешил? Да я этого... бип... сейчас бип... бип... и бип-бип-бип через бип-бип. Кто тут командир этого... бип-бип... батальона?

– Старший лейтенант Иванов, – ледяным голосом представился комбат. – Предъявите ваши документы.

– Да я... бип... тебя самого... бип-бип... с этими документами, – не совсем по уставу ответил особист, но все-таки достал удостоверение, так как все ближайшие красноармейцы по знаку комбата уже подняли оружие и взяли прищельцев на мушку.

Сергей покрутил документ, потер скрепки, внимательно рассмотрел печать, и когда Соловьев уже начал нервничать, вернул обратно.

– Прошу, товарищ капитан. Сами понимаете, вокруг диверсантов полно, а о вашем назначении нас не предупредили. Да и звание у вас, скажем так, не очень соответствует этой должности. Ваши предшественники были капитанами госбезопасности. Так что вы хотели мне сказать?

Особист уже не ругался, и смотрел только на меня.

– Старший лейтенант Соколов, – представился я. – По *моей* инициативе бывшие пленные зачислены в состав батальона, и им предоставлена возможность кровью искупить свою вину. Моя рота скоро отправляется на выполнение боевого задания, и попрошу нас не задерживать.

– Списки составлены, товарищ старший лейтенант? – уже совершенно нормальным тоном спросил капитан.

– Так точно. Товарищ Иванов, предоставьте, пожалуйста, начальнику особого отдела списки пополнения, ему необходимо их проверить. Много времени это не займет. У вас, товарищ капитан, есть пятнадцать минут, чтобы переговорить с моими бойцами, а потом мы выступаем.

Забрав у комбата листки с перечнем фамилий и званий бывших пленных, мы спокойно направились к моим бойцам, уже готовым к походу. Автоматчики, повинаясь взмаху руки, отстали от своего командира метров на двадцать, так что теперь нам можно было спокойно поговорить. Я не начинал первым, так как не знал, какой тон выбрать для разговора. Формально звания у нас были одинаковые, так как капитан НКВД официально равен лейтенанту ГУГБ НКВД, но должность у него была намного выше моей. Однако то, что его специально прислали сюда, чтобы работать у меня на побегушках, автоматически ставило Соловьева в подчиненное положение.

– Товарищ лейтенант госбезопасности, – наконец не выдержал особист, – я же из-за вас так стараюсь. Среди пленных могут быть предатели и шпионы. Их нужно хорошенько проверить.

– А вы, товарищ капитан, наверно, недавно на флоте служили?

– Так точно, недавно с Балтфлота.

Значит, не ошибся Михеев, правильно сравнил его с боцманом.

– Тогда вы знаете, что моряки своих никогда не оставляют. Почему вы думаете, что у нас будет по-другому? Если докажете вину кого-нибудь из них, тогда пожалуйста, отправляйте под трибунал, но в фильтрационный лагерь я никого не отпускаю.

– Как скажете, но что касается наличия шпионов, то это вполне вероятно. Посмотрите на карте, – предложил Соловьев. – У немцев на фронте огромный разрыв, уничтожена целая

дивизия. Советские войска вот-вот могут перейти в наступление. А что делают немцы? Вместо того чтобы разгрузить состав в тылу, они подгоняют его чуть ли не к передовой и посылают туда военнопленных.

– Германское командование спешило подвезти боеприпасы, чтобы остановить наше наступление. А пленных они часто используют, тем более что в этом районе людей у них почти не осталось.

– Ну не знаю, но факт в том, что существовала очень высокая вероятность захвата станции. Немецкие спецслужбы могли попробовать закинуть удочку и подсунуть к пленным несколько своих агентов. Как я заметил, там собрались люди из разных частей, и даже из разных армий. Друг друга мало кто знает. Так что условия для шпионов просто идеальные.

– Хорошо, можете опросить мое пополнение, только не долго. Времени у нас действительно нет.

Опрос много времени не занял. Авдеев по очереди вызывал бывших пленных, а особист расспрашивал, где раньше служили, когда и при каких обстоятельствах попали в плен, кого еще знаете. Задавал несколько вопросов о городе или поселке, в котором солдат жил раньше, просил показать раны. Все это он делал с нарочито равнодушным видом, как будто выполнял ненужные формальности, и ничего не записывал. После каждого опроса Авдеев с Соловьевым что-то коротко обсуждали.

Закончив с проверкой, капитан снова отозвал меня в сторонку:

– Больше вас не задерживаю. С вашими бойцами все в порядке, вот только за красноармейцем Лариным присматривайте.

– И чем же он вам не понравился? Он такой же тощий, как и остальные пленные, да к тому же еще был недавно ранен.

– Рану ему недавно лечили, и лечили тщательно. Рубец ровный, воспалений нет. Первый раз слышу, чтобы немцы оказывали помощь нашим бойцам. Командирам – да, иногда бывает. Но не рядовым красноармейцам. Да вы сами гляньте, в каком состоянии остальные пленные. Дальше, еще один подозрительный момент – стрижка. Он не успел обрасти, и прическа у него довольно аккуратная. Жил якобы в Горьком, но когда я наугад спросил его кое-что о планировке города, то он сразу согласился, что улица Каховская выходит к реке. Естественно, эту улицу я только что придумал. Ну, и еще несколько мелочей. После возвращения побеседую с ним поподробнее. А пока, – особист хищно улыбнулся, – пообщаюсь с его однополчанами, тем более что один из них отправлен в госпиталь, и там нам никто не помешает.

– Возможно, он просто струсил и сдался в плен, а теперь запутывает следы, придумывая себе легенду.

– Хорошо, если так, – недоверчиво покачал головой Соловьев, – но я в этом очень сомневаюсь.

– Тогда я вас не понимаю. То вы хотели забрать всех бывших пленных на проверку, а теперь согласны отпустить этого подозрительного типа вместе со мной в тыл врага.

– Он вам ничего не сделает, немцы же о вас ничего не знают. Если Ларин шпион, то для него сейчас главное втереться к нам в доверие. О цели операции вы бойцам не говорили?

– Нет, только взводным.

– Вот и хорошо. Держите его на всякий случай подальше от рации, и он себя никак не проявит.

Мое удостоверение гэбэшника Соловьев привез, но уговорил с собой не брать. Все-таки я иду за линию фронта. И вообще, на передовой мне с ним лучше не ходить. Вот если нужно будет общаться с высоким начальством, то тогда этот документ может пригодиться.

С последними лучами солнца отряд забрался на насыпь и зашагал по шпалам. Метрах в пятистах впереди нас шел десяток бойцов боевого охранения. Когда болото, подхлотившее

вплотную к железнодорожному полотну, сменилось кустами, а затем и деревьями, несколько человек разошлись в стороны в качестве бокового дозора.

Этой ночью облака почти полностью закрыли звезды, и было совсем темно. Речку мы не видели, и о ее наличии догадались только по журчанию воды. Помогая друг другу, бойцы спустились с насыпи, которая в этом месте была очень высокой. Отсюда нам предстояло двигаться на север. Земля была твердой, и идти было легко, даже в такую безлунную ночь, но мы не спешили, ожидая возвращения разведки. Слабое журчание речки справа от нас позволяло выдерживать направление даже без компаса. Вскоре вернувшийся дозорный доложил, что на проселочной дороге движения нет и постов не видно. Вот теперь нам пришлось бежать, торопясь пересечь дорогу, пока по ней никто не движется.

Так называемая дорога оказалась просто наезженной колеей, показывающей направление движения между болотами. Перебравшись через нее, мы, не снижая темпа, поторопились отбежать подальше – в любую минуту могли показаться мотоциклы разведбата немецкой дивизии. Дальше наши действия напоминали поиск пиратского клада. Нам надо было двигаться по компасу строго на северо-запад и отсчитать тысячу шагов. Вскоре тропинка пошла в гору, и вокруг стали чаще попадаться деревья.

Небольшой холмик, который и был целью нашего путешествия, представлял собой идеальную позицию для наблюдения. Он возвышался над низменной местностью, и его покрывала густая растительность, так что обнаружить нас, да еще в темноте, было очень трудно.

Подгоняемые сержантами бойцы тут же начали быстро окапываться, стараясь издавать как можно меньше шума. Каждому предстояло вырыть по два окопа для стрельбы лежа, ведь неизвестно, придется ли нам занимать круговую оборону, или же мы будем отражать атаку только с одной стороны холма. Хорошо, что тучи успели разойтись, и свет звезд немного освещал землю. Грунт был достаточно мягким, поэтому я дал на окапывание только тридцать минут. Следовало спешить, со стороны Андреаполя уже доносился какой-то гул, как от сотен работающих машин. К моему удивлению, большинство солдат мой жесткий норматив выполняли и тут же принялись помогать своим менее опытным товарищам.

Что касается меня, то я тоже ковырял землю саперкой наравне со всеми, и даже уложился в полчаса. Вот только вырыл я за это время не два окопчика, как все, а только один. А что вы хотите? Последний раз мне приходилось окапываться еще на военной кафедре, лет пятнадцать назад.

Артиллеристы устроили себе позиции на противоположных сторонах холма. Вполне возможно, что немцы решат идти сразу по двум дорогам, поэтому нужно было наблюдать одновременно за обеими. Именно на этот случай командование расщедрилось сразу на две трофейные рации.

Пока мы работали, гул все нарастал. Я посматривал в бинокль на север, но за островками леса в темноте ничего не было видно. Пока приходилось ориентироваться только по звуку. В любом случае сначала эвакуируемые части должны были двигаться от Андреаполя на запад. Неясным пока оставалось то, какую дорогу затем выберут немцы: первый путь ведет на юг проселками вдоль речки Грустенка; второй, тоже южный, но более удобный, это хорошее шоссе вдоль восточного берега речки Лососна. Обе дороги постепенно сближаются и обходят наш холмик с двух сторон. Третий вариант – ехать дальше на запад, был для фашистов хотя более безопасным, но и более трудным.

Естественно, мне хотелось, чтобы немцы выбрали путь на юг. В этом случае обстрел колонны был бы более эффективным. К счастью, немецкое командование тоже решило двигаться коротким путем, хотя, конечно, по другим соображениям.

Еще слышалось пыхтение бойцов, докапывающих свои ячейки, как на шоссе на дороге к западу от нас появились отблески фар, а из общего гула выделилось тархтение мотоциклетных двигателей. Мотоциклы немецкого разведбата двигались по обоим сторонам дороги, но не

удалялись от нее слишком далеко. На другом берегу Лососны тоже ехали несколько мотоциклистов, переправившихся через нее выше по течению.

Сразу вслед за разведчиками, не соблюдая необходимого интервала, двигались грузовики, тракторы и повозки. Вся дорога была занята техникой, и пехотинцы были вынуждены брести по обочине. Светомаскировка почти не соблюдалась, многие машины ехали со включенными фарами. К моему удивлению, несколько открытых грузовиков везли бревна и доски, хотя местность была лесистой, и везде можно было найти деревья.

Постепенно колонна подъехала к мосту. Сначала через него проехали мотоциклисты. Несколько серых фигурок с включенными фонариками спустились под мост, проверяя, не заминированы ли опоры. Не дожидаясь окончания проверки, несколько машин осмелились перебраться на ту сторону. За ними потянулись конные упряжки и двинулась пехота. Все движение было четко организовано. Регулировкой занималось подразделение фельджандармов, расположившееся перед мостом. Свет фар отражался на больших серебряных бляхах, висевших у них на груди.

Я в очередной раз посмотрел на артиллериста. Он спокойно описывал происходящее в микрофон рации и не проявлял никакого волнения.

Неожиданно слева от цепочки машин, стоявших в ожидании своей очереди, вспыхнул ослепительно-яркий цветок. Через несколько секунд донесся и грохот взрыва, тут же дополненный звуком выстрела, прозвучавшим сзади и левее нас. Проморгавшись, я снова поднес к глазам бинокль, успев заметить столб воды, взметнувшийся рядом с мостом и сбросивший с него несколько серых фигурок, не сумевших вовремя убежать. Орудие захватило цель в вилку, и было ясно, что третий выстрел попадет в яблочко. И действительно, следующий снаряд поднял в воздух настил моста, машины, телеги вместе с лошадьми и разметал их во все стороны.

Переправа была разрушена, и я стал ожидать, что будет дальше. Невидимая гаубица выплюнула еще два снаряда, один из которых удачно попал в мост у противоположного берега, и выстрелы стихли.

Убедившись, что обстрел прекратился, немцы, лежащие ничком, снова повставали, а фельджандармы начали наводить порядок.

Вскоре с машин начали сгружать бревна, видимо, приготовленные как раз на такой случай, причем пара грузовиков с досками успела проехать на ту сторону. В наведении переправы участвовали все солдаты, находившиеся поблизости, и, хотя саперы начали строить сразу три моста, но работа продвигалась прямо на глазах. Задача у них была несложная, если учесть, что и без того небольшая Лососна после засушливого лета превратилась в обычный ручей. Если бы не топкое дно, ее можно было бы пересечь вброд.

Между тем колонна транспорта не остановила свое движение, и на поляне слева от дороги скапливалось все больше техники и солдат. Фельджандармы сбились с ног, стараясь разместить всех так, чтобы не создавать пробки. Несколько регулировщиков командовали подъезжавшими машинами, объясняя, где им остановиться.

Что немцы собираются делать, если отремонтированный мост опять обстреляют, было в общем-то понятно. Несмотря на все достоинства нашей артиллерии, немецкая была гораздо лучше подготовлена к контрбатарейной борьбе. Вот с большака съехали тягачи, тянувшие шесть уже знакомых мне 105-миллиметровых гаубиц, которые тут же стали приводить в боевое положение. На помощь артиллеристам сразу же поспешила целая толпа пехотинцев, начавших копать землю своими лопатками. В полукилометре от них начала готовить себе позиции вторая батарея.

Наверняка где-то дальше в темноте сейчас готовились к стрельбе еще несколько десятков орудий. Конечно, немцы не попались на простенькую уловку и догадывались, что обстреливать их приготовилась не одна пушка, а как минимум батарея. И у них были хорошие шансы подавить эту батарею своим огнем.

Пока я глазел на основную дорогу, то не заметил, что по грунтовке позади нас уже началось движение, хотя и не такое интенсивное. Транспорт с проселочной дороги тоже не доезжал до моста и сворачивал в сторону.

Мы с тревогой наблюдали, как шевелящийся ковер из машин, людей и повозок постепенно покрывает поляну, все ближе подбираясь к нашему холмику. До ближайших немцев оставалось всего метров пятьсот. Хорошо еще, что дальше дорогу им преграждал овражек, хотя и неглубокий, но непроходимый для транспорта.

Вот уже на первую готовую переправу съехал пустой грузовик и медленно проехал по ней, проверяя на прочность. Мостик выдержал, а значит, скоро вся эта орда немцев сможет двинуться дальше.

«Пора уже», – мысленно прошептал я. И, как будто услышав мои слова, начался обстрел. Что именно стреляло, кроме меня, наверно, знали только артиллеристы. Тот самый, знакомый по кадрам кинохроники жуткий вой ракет, выпущенных «катюшами», заставил прижаться к земле не только немцев, но и наших бойцов. Но, в отличие от кинохроники, здесь к вою еще прибавились взрывы, которые, как мне показалось, гремели совсем рядом. Все-таки рассеивание у систем залпового огня довольно большое.

Присмотревшись внимательнее, я понял, что на самом деле разрывы ракет накрывают фашистов не ближе чем в восьмистах метрах от нас. Успокоившись, я попытался определить, где находятся позиции гвардейских минометов. Насколько можно было сориентироваться в темноте, «катюши» стреляли километрах в пяти-шести к югу отсюда. То, что обстрел начали именно они, давало нам сразу два преимущества. Отстрелявшись, машины сразу покинут позиции и уедут, так что вражеская артиллерия, если она уцелеет, будет им не страшна. Немаловажным был и психологический фактор. К обычному обстрелу немецкие солдаты более-менее привыкли, а вот вид огненных стрел, в большом количестве и со страшным шумом несущихся к ним, вызывает настоящий ужас и панику.

Наши бойцы, убедившись, что непонятное оружие им не угрожает, осмелели и подняли головы, наблюдая картину жуткого разгрома.

Как только вой ракет стих, среди скоплений вражеской техники выросло сразу восемь разрывов. Грохот от них слился в один громоподобный рокот и больно ударил по перепонкам, даже сквозь ладони, которыми я зажимал уши. Это начала работать дивизионная артиллерия.

Через несколько секунд, за которые корректировщик должен был успеть скороговоркой доложить о результатах стрельбы, еще шесть снарядов легло прямо посреди немецких пушек, изготовившихся к стрельбе. Немногочисленная прислуга орудий, копошащаяся рядом с ними, сразу повалились на землю – кто погиб, а кто прячется от обстрела.

Что-то грохнуло позади нас. Это к обстрелу присоединилась очередная батарея, взявшая на себя грунтовку. Постепенно в общий концерт втянулось не менее сорока орудий, в основном бывших по главной дороге и большой поляне. Я не мог сказать точно, какие калибры сейчас ведут артподготовку, но судя по всему, в ней участвуют все пушки, имевшиеся в нашей дивизии. Даже за рекой немцам не было покоя. Там вспухали разрывы поменьше – работа полковой артиллерии или 82-миллиметровых минометов.

Точность стрельбы у пушек намного выше, чем у систем залпового огня, и артиллеристы могли спокойно бить по ближайшим к нам немцам, прятавшимся в овражке всего в пятистах метрах отсюда, не боясь при этом задеть нас.

Не понимаю, как Гусев успевал их всех корректировать. Скорее всего, он просто распределял квадраты между дивизионами. Вспомнив про артиллериста, я посмотрел, что он там делает. Не обращая внимания на большой праздник бога войны, Гусев смотрел в бинокль куда-то на север, где были видны только маленькие вспышки. Похоже, что в игру включились немецкие батареи. Это неудивительно. В пределах видимости находилось не больше двух десятков

вражеских орудий всех калибров, но в пехотной дивизии их должно быть в несколько раз больше, даже с учетом потерь последних дней.

Я тоже поднял бинокль и, держа его одной рукой, попытался рассмотреть, где еще могут находиться немецкие пушки и сколько их. Левой рукой я продолжал зажимать ухо, так как с этой стороны грохотало сильнее всего. Время от времени недалеко от мерцающих вспышек, еле видимых за деревьями, вставал столб огня. Наверно, большая часть нашей артиллерии занята, и в контрбатареиную борьбу включилось только одно орудие. Но нет, оказывается, это был только пристрелочный огонь, и у наших артиллеристов еще осталась в запасе целая батарея, в чем фрицам пришлось тут же убедиться.

Тем временем Авдеев покинул свою ячейку и подполз ко мне. Что он говорил, я почти не слышал, но чекист достал кусок хлеба и показал мне знаками, чтобы я пожевал его и мякишем залепил себе уши. Пока я занимался спасением барабанных перепонок, Гусев снова повернулся к главным силам противника. Очевидно, вражеские орудия уже были подавлены.

Постепенно канонада стихала, но восемь орудий продолжали методично бить по вражеским позициям, перемешивая их с землей. Как и следовало ожидать, больше всего боеприпасов у нас имеется для трофейных гаубиц, и теперь они могли отправить обратно немцам хоть несколько вагонов снарядов, если понадобится. Я, правда, не ожидал, что 105-миллиметровых орудий будет так много. Но за последние дни не только наша рота разжилась трофеями, а сообразительные артиллеристы не зря всегда считались самыми умными среди всех родов войск. Они за несколько дней смогли освоить сложную технику и теперь были готовы применить свои знания на практике.

Но хотя восемь пушек с большим запасом снарядов и представляют собой грозную силу, но держать под контролем участок длиной несколько километров им достаточно трудно. Уцелевшие немцы это скоро поняли и стали потихоньку подниматься из своих укрытий. Несмотря на безлунную ночь, все поле, усеянное искореженной техникой, было хорошо освещено. Все что только могло гореть – пылало, и в отблесках пламени все движения немцев были как на ладони.

Где-то в направлении Андреаполя ухнуло, и небо с той стороны озарилось красным заревом. После того как мы надежно закупорили дорогу, соседняя дивизия могла спокойно обстреливать вражескую колонну, которой теперь некуда было деться.

Хотя большинство фашистов, выживших после обстрела, благоразумно решили отходить на запад, но часть все-таки предпочла направиться в нашу сторону. Организованной атаки не получилось, просто разрозненные группы шли кто куда, и некоторые случайно выбрали неудачное направление. Впрочем, пройти через дорогу, заставленную остовами горящей техники, было непросто. Там то и дело рвались боеприпасы, лежащие в грузовиках, или врывались топливные баки машин. Поэтому обойти поляну, подвергнувшуюся обстрелу, представлялось довольно разумным.

Я передал по цепочке стрелять только по моей команде и, положив перед собой автомат, стал внимательно рассматривать в бинокль подходивших немцев. Нас враги видеть в темноте не могли, поэтому шли спокойно, не ожидая засады. Некоторые тащили на себе раненых товарищей или какое-то ценное имущество.

Одна из групп мне очень сильно не понравилась. Около полусотни человек двигались слаженно, развернувшись в цепи и держа оружие наизготовку. Метрах в тридцати перед ними шел передовой дозор. Ни одного раненого в этой группе видно не было. То ли они их бросили, решив уйти налегке, то ли вовремя успели спрятаться в овражке и не попали под огонь. Скорее всего, первое. И действительно, когда один из солдат, не поспевавший за своими товарищами, неожиданно осел на землю, никто не остановился помочь ему. Жестоко, но надо признать, командир этого отряда действует правильно. Если он займется эвакуацией раненых, то может потерять всех солдат.

К счастью для нас, позиция для обороны была очень удачной. Наступающие цепи подсвечивались заревом пожара, а мы находились в темноте. Бойцы лежали тихо, боясь пошевелиться, но несколько человек клацнуло затворами. Я мысленно выругался в адрес салаг, не догадавшихся приготовиться к стрельбе заранее, как вдруг сообразил, что забыл откинуть приклад у автомата. Как я ни старался все сделать тихо, но скоба с плечевым упором встала на место с громким щелчком. Впрочем, все немцы сейчас должны быть полуоглохшими, и на фоне постоянного грохота ничего не услышали бы даже в десяти шагах. Теперь мне уже можно было начинать целиться, но неожиданно длинный магазин МП-40 уперся в землю, задирая ствол вверх. Вот что значит не заниматься практическими занятиями по рытью окопов. Бруствер, который я приготовил, был без приямка и годился только для винтовки. До противника оставалось уже чуть больше двухсот метров, и времени, чтобы возиться с ямкой для магазина, уже не было. Пришлось немножко сдвинуться назад и держать оружие почти на весу.

Заранее наметив себе деревце примерно в ста метрах от нас, я ждал, пока немецкий дозор поравняется с ним. К сожалению, несмотря на все старания, мне не удалось обнаружить среди наступавших фашистов офицера. Возможно, этим отрядом командовал какой-нибудь фельдфебель, но кто именно, понять было нельзя. А так хотелось, чтобы его подстрелили в начале боя.

Мой крик «огонь» совпал с очередным взрывом, прогремевшим совсем не вовремя, и вместо стройного залпа получилась разрозненная стрельба. Немцы сразу же залегли, но спрятаться им было негде, к тому же стреляли мы сверху вниз. Большое количество пулеметов и автоматов не оставляло противнику шансов, и уцелевшие стали торопливо отползать назад. Впрочем, таких было немного, большинство противников было сразу же выведено из строя. В начале боя не меньше пятнадцати немцев попытались отстреливаться, но уже через полминуты ответный огонь полностью прекратился.

Если кто-то из врагов и остался жив, то он лежал тихо, притворившись мертвым. Меня больше волновало то, что теперь наша позиция известна немцам, и они начнут нас обстреливать. К счастью, все опасения оказались напрасными. Выжившие в огненном аду фашисты были озабочены только спасением своих драгоценных шкур. Если у кого-то из них и мелькнула мысль идти к нашему холмику, то они благоразумно от нее отказались.

Правда, в нескольких километрах к северу от нас, где дорога не просматривалась нашими наблюдателями и не подверглась обстрелу, управление войсками должно было сохраниться. Но им не было никакого смысла лезть на простреливаемое советской артиллерией поле.

Еще некоторое время гаубицы и минометы вяло работали, пытаясь достать фашистов на переправе через речку, но вскоре стрельба окончательно стихла. Все, кто еще мог двигаться, ушли на запад, и только раненые ползали по выжженной земле среди догорающих обломков техники.

Итоги скоротечного боя оказались, к сожалению, нерадостными. Два человека погибли и еще двое было ранены. Пользуясь тем, что к нам больше никто не приближался, я прополз по позициям, чтобы проверить, в каком состоянии раненые. Их уже перевязали и отвели в небольшую ложбинку посередине холмика. Срочной эвакуации не требовалось, так как у обоих были сквозные ранения в руку.

Погибших можно было не осматривать. Прямое попадание в голову не оставляло им никаких шансов. Очень тяжело было вот так терять своих боевых товарищей, тем более что один из них был в роте с первого дня. Конечно, у немцев потери были в десять раз больше, но все равно приятного мало. А ведь враги даже не смогли воспользоваться пулеметом, расчет которого мы сняли в первую очередь. Видимо, очень опытные сволочи нам попались – за несколько секунд смогли сориентироваться и открыть ответный огонь по вспышкам.

После короткого боя ночь тянулась необычайно медленно. Мы всматривались в темноту, выглядывая приближающихся врагов, стараясь не кашлять от едкого дыма, который ветер нес в нашу сторону. Тошнотворный запах взрывчатки смешивался с гарью от сгоревших повозок и машин. Еще раз мне пришлось пожалеть об оставленных противогазах. Дышать без них сейчас было трудновато.

Перестрелок больше не было. То и дело мы видели тени, мелькавшие среди догоравших обломков техники, но к нам никто не приближался. Только несколько лошадей, которым повезло вырваться из построков и убежать из огненного ада, проскакали через наши позиции.

Когда рассвело, Гусев позвал меня к рации – вызывал комбат. Иванов разрешил нам возвращаться, так как нас вскоре должны были заменить. Но как ни хотелось мне отдохнуть, я все-таки предпочел дожидаться, пока не подойдет другая рота, чтобы даже на короткое время не оставлять артиллеристов одних.

Корректировщикам замену пока не прислали, и они, зевая, остались на своем посту. Где-нибудь в лесах еще могли прятаться сотни фашистов, и помощь артиллерии могла скоро понадобиться. Подошедшие красноармейцы не стали отсиживаться в наших окопах и, взяв оружие наизготовку, начали прочесывать поляну, разыскивая выживших немцев. Ну что же, они всю ночь отдыхали, пусть теперь займутся делом. А нам уже и на боковую пора.

Глава 9

22 сентября. День

Когда мы вернулись к станции, старшина не дал бойцам ни минуты отдыха, пока они не почистят оружие. По окрестным лесам бродили тысячи фашистов, и хотя большинство из них сейчас изо всех сил бежало подальше отсюда, но расслабляться не стоило.

Не успел я присесть, как передо мной появился наш особист полка, опасливо державший небольшой пакет, предназначенный лично для меня. Авдеев тут же протиснулся ко мне и вежливо попросил разрешения осмотреть конверт на предмет целостности. Он крутил его так и эдак, рассматривая со всех сторон через лупу, и наконец вернул мне с не меньшим благоговением, чем до этого Танин. Пока сержант ГБ изучал печати, Танин доложил о результатах проверки личного состава. Еще два подозрительных субъекта было выявлено во второй роте, но их тоже решили пока не брать.

Мне очень хотелось отдохнуть и поесть, поэтому неожиданная задержка меня немного расстроила. Тем более что послание было отправлено не Берией, а «всего-навсего» его замом Меркуловым, а значит, было не очень важным.

Подавив раздражение – все-таки это война, а не турпоход, я забрался в палатку и вскрыл конверт. К моему радостному удивлению, там был список зарубежных физиков-атомщиков. Ну вот, я ломал голову, пытаюсь вспомнить какие-нибудь фамилии участников «Манхэттена», а запросить список всех известных ученых не догадался. Хорошо, что в НКВД нашлась светлая голова, которая это сделала.

Я вчитывался в имена и подчеркивал карандашом те, которые казались мне знакомыми: Лео Сциллард, Нильс Бор, Эдвард Теллер, Джон фон Нейман. Скорее всего, эти люди теперь проживут недолго. Простите, товарищи ученые, но я не хочу, чтобы ваши атомные бомбы сбросили на наши города. А вот Фредерик Жолио Кюри сейчас находится в оккупированном Париже и делает гранаты для французского Сопротивления. Он вроде бы даже коммунист, и его нужно попробовать вывезти в Советский Союз.

Положив исправленный список обратно в пакет, я позвал «ординарца» и спросил, как можно запечатать конверт. Сержант подбежал через минуту, держа немецкий штык, разогретый в пламени костра, которым тут же нагрел сургуч до мягкого состояния. Мне осталось только приложить свою персональную печать и посильнее надавить. То ли дело в XXI веке: пикнул таблеткой с цифровой подписью, и всё.

Авдеев проникнулся важностью момента и, получше спрятав сокровище, помчался к Танину, чтобы потребовать у него машину. Ему не терпелось доставить такую ценность по назначению. Мне не было слышно, о чем они говорят, но особист позвал несколько бойцов и усадил их в кузов грузовика, вдобавок к своим подчиненным, которые там уже сидели.

Разрешиw всем, кроме часовых, отдыхать, я направился к комбату, узнать итоги ночного обстрела, которые разведчики уже должны были подсчитать. Предварительные результаты не могли не радовать. Только убитых гитлеровцев уже насчитали свыше восьмисот, и три сотни было взято в плен. Скорее всего, не меньше двух тысяч раненых должно быть среди фашистов, успевших удрать. А самым главным было то, что немцам пришлось бросить почти всю технику. Дорога до Андреаполя была забита грузовиками, пушками и повозками с разным снаряжением. Многие фашисты бросили даже личное оружие, когда переправлялись через речку, и теперь на берегу Лососны валялись сотни винтовок и десятки пулеметов.

Пока бойцы нехотя ковырялись в консервах, подъехала полевая кухня, привезшая горячую еду, и завтрак плавно перетек в обед. После первой кружки разведенного спирта пить мне больше не хотелось, но когда мимо провели колонну из полсотни пленных немцев, мы все дружно выпили за Победу.

Когда рота наконец поела, все стали укладываться спать, а я уединился в палатке и достал блокнот, чтобы записать все, что еще удастся вспомнить по военной технике. Но мне не удалось написать ни одного слова, так как сразу же снаружи раздался оклик:

– Стой, кто идет. – И затем лязг передергиваемого затвора. Затем послышались тихие голоса рядом с палаткой. После короткого разговора, содержание которого мне было не слышно, часовой уже громким голосом позвал меня. Чертыхаясь, я вылез из палатки и, к своему изумлению, увидел Ларина. Предполагаемый шпион стоял с самым невинным видом и без оружия. Стрелин, ни на секунду не забывавший следить за подозрительным солдатом, уже стоял у него за спиной с автоматом наготове.

– Товарищ командир, разрешите обратиться.

– Что вы хотели спросить?

– Разрешите переговорить с вами наедине.

– Хорошо, – не подавая вида, согласился я. – Давайте отойдем, чтобы нас не услышали.

Дальше чем метров на тридцать я отойти не решался. Хотя пистолета или ножа у него и не было видно, но он мог их спрятать. Да и вообще, матерый диверсант умеет убивать и без оружия.

«Вот ведь сволочь, – мелькнула мысль, – выбрал момент, когда Авдеева нет».

Взглянув, как сержант расставил несколько бойцов с автоматами, я немного успокоился, но все-таки ближе чем на два метра к потенциальному шпиону не приближался. Я как бы невзначай положил руку на расстегнутую кобуру и коротко бросил Ларину:

– Можете говорить.

– Товарищ командир, я сразу понял, что вы не отсюда, еще когда вы после захвата станции нас агитировали.

– Интересно, и откуда же я, по-вашему?

– Как и я, из будущего.

От волнения я выпустил рукоятку пистолета, которую судорожно сжимал все время. Но для меня это было уже второй раз, и я смог быстро овладеть собой:

– Продолжайте, боец.

– Я из 2005 года. Только тут все немного по-другому, чем в моей истории. У нас Киев немцы взяли еще в августе, а здесь только недавно. Зато у нас Смоленск долго держался. Наверно потому, что еще до войны командующим Западным округом был назначен Кулик вместо Павлова.

От волнения у меня снова перехватило дыхание:

– Тогда у вас война окончилась раньше, – предположил я. – В моей истории Берлин мы взяли в сорок пятом.

Ларин не смог сдержать изумленного возгласа, но тут же пояснил причину своего удивления:

– А у нас война закончилась в сорок четвертом, но только в Польше. После взятия Варшавы Германия сразу капитулировала.

– А когда вы в космос полетели?

– В 1956 году первая ракета отправилась на Луну.

– Тоже на год раньше, – обрадовался я, стараясь не показывать появившиеся сомнения. В 30-х годах было принято считать, что первый полет в космос состоится непременно на Луну, хотя это на порядок труднее, чем просто выход на околоземную орбиту. – Ну, расскажи, кто у вас главный конструктор, как выглядит ракета.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что о многоступенчатых ракетах Ларин никогда не слышал. О вычислительной технике он тоже имел весьма смутное представление. Зато с гордостью рассказал о миниатюрных радиолампах, позволяющих собирать компактные рации. Тоже крайне подозрительно, ведь твердотельные аналоги радиоламп изобретут уже в 1947 году,

причем на первенство в открытии транзисторов претендовало сразу несколько стран. Кстати, как хорошо, что он мне о них напомнил, а то в своих рекомендациях я этот момент упустил.

Чем больше шпион рассказывал о «своем варианте истории», тем яснее становилось, что он врет. Ларин увлеченно живописал прекрасный мир будущего, при этом эмоционально размахивая руками. Слов нет, рассказ был интересным и хорошо продуманным, но не имел ничего общего с действительностью. Разумеется, в чужой вероятности мир мог развиваться совсем по-другому, но основные научные открытия все равно должны были состояться, и самые крупные месторождения нефти в любом случае должны были найти. Напоследок я расспросил его об оружии двадцать первого века. Ну, разумеется, там были электрические ружья, многобашенные танки, огромные линкоры километровой длины с соответствующего размера орудиями. Что меня удивило, так это наличие реактивных самолетов, ведь даже в конце сороковых годов фантасты, незнакомые с секретной техникой, продолжали писать о винтовых истребителях. Но вот боевых ракет в «мире Ларина» не было. На мой осторожный вопрос о самых мощных бомбах, Ларин ответил, что у них имеются пятитонные бомбы со взрывчаткой, в десять раз мощнее тротила. Ну что же, ни малейших сомнений уже не оставалось.

– Не двигаться, руки в стороны, – заорал я, вот только вместо того, чтобы направить на врага пистолет, рука по привычке схватилась за рукоятку штыка, висевшего у меня на поясе. Сделав один быстрый шаг и слегка наклонившись, я выбросил руку вперед, поднеся лезвие к прямо к горлу противника. От неожиданности Ларин замер и не помышлял о сопротивлении. Все-таки лезвие ножа, поднесенного к самому лицу, пугает гораздо сильнее, чем вид огнестрельного оружия, даже нацеленного на тебя в упор. А впрочем, что ему еще оставалось, ведь вокруг было много бойцов, и живым он бы не ушел.

Какое то мгновение мы смотрели в глаза друг другу, но подоспевшие бойцы уже валили шпиона на землю и вязали ему руки.

– Срочно вызывайте особистов полка и дивизии! Стрелин, подойдите сюда.

Отведя сержанта в сторонку, я приказал ему бежать к командиру второй роты и передать, чтобы он арестовал подозрительных бойцов, о которых его предупреждал особист.

Увидев, что солдаты нашей роты забегали туда-сюда, все тоже стали вскакивать и подбегать к нам с вопросами. Когда суматоха постепенно улеглась, к нам подъехала машина комполка, но вместо капитана Козлова в ней сидел Танин с двумя автоматчиками. Я сразу же предупредил его, что никаких вопросов задержанным шпионам задавать нельзя.

– Извините, но как мне сказали, это не ваш уровень. Допрашивать их сможет только Соловьев.

Особист тут же развел бурную деятельность. Убедившись, что шпионов хорошо охраняют, он собрал командиров рот и распорядился, чтобы мы проверили, весь ли личный состав на месте. И как в воду глядел. В третьей роте не хватало бойца Львова, и тоже из числа освобожденных на станции. Танин открыл свой блокнот и посмотрел, что там на него есть:

– Мы с Соловьевым подозревали, что это бывший командир, из трусости переодевшийся рядовым бойцом. Я решил, что пока не придет ответ на запрос, пусть Львов повоюет в качестве красноармейца. А он, оказывается, тоже шпион. Ну ничего, погоню за ним уже послали, и далеко ему не уйти. Свою винтовку Львов оставил, когда уходил в кусты, чтобы не вызывать подозрений, так что деваться ему некуда.

Разведчики, которых отправили ловить шпиона, вернулись очень скоро, неся на самодельных носилках своего раненого товарища. Им легко удалось обнаружить следы беглеца на влажной земле, и они стали его настигать. Но вместо того чтобы бежать, Львов устроил засаду и начал стрелять по преследователям, причем с большой точностью. Судя по сверкнувшему солнечному блику, винтовка у него была с оптическим прицелом. Разведчики стали заходить с двух сторон, чтобы взять его на мушку. Брать диверсанта живым они уже не пытались. Но тут их ждал новый сюрприз. Неожиданно раздалось громкое тарахтение двигателя, отчетливо

слышимое в лесной тишине, и Львов умчался на мотоцикле по ровной утоптанной тропинке, позволявшей ему развить большую скорость. На месте засады обнаружили большой тайник, в котором, очевидно, и было всё спрятано. В нем осталось несколько гранат, автомат и снайперская винтовка, из которой недавно стреляли.

Судя по всему, тайник соорудили для спасения только двоих человек. Мотоцикл был без коляски, комплектов немецкой формы, в которую Львов так и не успел переодеться, лежало тоже два. В кармане кителей были обнаружены пропуска, обладатели которых могли беспрепятственно пройти через немецкие посты.

Все это говорило о том, что операция была подготовлена серьезно. Опрос бойцов показал, что во время моего разговора с Лариным красноармеец, похожий на Львова, подошел близко и внимательно наблюдал за нами. Что еще хуже, все бойцы, стоявшие в оцеплении, дружно отметили необычную жестикуляцию шпиона, которой он сопровождал свои слова. Когда я с ним разговаривал, то смотрел прямо в глаза и не обращал внимания на его руки. Но теперь, припоминая все обстоятельства беседы, я решил, что он жестами передавал своему сообщнику полученную информацию.

Танин, горевший желанием хорошенько порасспрашивать шпионов, предложил мне самому начать допрос, не дожидаясь приезда дивизионного особиста.

– Нет, этим должен заниматься профессионал.

– Но у нас могут быть еще другие шпионы, – горячился особист.

– Если бы были, то давно бы уже удрали. А если я начну допрашивать задержанного, то мне он все равно правду не скажет и только запутает следствие.

Наши препирательства закончились с приездом Соловьева. Вместе с ним прибыли команда следователей и отделение пограничников, занимавшихся в особом отделе ловлей диверсантов.

Выслушав мой короткий рассказ, капитан поручил своему заместителю расспросить бойцов, пограничников отправил осмотреть окрестности и тайник, а сам уединился со шпионом в одном из сараев.

Когда заместитель особиста подошел к бойцам, те сначала отпрянули от грозного лейтенанта госбезопасности, но потом, наоборот, обступили его тесной толпой. Заинтересовавшись, я тоже подошел поближе. В отличие от своего начальника, лейтенант Петров вел себя спокойно и интеллигентно, поэтому народ от него и не шарахался. Старая медаль на его гимнастерке говорила о том, что трусом он тоже не был.

Между тем особист уже вышел из сарая, где проводил опрос пленного. Криков и ударов оттуда слышно не было, но, судя по виду капитана, результаты допроса его вполне устраивали. Он подозревал моих бойцов и показал несколько жестов.

– Так шпион делал?

– Да, товарищ капитан, – отозвался Стрелин, – я хорошо рассмотрел, именно так он и делал. Только вы показываете одной рукой, а он обеими руками размахивал.

– Ларин подтвердил, что с ним было еще трое. Двое, которых мы уже взяли, и сбежавший Львов. Кстати, его настоящая фамилия Козлов.

– Вот сволочь, – зашумели бойцы, – а еще однофамилец нашего комполка. Так испоганить хорошую фамилию.

Приказав своим подчиненным хорошенько охранять шпиона, Соловьев предложил мне отойти подальше, чтобы посекретничать. Я последовал за ним с понурой головой, в ожидании справедливого разноса. Еще бы, надо же было додуматься рассказать о себе первому встречному. Конечно, по-хорошему мне следовало не откровенничать перед ним, а сразу вызвать особиста. Но кто же мог знать, что немцам все известно? Успокоив себя таким образом, я посмотрел на капитана, который спокойно стоял, ожидая, пока я соберусь с мыслями.

– Вы, товарищ Соколов, когда часового снимали, какой-нибудь документ ему показывали?

Я смог только кивнуть. Вся моя стратегия защиты рушилась, и тут уже никакие оправдания не помогут.

– Это была квитанция? – Каждое слово как молот обрушивалось на мою голову – Из вашего времени?

Опять кивок. В эти дни произошло столько событий, что я ни разу не вспоминал об этой злосчастной бумажке. Видимо, поняв мое состояние, или же просто не имея полномочий ругать меня, особист, вместо того чтобы устраивать разнос, наоборот, начал утешать:

– Ничего страшного, товарищ Соколов. Ну узнали они, что войну проиграют, ну поняли, что с вашей помощью мы победим еще быстрее, и что они теперь могут сделать? Только капитулировать от безысходности. Да Гитлер и не поверит этому, для него все выглядит, как грубо сфабрикованная провокация. Да, еще хочу похвалить вас. Вы очень правильно поступили, когда при аресте шпиона, кстати, его настоящая фамилия Валуев, достали не пистолет, а штык. Предатель служил в полиции командиром взвода и на нем висит столько преступлений, что живым он в плен сдаваться не собирался. (В нашей истории так и было, он покончил жизнь самоубийством в январе 1943 года при взятии частями Красной армии города Великие Луки.) Однако, увидев перед глазами лезвие, умирать сразу раздумал. Так что благодаря вам мы теперь имеем ценный источник информации.

– Но, товарищ капитан, ведь теперь они могут изменить план своего наступления и ударить в другом месте.

– Во-первых, немецкой разведке пока не с чем идти в генштаб. Что у них есть? Обычная бумажка, грубо сфабрикованная любителями фантастики. Ну видел вас агент, кстати, даже не немец. Но что он может знать? То, что это вы появились недавно на фронте и подбросили квитанцию. Так все это, а также те сведения, которые вы наплели агенту, хорошо укладываются в общую картину дезинформации. Во-вторых, менять планы для них опасно, так как очень скоро начнется распутица. Вы же сами говорили, что Гудериан начнет наступление раньше остальных, чтобы получить два лишних дня хорошей погоды.

– Так вы полностью в курсе всего?

– Да, мне в общих чертах описали ход дальнейших событий, чтобы я мог продуктивнее с вами работать. В-третьих, даже если командование вермахта поставят в известность, и они поверят такой ерунде и все-таки решат поменять планы, то мы все равно окажемся в выигрыше. Наши войска успеют получить больше пополнений, которые, к примеру, смогут занять Ржевско-Сычевскую линию обороны. Полки противотанковой артиллерии, сформированные из зенитных орудий, будут полностью укомплектованы и переброшены на угрожаемые участки обороны. Наступать немцам теперь придется по грязи, и проходить шестьдесят километров в день они по-любому уже никак не смогут. Да и мы уже в курсе, что на Москву двинут целых три танковых группы, а значит, будем готовы отходить в случае угрозы охвата.

Слова капитана лились как бальзам на рану, возвращая меня к жизни. Надо же, особист не только искусно материться умеет, но и на добрые слова способен. Все мои промахи сразу превратились в успехи. Но долго радоваться Соловьев мне не дал. Увидев, что я снова могу мыслить адекватно, он сразу сменил тон на деловой:

– Я понимаю, что у вас не было времени отдохнуть, но нам надо обсудить операцию «Гавайи».

Вернувшись к сарайчику, в котором проводился допрос шпиона, капитан приказал освободить помещение, для чего пришлось вынести оттуда шпиона, связанного по рукам и ногам.

На пустых ящиках, служивших нам столом, Соловьев расстелил большую карту Оаху, с надписями на испанском языке. У него имелись и английские карты, только поменьше разме-

ром. Я начал рассматривать план острова, но потом решительно отодвинул и попросил достать карту всего Тихого океана.

– Давайте начнем с самого начала. Да, раз уж мы заговорили о Японии, то нужно спасти нашего разведчика Рихарда Зорге, позывной Рамзай. Не помню точно, когда его арестовали, но если он еще на свободе, то пусть скорее уезжает из страны. Хотя нет, подождите. Он еще должен прислать сообщение, что в этом году Япония на нас не нападет. Вот после этого присваивайте ему звание Героя, которое Зорге вполне заслужил, и эвакуируйте сюда.

Капитан стенографировал заметно медленнее, чем Куликов, и мне приходилось постоянно прерывать свой рассказ и ждать, пока он допишет свои крючочки. В наше время тема нападения на Перл-Харбор была очень популярной. Ей посвящалось множество книг и статей, в которых разбирались как ошибки, так и правильные действия обеих сторон. Так что я, наверно, даже смог бы по памяти нарисовать карту острова Оаху и указать на ней расположение американских войск. Но начал я не с этого, а с анализа политической обстановки в Японии и США.

– Скоро премьер-министр Японии получит от Рузвельта официальный отказ от встречи, и, таким образом, вся его политика окажется несостоятельной. Насколько я помню, это случится как раз в день начала операции «Тайфун».

– Ну как же все-таки интересно узнавать будущее, – не удержался от комментария особист.

После того, как Соловьев выжал из меня всё, что я помнил о Перл-Харборе, я стал ему рассказывать основные принципы устройства транзисторов, о которых мне так кстати напомнил Ларин. Перспектива замены громоздких, хрупких и дорогих радиоламп новыми устройствами вдохновила капитана, и он уже собрался мчаться в Москву, но я охладил его пыл. Даже если бы мне была хорошо известна вся технология производства транзисторов, на их создание потребовалось не меньше года. Поэтому мы перешли к другим темам. Особист пытался у меня узнать, как поступят главы ведущих государств в различных ситуациях и как изменится их политика после наших первых побед. Отпустил он меня только к вечеру, и я наконец-то завалился спать, бормоча проклятия «кровавой гэбне», не дающей мне отдохнуть.

* * *

22 сентября. Вечер

Заместитель начальника полевой жандармерии в Великих Луках капитан Мевес уже полчаса сидел неподвижно, подперев рукой подбородок. Времени оставалось все меньше, а он еще не сделал самый главный выбор в своей жизни. В вариант пришельца из будущего Мевес с самого начала не поверил и считал это просто одной из рабочих версий, которые надо проверять. Точно так же, как в случае убийства надо подозревать всех находящихся в доме – от детей до стариков.

Вернувшийся агент смог рассказать немного, но те данные, которые Валувев успел передать жестами, были крайне важными. Соколов действительно оказался пришельцем из будущего, до конца войны осталось три или четыре года и, самое главное, победили в ней почему-то Советы. Агент смог выяснить, что этот таинственный старлей появился всего четыре дня назад, причем фамилия у него тогда была совсем другая.

Как ни странно, но и Кайзер и Мевес, до сих пор искренне верившие в победу великой Германии, ничуть не усомнились в правдивости этих сведений. И в самом деле, уже конец сентября, а вермахт все еще далеко от Москвы. Линия фронта последние несколько недель почти не менялась. Мало того, еще до появления пришельца генерал Масленников смог перейти в наступление и выбить германские части с восточного берега Западной Двины. Если дела так

пойдут и дальше, то войскам придется зимовать здесь в окопах, так и не достигнув намеченных целей. А рано или поздно англичане осмелятся высадиться на континенте, и тогда начнется война на два фронта.

Естественно, сотрудники полевой жандармерии не были информированы об операции «Тайфун». Сосредоточение войск для предстоящего наступления проходило намного южнее, и по железной дороге, проходящей через Великие Луки, поток военных грузов был сравнительно небольшим. Зато с фронта постоянно привозили много раненых, а сегодня их прибыло столько, что из госпиталей вывели толпу легкораненых, способных самостоятельно передвигаться, и отвели на вокзал. Военный комендант города и начальник вокзала ругались с врачами, объясняя, что до вечера не смогут подать ни одного вагона, но те были непреклонны. Места в госпитале нужны вновь поступившим раненым, которых требуется срочно оперировать, поэтому всех ходячих больных приходится вывозить куда-нибудь в другой город.

Ночная канонада, которую было слышно даже отсюда, говорила о том, что за этот участок фронта русские взялись всерьез, и теперь следует ожидать новых неприятностей.

Тем не менее, даже поверив в то, что Германия проиграет, Кайзер считал, что все еще можно исправить. Достаточно только проинформировать руководство страны, и оно сможет исправить ситуацию. Конечно, еще лучше поймать человека из будущего и встряхнуть из него все сведения, однако сделать это не так-то просто. Но, по крайней мере, имея доказательства, можно проинформировать обо всем адмирала Канариса, возглавлявшего разведку, и пусть он ломает голову, что делать дальше.

Сопровождать вещественное доказательство и свидетеля Кайзер поручил своему заместителю, который с самого начала был в курсе всей операции. Начальник фельджандармерии смог выбить для своих людей место в транспортном самолете, направлявшемся в Смоленск. Он должен был взлететь сразу после наступления темноты – русские истребители все чаще появлялись над городом, и напрасно рисковать летчики не собирались.

Капитан Мевес поглядывал на часы со стремительно движущимися стрелками и никак не мог решить, что же ему делать. Он уже искренне жалел, что его начальник не захотел проинформировать обо всем представителей гестапо, и тем самым оставил ему выбор.

Карьера Мевеса явно не складывалась. Из-за небольшого проступка его направили сюда, в эту дыру, да еще назначили в заместители офицеру, который был младше его по званию. Поездка в Берлин тоже ничего хорошего не сулила. Даже если вся информация, которую они добыли, покажется Канарису ценной, хотя вряд он ли даст себя легко убедить, то все лавры пожнет Кайзер. А если адмирал решит, что все это чепуха, то все шишки посыплются на капитана. А вот если шепнуть главе гестапо Мюллеру о том, что у разведки есть ценные сведения, которыми они не хотят делиться, то он этого не забудет.

Наконец, капитан придумал маленькую уловку, которая помогла ему избавиться от мук совести. Он взял несколько дел, которыми занимался последние дни, и, войдя в кабинет Кайзера, спросил у него разрешения передать их в ГФП¹⁴. В этом не было ничего необычного. Функции тайной полевой полиции и фельджандармерии пересекались, командование у них было общим, и они постоянно тесно сотрудничали.

Кайзер как раз с довольным видом клал трубку телефона, когда вошел капитан.

– Хорошо, Мевес. Неизвестно, сколько ты пробудешь в Берлине, а лейтенант Бартауэр сейчас очень занят. Пусть ГФП получит себе все лавры от поимки коммунистов, а у нас и так дел по горло. Да, я только что разговаривал со Смоленском, завтра утром будет самолет в Германию, и там найдется одно место для тебя.

– Только одно? А как же Козлов?

¹⁴ ГФП – «Гехайме фельдполицай». Переводится как «Тайная полевая полиция» или «Тайная военная полиция».

– Посидит среди багажа, ничего с ним не случится.

По улице двигался сплошной поток раненых, которые брели в сторону госпиталя. Больниц не хватало, и медпункты устраивали в школах, одна из которых как раз располагалась неподалеку. Кое-как обмотанные бинтами солдаты в основном шли сами, только немногих несли на носилках или везли на повозках. Заметив, что тяжелораненых почти нет, и сообразив, что это означает, капитан вздрогнул и невольно взглянул на стену дома, из которого он вышел. Ему на мгновение показалось, что туда опять вернулась табличка с надписью «пл. Ленина», как было до прихода фашистов.

«Возможно, пока я буду в Берлине, – удрученно подумал Мевес, – здесь уже появятся русские. А почему бы и нет? В июле большевики уже смогли отбить город обратно и удерживали его почти месяц. Что помешает им снова вернуться сюда? Если мы начали бросать своих раненых, значит, дело плохо».

Здание бывшего горотдела НКВД, в котором теперь располагалась Гехайме фельдполицай, было недалеко, и капитан отправился туда пешком. Его план основывался на том, что начальник ГФП, как и многие из его руководства, раньше работал в гестапо и сохранил связи со старыми сослуживцами.

И действительно, достаточно было намекнуть, что имеется важная информация, которой Канарис не хочет делиться с конкурирующим ведомством, и Мевес получил номер телефона, по которому можно позвонить в Берлине, чтобы организовать встречу с Мюллером.

Вылет чуть было не отменили, так как в сумерках к городу подлетела эскадрилья русских бомбардировщиков. Но маленький аэродром их не интересовал, главной целью налета был железнодорожный узел. Самолеты отбомбились по вокзалу, уничтожив стоящие там поезда. Особенно эффектными были взрывы нескольких вагонов со снарядами, осколки которых разлетелись по городу больше чем на километр.

Легкораненые солдаты, занявшие все здание вокзала, с началом налета поспешили укрыться в подвале, служившем бомбоубежищем. Места для всех не хватало, так как здесь были сложены какие-то ящики. До этого раненые с тревогой обсуждали, что с ними будет: отправят в другой госпиталь или же сразу на фронт. Но после разгрома железнодорожных путей шансы эвакуироваться куда-нибудь в тыл в ближайшее время у них сильно упали. Но, как выяснилось, это было еще не самое плохое. Бомба, пробившая крышу и удачно упавшая рядом с открытым входом в подвал, уничтожила несколько десятков солдат: как тех, кто стоял недалеко от входа, так и тех, кому места в бомбоубежище не хватило.

В сумерках было не видно, сопровождаются ли русские бомбардировщики истребителями. Поэтому только когда они улетели, транспортному «юнкерсу» разрешили взлетать. Пилоту, как и всем его пассажирам, очень хотелось осмотреть последствия налета. Но в темноте его могли сбить свои же зенитки, готовые стрелять во все, что летает. Поэтому транспортник ограничился одним кругом вокруг города, не пытаясь пройти над его центром.

С высоты Мевесу была хорошо видна станция, охваченная огнем. Грохот снарядов, все еще продолжавшихся взрываться, доносился даже сквозь рев самолетных двигателей.

«Какой же молодец у меня шеф, – с теплотой подумал он о человеке, которого собирался предать. – Все-таки постарался выбить для меня самолет, а то бы я сейчас находился там, в этом аду».

Глава 10

24 сентября

Вилли Леман¹⁵, гауптштурмфюрер СС и начальник подотдела 4-Е-1 гестапо, занимающегося общими вопросами контрразведки, был одним из прообразов литературного героя Штирлица. Советский разведчик Максим Исаев никогда не смог бы стать штандартенфюрером, так как у всех офицеров СС обязательно проверялась родословная за двести лет. А вот Вилли был чистокровным немцем и такую проверку легко прошел. Вторым, более важным отличием от киношного образа, было то, что у Лемана не было радистки Кэт, как не было и рации с шифрами и кодами. Съездить в Швейцарию, как это запросто делал Штирлиц, чтобы связаться хотя бы через советское посольство, он тоже не мог. Поэтому после начала войны у Лемана не имелось никакой возможности передавать свои сообщения в Центр, и приходилось ждать, пока советская разведка сможет прислать связных. Но сведения, которые он сегодня узнал, были настолько важными, что их обязательно нужно было передать в Москву. Любым путем и любой ценой.

Сегодня рано утром, скорее даже ночью, гауптштурмфюрера срочно вызвали на совещание к Мюллеру. В этом не было ничего необычного, ему часто приходилось общаться даже с Гейдрихом, возглавлявшим Главное управление имперской безопасности, а срочные вызовы были нормой в работе гестапо. Но вот то, что он услышал, было настолько невероятным, что все присутствующие на совещании сначала не хотели в это верить. А когда поверили, то сидели ошарашенные несколько минут, и не могли вымолвить ни слова. Бывалые сотрудники имперской безопасности, знающие множество тайн, о которых не докладывали даже Гитлеру, были потрясены тем, что Советы смогли заполучить агента из будущего.

Сейчас Вилли стоял в своем кабинете у окна, держа в руке незажженную сигарету, о которой он давно забыл, и напевал песню, наиболее подходящую в данной ситуации. Пел он про себя. Хотя его кабинет и не прослушивался, но привычки контрразведчика настолько въелись в подсознание, что ему не нужно было себя контролировать. Поэтому Вилли мог не опасаться, что кто-то случайно услышит его пение, что могло бы закончиться для него большими неприятностями. Дело в том, что песня была на русском языке:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Русским языком Леман не владел, но эту песню выучил и смысл каждого слова понимал. Причем не только понимал, но и очень хорошо себе представлял. В тот зимний день, тридцать семь лет назад, он стоял на палубе германского корабля, находившегося в порту Чемульпо, и своими глазами видел, как героические моряки «Варяга» готовились вступить в неравный бой. Из гавани русский крейсер выходил под звуки оркестров, игравших на всех иностранных кораблях, находившихся в порту. Наблюдать сам ход сражения Вилли не мог, так как был простым матросом и бинокля у него не было. Но когда «Варяг» вернулся, он смог хорошо рассмотреть повреждения, полученные крейсером, прежде чем команда затопила его. «Кореец», который почти не пострадал, взорвали, чтобы враги не смогли поднять его и отремонтировать. Та отвага, которую продемонстрировали русские даже в заведомо безвыходной ситуации, оказала сильнейшее впечатление на юного Вилли и стала одной из причин, по которой он сде-

¹⁵ Арестован гестапо 10 декабря 1942 года и вскоре расстрелян. Точная дата гибели неизвестна.

лался убежденным противником войны с Россией. Позже ему также пришлось стать свидетелем Цусимского сражения.

Пропев песню до конца, Леман начал снова, но уже по-немецки:

Auf Deck, Kameraden, all auf Deck!
Heraus zur letzten Parade!
Der stolze 'Warjag' ergibt sich nicht,
Wir brauchen keine Gnade!

Напевая, гауптштурмфюрер одновременно мысленно прокручивал в уме сегодняшние события. Когда на утреннем совещании начальники отделов гестапо стали возмущаться самим предположением о том, что Германия может проиграть войну, он один протестовал неискренне. Хотя с формальной точки зрения ход войны для вермахта пока оставался весьма успешным, но до победы было также далеко, как и три месяца назад. Несмотря на все поражения и большие потери, Красная армия до сих пор не сломлена и продолжает яростное сопротивление. Вот в Японии и Турции ситуацию оценивают объективно и вступать в войну с СССР эти страны пока не спешат.

Положив в пепельницу сигарету, которую он так и не закурил, Леман сел за стол и начал набрасывать различные схемы, как лучше передать информацию в НКВД, какие варианты действия есть у Мюллера, и как он может этому противодействовать, не вызывая подозрения. Исписав очередной лист, Вилли внимательно просматривал его и сжигал в пепельнице. Отвлекаясь на одну минуту, он нарисовал силуэт тонущего крейсера с Андреевским флагом на мачте, но тут же снова принялся за работу.

* * *

Так получилось, что примерно в это же самое время о Цусимском сражении вспоминал его участник, находившийся на другом конце света.

В маленьком кафе на окраине Токио сидели два человека и беседовали о Русско-японской войне. Посетителей в это время еще не было, и они находились здесь одни. Несколько полицейских и людей в штатском, маячивших у входа, гарантировали, что их никто не побеспокоит. Оба посетителя спокойно пили чай, заваренный в полном соответствии с местными традициями, и не спеша беседовали на английском языке, хотя ни для кого из них он не был родным. Несмотря на то что оба были очень занятыми людьми, но никто не высказывал нетерпения.

Один из собеседников – пожилой низкорослый японец в адмиральском мундире, крепкий на вид и с широкими плечами, говорил на хорошем английском с заметным гарвардским произношением. Он рассказывал о Цусимском сражении, в котором потерял два пальца на левой руке. Впрочем, это не мешало ему сделать военную карьеру, боевое увечье даже помогало в продвижении по службе.

Второй посетитель, одетый в форму полковника РККА, в основном слушал. Его английский был намного хуже, поэтому, когда он говорил, то старался проговаривать слова медленно и отчетливо.

Адмирал легко согласился с полковником, что у России были хорошие шансы победить в этом сражении, но в том, что итоги войны могли быть другими, он сомневался.

Допив чай, полковник достал несколько карт и схем и перешел к тому, зачем они здесь встретились:

– Господин Яомото, наша страна не боится Японии, так как в сухопутной войне на континенте вам нас не одолеть, а ваши острова вполне доступны для современной авиации.

Но вот если в Азию придут США и построят здесь свои базы, то они станут представлять сильнейшую угрозу для нашей страны. Поэтому мы считаем, что пусть лучше здесь будете вы, чем американцы.

Предварив таким образом свое выступление, полковник Гущенко, военный атташе посольства СССР в Японии, отодвинул пустые чашки на край стола и стал раскладывать карты. При этом он рассуждал как бы сам с собой:

– В вашем правительстве большинство людей уже понимает, что воевать вам придется не с нами, а с Америкой. Допустим, три дня назад у вас прошла штабная игра, имитирующая атаку на Оаху. – Адмирал смотрел на полковника не моргая, но его губы плотно сжались. Сам факт игры, а тем более ее содержание, являлся большой тайной. – Скорее всего, по итогам операции посредники засчитают вам потерю двух авианосцев и не менее половины самолетов. Но это перестраховка, так как американцы абсолютно уверены, что их база неуязвима, и не готовятся к обороне. Давайте с вами обсудим, можно ли повысить эффективность данного мероприятия. Разумеется, чисто теоретически.

Гущенко протянул один из рисунков.

– Посмотрите, господин адмирал. Чтобы использовать торпеды в мелководной гавани Перл-Харбора, достаточно приделать вот такие деревянные стабилизаторы. Эта идея очевидна, но вам пришлось бы потратить несколько недель, чтобы довести ее до ума.

Ямомото с интересом посмотрел на чертеж деревянных плавников и предполагаемую траекторию движения торпеды в воде.

– Очень любопытно, господин полковник. Надо будет это проверить. Разумеется, из чисто академического интереса.

– На проверку потребуется не больше пары дней. Другая идея, также лежащая на поверхности, это использовать вместо бомб 406-миллиметровые снаряды с приваренными авиационными стабилизаторами. Что касается маленьких подводных лодок типа I-24, то, несомненно, вас будут настойчиво уговаривать разрешить им принять участие в атаке на гавань. Но ни в коем случае нельзя поддаваться на эти уговоры. Вы прекрасно понимаете, что пользу эти «трубы» принести не в состоянии, зато их вполне вероятно смогут обнаружить, ведь им нужно подойти к острову заблаговременно. А в этом случае исчезнет фактор внезапности, что поставит под угрозу всю операцию.

– Господин полковник, если бы мне действительно пришлось планировать атаку на Оаху, и если бы у меня были такие мини-субмарины, то я, разумеется, не стал бы их использовать, – уверенно заявил адмирал¹⁶.

– Теперь рассмотрим фактор времени, – продолжал Гущенко. – Разумеется, нападение должно произойти в воскресенье. Но хочу обратить ваше внимание, господин адмирал, что вы запланируете атаку на раннее утро, не так ли?

– Если бы я планировал подобную операцию, то конечно же да. Если авианосцы пройдут последнюю часть пути ночью, а самолеты вылетят затемно, то будет меньше вероятность, что нас обнаружат. К тому же перед утренним построением американцы откроют все водонепроницаемые двери и люки.

– К северу от Оаху американские самолеты патрулировать акваторию не будут, так что обнаружения противником можно не опасаться, а тем более по выходным. И еще один момент. Большинство офицеров покинет свои корабли и казармы еще с вечера, но простых солдат и моряков отпустят в увольнительную только с утра, после построения. Поэтому надо дать им время, чтобы покинуть расположение своих частей и уехать в Гонолулу. Тогда они не успеют вовремя добежать до боевых постов.

¹⁶ Но все-таки в нашей истории японским подводникам удалось уговорить Ямомото разрешить их использование в операции.

– Возможно, вы правы, полковник, но это трудная дилемма, и ее надо тщательно обдумать.

– Еще обратите внимание на то, что большинство бомбардировщиков у вас не радиофицировано. Мы сталкиваемся с такой же проблемой, поэтому могу вам кое-что посоветовать.

– Я весь внимание, – совершенно искренне заинтересовался Ямомото.

– Лично проконтролируйте, какие сигналы предусмотрены для самолетов. В противном случае может получиться так, что, к примеру, одна ракета черного цвета обозначает «действуем по плану № 1», а две точно таких же ракеты означают «действуем по плану № 2». Часть летчиков заметит только один сигнал, часть увидит обе ракеты, и в результате получится полный хаос.

– Вы опять правы, – признал адмирал, – такое вполне возможно.

– Теперь давайте посмотрим, какие приоритетные цели имеются на острове. Хотя на Оаху живет несколько десятков тысяч подданных Японии, и у вас нет недостатка в информаторах, но перед ними ставят задачи по разведке флота и портовых сооружений. Между тем нужно еще обратить внимание на топливные хранилища и аэродромы. Вот посмотрите на карте: на северной оконечности острова у американцев появился новый аэродром Халеива, а ваша разведка о нем, возможно, еще не знает.

Гущенко высказал еще несколько соображений по распределению приоритетов целей и ответил на осторожные вопросы, высказанные в завуалированной форме. Затем, отодвинув карту Гавайев, полковник достал другую и развернул ее перед адмиралом:

– Чтобы усилить эффект от разгрома на Тихом океане, желательно дополнить его выводом из строя Панамского канала.

– Я думал об этом, но у нас нет такой возможности. Даже до Гавайского архипелага авианосцам будет нелегко добраться незамеченными.

– Разумеется, движение в этом районе оживленное, да и расстояние от ваших баз слишком велико. Единственный вариант, это применить гражданские суда, начиненные взрывчаткой, и использовать местных патриотов, готовых совершить диверсию против САСШ.

– Но если бы мы и приняли такое решение, то на это уйдет много времени. Вряд ли у нас имеется много агентов в Панаме, а внедриться туда японцам значительно сложнее, чем вам, европейцам.

– Зато у нас там много друзей и просто сочувствующих. Подготовить операцию за пару месяцев не составит труда. Проблема в том, что сразу после начала войны американцы усилят бдительность. Поэтому давайте представим себе, что какая-нибудь японская радиостанция передает определенный сигнал. Совершенно случайно после этого сигнала будет произведено несколько диверсий на канале. Естественно, вся вина будет возложена на Японию, но после атаки Оаху это вас уже не будет волновать. Если операции на Гавайях и в Панаме совпадут по времени, то это даст вам сразу два козыря – военный и политический.

– Хорошо, господин полковник. – Адмирал достал записную книжку, чиркнул в ней карандашом и, вырвав листок, протянул его Гущенко.

– Кстати, о радиопереговорах, – как бы невзначай вспомнил атташе. – Германия вас уже информировала, что американцы читают многие ваши шифры, в том числе дипломатический, который они называют «пурпурным». Самое плохое то, что они их не украли, а расшифровали самостоятельно. Поэтому в случае замены шифра на аналогичный по структуре, на его раскодировку уйдет не больше нескольких недель. Вы можете мне не верить, но все-таки, если придется посылать вашему послу в Вашингтоне сообщение о начале войны, то делайте это курьером. А еще лучше пришлите ему несколько конвертов с разными вариантами и просто сообщайте, какой из них вскрыть.

– Весьма разумный совет, – благодарно наклонил голову Ямомото. – Даже если в министерстве иностранных дел к нему не прислушаются, то мы сможем настоять на своем.

– А теперь самое главное. Я не сомневаюсь, что у вас все получится, но есть одно обстоятельство, которое может поставить под угрозу все достигнутые вами результаты.

Адмирал вопросительно поднял брови:

– Честно говоря, полковник, я думал, что вы уже не сможете меня удивить.

– Как вы уже понимаете, основой флота в современной войне будут являться не линкоры, а авианосцы. Разработка вашей операции, в которой они являются главной ударной силой, только подтверждает это. Естественно, основной целью атаки Перл-Харбора в первую очередь также должны стать авианосцы. Но в конце ноября – начале декабря «Энтерпрайз» и «Лексингтон» будут направлены на спецзадания. Им предстоит доставить истребители для поддержки гарнизонов на удаленных островах. Последнее воскресенье, когда они оба еще останутся в гавани, это 23 ноября. Опоздание на две недели означает, что авианосцы уцелеют.

– Значит, у нас только два месяца? – задумчиво переспросил Ямомото. – Этого времени может не хватить для подготовки.

– Хватит, господин адмирал, – заверил полковник. – Мы все просчитали. Поймите, дело вовсе не в том, чтобы втянуть вас в войну чуть раньше. Ваша армейская разведка уже должна знать, что мы начали перебрасывать дивизии из Сибири. До весны Квантунская армия против нас уже не выступит из-за распутицы, и нам все равно, начнете вы войну в ноябре или декабре.

– Действительно, – согласился адмирал, – мы в курсе, что вы переправляете дивизии на запад. Есть один человек, который может воспрепятствовать подготовке.

– Принц Коноэ. – Полковник не спрашивал, а утверждал. – Только вам вовсе не нужно его убивать, а то я слышал, на него готовится покушение. Через неделю Рузвельт официально отклонит предложение Коноэ о встрече. Это покажет несостоятельность политики его кабинета, и военный министр Тодзио сможет вынудить премьер-министра уйти в отставку. Больше препятствий на вашем пути не останется.

Когда все вопросы обсудили, советский атташе еще раз смог удивить адмирала:

– Если Япония все-таки проиграет войну, то на суде вы сможете заявить, что передавали через меня предупреждение о начале войны.

– Но... – голос Ямомото чуть дрогнул. – Американцы же не узнают о... наших приготовлениях?

– Разумеется, нет, – улыбнулся Гущенко. – Мы лишь туманно намекнем им о японской угрозе, но сделаем это так, что нам не поверят.

* * *

Два дня наш батальон отдыхал и приводил себя в порядок. Все три роты и штаб расположились в окрестных рощицах, где можно было не опасаться бомбежек. Дел у нас хватало. Теперь личный состав почти наполовину состоял из новичков, прибывших перед наступлением или освобожденных из плена. Командирам взводов нужно было успеть познакомиться со всеми, оценить их умения и научить пользоваться трофейными пулеметами, которых у нас скопилось очень много. По моему требованию каждый боец должен был уметь стрелять из пулемета, чтобы даже после выхода из строя большинства солдат огневая мощь роты оставалась высокой. Боеприпасов у нас хватало с избытком, так что старшина щедрой рукой выделил всем по сотне немецких патронов для боевой подготовки.

Все чувствовали, что спокойная жизнь продлится недолго, и спешили овладеть новым оружием. По этой же причине я категорически отказался отпустить бойцов собирать трофеи, оставшиеся после ночного обстрела немецкой дивизии. Впрочем, вскоре мне пришлось в голову, что вид многочисленных трупов фашистских солдат должен сильно подбодрить наших бойцов. К тому же я сам недавно обещал освобожденным пленным, что их ждут горы трофеев.

И действительно, когда новички вернулись, вид у них был самый победный. Повозки, которые рачительный Свиридов выделил для сбора имущества, были нагружены так, что колеса жалобно скрипели, грозя сломаться. А ведь они еще не проверяли содержимое уцелевших машин, так как по инструкции их сначала должны исследовать саперы.

К моему удивлению, наша трофейная команда проигнорировала золотые и серебряные вещи, которых наверняка было много у погибших немцев, и помимо оружия собирала только то, что представляло ценность на войне: часы, бинокли, зажигалки, фляжки, котелки.

К 24 сентября начальное обучение закончилось. Рота уже представляла собой сплоченное подразделение, спаянное общими победами. Каждый боец знал, кто должен принять командование, если с командиром взвода или отделения что-нибудь случится.

С раннего утра сержанты в очередной раз гоняли бойцов, заставляя помногу раз заряжать и разряжать МГ. Стрелять из него, пусть и не очень метко, уже могли все, а вот умение вставлять ленту так, чтобы ее не перекосило, было большим искусством.

Налетов мы уже практически не опасались, потому что великие дела творились не здесь. Канонада, часто раздававшаяся на западе, была далеко и постепенно удалялась все дальше. Так что мы уже начинали чувствовать себя как в тылу. Поезда, сначала ходившие мимо станции только ночью, теперь осмеливались захватывать и утренние часы.

Было ясно, что нас вскоре снова пошлют на передовую, чтобы заменить части, ведущие бои. И действительно, солнце еще не успело подняться, как часовой, удобно устроившийся на дереве, крикнул мне, что видит машину комполка.

Я зашагал к лесочку, в котором находился штаб нашего батальона. Охрана, как и положено, спросила у меня пароль, прежде чем пропустить. Вид у бойцов, как стоящих на посту, так и приехавших с Козловым, был растерянным. И было отчего. Из штабной палатки слышались громкие крики ругающихся комбата и комполка, так что заходить туда я не спешил. Капитан ругался более интеллигентно, а старлей не стеснялся в выражениях. Прислушавшись, я понял, что ругают они не друг друга, а неведомое командование, отличающееся отменной тупостью и зловерностью.

Наконец, крики прекратились, капитан Козлов выскочил наружу и, быстро ответив на мое приветствие, запрыгнул в машину, тут же умчавшую его обратно. Подождав минутку, чтобы комбат остыл, я осмелился зайти внутрь.

– Ты представляешь, что они там еще придумали? – сразу закричал он мне, не дав поздороваться. – Нам опять пришлют пополнение перед самым началом операции.

– Опять? – поразился я.

– Да, ни одного дня не дали! Ну разве ж так делается? Ведь второй раз подряд такая петрушка получается. Командиры и красноармейцы даже познакомиться не успевают, а их уже вместе в бой посылают.

Остановившись на секунду, чтобы перевести дыхание, Иванов положил руку мне на плечо и доверительно прошептал:

– Сашка, сделай доброе дело, попроси особиста дивизии найти разгильдяев, которые ничего не могут толком спланировать.

– Сергей, – попробовал я успокоить комбата, – ты же знаешь, что ни у командира дивизии, ни даже у командарма резервов нет. Все маршевые роты, которые сюда присылают, сразу же распределяют по полкам, без задержки. Если так совпало, что пополнение пришло перед началом новой операции, то у нас есть выбор – принять его сейчас или потом.

– Ну как же потом, – обиделся Иванов, – у нас людей некомплект. Уж лучше такое пополнение, чем никакого.

– Ну вот видишь, так оно и получается. Слушай, Сергей, а нам командиров не добавляют? У меня в роте взводы наполовину укомплектованы, по нашим временам считай роскошь, так хотя бы одного младшего лейтенанта дали.

– А может еще лучше лейтенанта, – с неприкрытым сарказмом предложил Иванов, – да еще с опытом боевых действий?

– Конечно лучше, – обрадовался я, не сообразив сразу, что это такая ирония. – Заодно он помог бы мне ротой командовать, а то сам знаешь, опыта у меня нет.

– А я до сих пор только взводом командовал, а сейчас у меня батальон – взорвался Сергей. – У меня, что ли, опыт есть? Пока мы в обороне стояли, а людей в батальоне было только на одну роту, я еще кое-как справлялся. А теперь что мне делать?

– Выпить с горя и продолжать работать, – настала моя очередь иронизировать.

– Ну что же, не я это предложил. – Настроение комбата сразу повысилось. – И не все так уж плохо, – добавил Сергей, налив в кружки спирта на два пальца и, против обыкновения, щедро разбавив водой. – На самом деле младлей у тебя будет, я его уже в списки занес. И двадцать человек пополнения. Но самое главное, у меня теперь появилась целая батарея сорокапятик с полным штатом obsługi. Ну, за Победу.

– За нее, долгожданную. – Закусив корочкой темного хлеба, я поинтересовался: – А откуда пополнение?

– Как обычно, с бору по сосенке. Кто-то из госпиталя, кто-то из новобранцев. – С сожалением убрав со стола флягу, Сергей заменил ее картой. – А теперь ставлю боевую задачу. Пока мы тут прохлаждались, наши войска прошли вперед на двадцать пять – тридцать километров. Нам надо передислоцироваться в поселок Мартисово, получить там пополнение и в течение суток овладеть городом Торопец.

Я прикинул расстояние на карте:

– До него тридцать пять километров по прямой, а дороги так петляют, что и пятьдесят наберется. Грузовики-то нам дадут?

– Нет, их забрали для эвакуации населения. Но повозок наберется достаточно, чтобы посадить половину личного состава. Бойцы будут ехать по очереди, так что сильно не устанут. Ничего страшного, здесь все знают, что такое прошагать пешком полсотни километров в день, да еще по грязи и под дождем. А тут с телегами и по хорошей погоде. Кстати, лично для тебя я даже выделил верховую лошадь.

– Все равно подойдем к городу только к вечеру. А нам еще надо разведать местность. С какой стороны мы должны наступать?

– Пока неизвестно.

– То есть как это неизвестно? – поразился я. – Нам же должны указать исходные позиции и направление наступления. Разведку хотя бы там провели? Сколько там врагов, где огневые точки, есть ли у противника резервы?

– Дело в том, что по плану наши войска выйдут к Торопцу только к середине дня. Они проведут разведку боем и выяснят организацию обороны противника. А на штурм предстоит идти уже свежим частям, то есть нам.

– Все-таки хотелось бы знать заранее. Мест, где можно идти в наступление, очень мало, вокруг города сплошные озера и болота. Ведь говорил же, говорил, что Торопец пока атаковать не стоит. – То, что это говорилось представителю Ставки, я уточнять не стал.

Наш диалог прервал приход командиров остальных рот, и Сергей вкратце стал обрисовывать ситуацию, на этот раз удержавшись от эмоциональных высказываний.

Моей роте предстояло выступить первой, не дожидаясь остальных. Поэтому я поспешил к своим, готовиться к походу.

Для обучения верховой езде время было не самое подходящее, и лошадку я передал тем, кто умеет ею пользоваться.

Путь прошел на редкость спокойно. Несколько раз мы видели вдалеке вражеские самолеты и даже прятались в придорожных кустах, не забыв направить в небо все стволы, которые у нас имелись. Но на этот раз они летели куда-то в другое место, и для нас всё обошлось.

Попетляв по дороге, к одиннадцати утра мы уже въезжали в Мартисово. У въезда в поселок стояла пушечка, открыто торчавшая на виду. Рядом с ней никого не было, кроме степенно расхаживающего часового. Естественно, я поинтересовался, кто распорядился так открыто расположить артиллерийские позиции. Но в ответ на мою резкую критику боец ответил, что орудие неисправно, и его выставили, чтобы ввести противника в заблуждение. Присмотревшись, я действительно заметил среди фруктовых деревьев характерный тонкий ствол противотанковой пушки. А чуть подальше еще один.

Место встречи с нашим пополнением нам заранее назначили у станции. Здание вокзала было видно издалека, так что искать его нам не пришлось. Опасаясь авианалетов, я приказал солдатам рассредоточиться по окрестным садам, а повозки направил обратно, навстречу другим ротам. Пусть ребята из нашего батальона немного проедут с комфортом. Ноги-то не казенные, а путь им предстоит еще неблизкий.

Искать пополнение мне не пришлось, так как младший лейтенант нашел меня первым.

– Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться. Младший лейтенант Кукушкин для выполнения боевого задания прибыл.

Я оценивающе оглядел его. Форма новая, возраст – не больше девятнадцати лет. Видимо, только что из училища. Но решительное выражение лица и значок ворошиловского стрелка говорили в его пользу.

– Ну что же, добро пожаловать к нам в роту.

Младлей скосил глаза в сторону и, наклонившись ко мне, заговорщицки прошептал:

– Товарищ командир, я знаю вашего ординарца. Он никакой не красноармеец, а сержант госбезопасности.

– Благодарю вас за наблюдательность. А кто он такой, я конечно же в курсе.

Задумавшись на минуту, как это лучше объяснить, я решил, что все можно свалить на происки диверсантов.

– Видите ли, лейтенант, наше наступление очень не нравится немцам. Они еще к такому не привыкли. Сил у них здесь маловато, чтобы нас остановить, поэтому фрицы пытаются пако-стить нам разными способами. Догадываетесь, какими?

– Забрасывают к нам диверсантов и шпионов, – отчеканил лейтенант.

– Совершенно верно. Расспросите сегодня бойцов, они расскажут вам, что пару дней назад мы поймали несколько шпионов. Вернее, поймали не всех, один ушел. Так что для госбезопасности работы тут еще хватит. О том, кто такой Авдеев, знают только особы и непосредственное начальство, так что никому ни слова. Теперь давайте подумаем, назначить вас моим замом или же командиром взвода.

– У меня еще опыта нет, товарищ старший лейтенант. Я только взводом могу командовать.

– Ладно, согласен. Вы своих бойцов давно знаете?

– Никак нет, нас только сегодня утром выгрузили на станции и распределили по полкам.

– Очень хорошо, тогда нет необходимости формировать отдельный взвод. Стройте своих орлов.

Вызвав взводных, я познакомил их друг с другом.

– Командир первого взвода и по совместительству и.о. моего зама – старшина Свиридов. Командир второго взвода – младший сержант Стрелин. А это теперь командир третьего взвода – младший лейтенант Кукушкин. Распределяйте пополнение, кому кто нравится. Кто начнет?

Все трое смущенно молчали. Старшина и сержант не хотели лезть вперед старшего по званию, а младлей чувствовал себя новичком среди опытных фронтовиков.

– Ну, тогда начинайте вы, лейтенант. А оружие красноармейцам еще не выдали?

– Нам объяснили, что в той части, куда нас направили, оружия достаточно.

– Вот жуки, – не выдержал старшина. – Положено, значит, надо выдать, вон как тем, – и Свиридов махнул рукой в сторону грузовика, с которого раздавали винтовки солдатам.

Но винтовок и автоматов у нас действительно хватало, так что скоро все новобранцы были вооружены и обеспечены боеприпасами.

Комбат еще не прибыл в село, поэтому, прихватив ординарца, я отправился в комендатуру, чтобы узнать, как обстоят дела. Узнав, из какой я дивизии, военный комендант поселка подсказал мне, где находится наш штаб. В указанном доме Кончица еще не было, только суетились хозяйственный взвод и связисты. Но вскоре прибежал взмыленный адъютант комдива. Он сразу узнал меня, хотя до этого видел только один раз, и, отложив все дела, начал разъяснять мне текущую обстановку.

Капитан Колесов, так звали адъютанта, отмел мои сомнения по поводу целесообразности штурма Торопца. В городе находятся товарная станция и большое количество складов с продовольствием и оружием. Кроме того, там сходятся несколько важных дорог. Поэтому, если Торопец не захватить, то он станет для немцев очень важной базой, опираясь на которую, они смогут ударить нам в тыл. Конечно, условия для наступления здесь действительно достаточно тяжелые, но противник не ожидал нападения с этой стороны, поэтому сил у него здесь немного. Отсюда следует вывод о том, что городом нужно овладеть как можно скорее, чтобы противник не перебросил сюда подкрепления.

На мои рекомендации перерезать железную дорогу к западу от Торопца, Колесов заверил, что совершенно случайно командарм тоже до этого додумался. В этом районе действует несколько отрядов партизан, сформированных из работников НКВД. С ними удалось связаться и передать взрывчатку. Этой ночью партизаны смогли взорвать несколько мостиков через небольшие речушки, которых тут было в изобилии. В результате движение по железной дороге и по шоссе остановлено по крайней мере на сутки.

Капитан, скорее всего, получил особые указания на мой счет, так как терпеливо мне все разжевывал, хотя у него и своих дел было по горло. В конце концов, мне пришлось согласиться, что Торопец нужно штурмовать сегодня же.

Ситуация на фронте в настоящий момент была следующая. Те части, которые уже подошли к городу, больших потерь пока не понесли, но нуждаются в отдыхе и пополнении боеприпасов. Поэтому основная роль отводится нашей дивизии, последние два дня стоявшей на второй линии. Наш 215-й полк должен будет овладеть северной окраиной Торопца и захватить станцию. Распределение позиций по батальонам еще не закончено. Штаб полка сейчас должен находиться в селе Василево, это примерно в шести километрах к северо-востоку от города. Когда мы туда прибудем, то получим точные указания.

Пользуясь расположением адъютанта, я решил заодно выяснить у него, нельзя ли выбить рацию для каждой роты. Но тут меня ждало разочарование. Хотя за последние дни в руки наших трофейщиков попало немало исправных немецких радиостанций, но большую часть из них без всяких объяснений забрал особый отдел.

Зачем они могли понадобиться, я догадывался – чтобы имитировать радиопереговоры фиктивной армии. Было бы странно, если бы ее «бумажные» дивизии вдруг появились из ниоткуда. Виртуальные части и подразделения должны постепенно продвигаться от одного населенного пункта к другому, не спеша накапливаясь у места сосредоточивания. Разведка у немцев после недавнего разгрома ничего толком выяснить не сможет, и ложные сообщения, передаваемые по рациям, заставят ее поверить в существование новой армии. Правда, еще остается авиация, но сейчас все наши войска находятся в постоянном движении. По дорогам все время идут колонны техники и людей, так что с воздуха невозможно разобрать, где какие части у нас находятся. К тому же, пока не опала листва с деревьев, в здешних лесах можно легко спрятать

хоть десять дивизий. Так что даже если немецкие летчики не найдут наши виртуальные войска, это не должно их удивлять.

Увидев, что я задумался, добрейший капитан решил, что это от огорчения, и для утешения подкинул мне маленький бонус.

– У нас здесь в хозчасти хранится много трофеев, если хотите, возьмете все, что нужно.

После долгого похода бойцам полагался минимум часовой отдых, так что время у меня пока было. К тому же какой мужчина откажется покопаться в грудe разнообразного оружия. Схватив пропуск, который мне выписал адъютант, я послал Авдеева за бойцами, а сам бегом направился в указанном направлении.

Хозчасть находилась в большом подвале под каким-то административным зданием. Войдя туда, я сразу остановился как вкопанный. У меня просто глаза разбежались от лежащих на стеллажах и небрежно сваленных в кучи образцов всевозможного оружия, длинных рядов ящиков и каких-то непонятных коробок.

В моей роте автоматического оружия имелось пока достаточно, но у соседей ситуация с вооружением все-таки похуже. Поэтому я отобрал для них немного пулеметов и автоматов. Пока солдаты, обслуживающие склад, с трудом перетаскивали это «немного» к выходу, я зарылся в сокровища, как Али-Баба в пещере разбойников.

В принципе, мне ничего особенно не было нужно. Боеприпасов у нас и так столько, сколько могут увезти повозки. Но покопаться все равно стоило. И действительно, время от времени мне попадались действительно полезные вещи. Очень ценной находкой оказались несколько винтовок с оптическим прицелом. Маскировочная сеть тоже лишней никогда не бывает. Стереотруба нужна для измерения дальности. Сначала я предложу ее нашим артиллеристам, а если у них такой прибор уже есть, то оставляю ее себе. Вот несколько коробок с осветительными ракетами. Берем их все, уж слишком часто приходится вести бой ночью. Рядом лежат какие-то непонятные кастрюли, которые меня сразу заинтересовали. Сняв с одной из них крышку, я обнаружил под ней промежуточная крышку с отверстиями и торчащую посередине трубку. Это устройство похоже на дымовую шашку. Немцам она не понадобилась, а вот нам очень даже может пригодиться.

А вот в темном углу лежит какой-то ящик. Заглянув внутрь, я обнаружил в нем странное устройство, имевшее кнопки, как у печатной машинки, только тут их было целых два комплекта. Заметив, что боковая крышка тоже открывается, я откинул ее и увидел непонятные разъемы и провода. Недоуменно рассматривая этот артефакт, я задумался, что же это такое может быть. Но после осмотра на свету стало ясно, что это «Энигма». Та самая шифровальная машинка, которую так стараются добыть американцы в своих фильмах.

Интересно, откуда она взялась? Вроде бы «Энигмы» полагались только шифровальным отделам дивизионного уровня. Но когда наша артиллерия уничтожила штаб 102-й дивизии, там ничего похожего не нашли. Взрывы снарядов или уничтожили ее, или засыпали землей. Ну а эта машинка, которой посчастливилось уцелеть, скорее всего, находилась в штабном автобусе, попавшем под обстрел.

Вызвав старшину, заведовавшего всем этим богатством, я страшным шепотом приказал ему сейчас же спрятать от посторонних глаз это секретное устройство и отдать его только лично в руки особисту дивизии.

Дальнейший осмотр склада выявил наличие немецких противотанковых ружей. Прикинув, сколько к ним имеется патронов, я решил взять для батальона штук семь.

Старшина, после того как узнал, что за ценную находку ему светит как минимум медаль, проникнулся ко мне глубокой симпатией. Он достал свой грессбух и объяснил мне, какие ружья как называются и где изготовлены.

Наиболее многочисленные ПТР, как я и предполагал, были немецкими. Они назывались PZB-39. Конечно, это ружьишко дрянное, и для борьбы с танками оно не годится. Слишком

маленький калибр позволяет пробивать броню только у легкой техники, да и то на небольшом расстоянии. Даже прицельная дальность у него составляет всего четыреста метров. Но советские ПТР только начинают производить, и когда их нам пришлют, неизвестно. А на безрыбье, как известно, и рак рыба.

Еще в наличии были польские UR. Хитрые ляхи обозвали их так, чтобы создать впечатление о том, что они предназначены исключительно на экспорт в Уругвай. Но габариты у этого ружья слишком большие, к тому же я не был уверен в том, что немецкие патроны к нему подойдут. А вот чешскую MSS я забрал с удовольствием. Сделанная по схеме Булл-Ап, она выглядела футуристично, а главное, была короче немецкой сантиметров на сорок.

Нагрузив своих бойцов оружием, я без особой надежды поинтересовался у старшины, можно ли где-нибудь раздобыть зимнюю одежду на сотню человек. У меня появилась кое-какая задумка, которую хотелось испробовать. К счастью, оказалось, что этой ночью пришел эшелон с различной амуницией, и среди комплектов обмундирования были и теплые вещи. За ними мне пришлось идти в другой подвал. Бумажка, написанная адъютантом комдива, и здесь оказала волшебное действие. Я взял сто штук телогреек, ватных штанов и недавно появившиеся в армии шапки-ушанки. Кладовщик заодно хотел мне всучить валенки и шерстяные носки, но это в мои планы пока не входило.

Бойцы, увидев, что я для них взял, немного оторопели. Даже без прогнозов погоды было очевидно, что как минимум пару недель будет достаточно тепло.

– Неужели нас отправляют в партизаны? – недоуменно спросил кто-то из молодых бойцов.

– Куда надо, туда и отправят, – сердито перебил его сержант. – Бери, запас карман не тянет. Скоро по ночам холодать будет, а на передовой вещевых складов не бывает.

Запасшись всем необходимым, я отправился искать комбата, который уже должен был подъехать. Хотя у него и имелась рация, но секретные сведения по ней вряд ли сообщали, так что я смогу первым рассказать ему последние новости.

Выслушав мой доклад, Сергей приказал поднимать бойцов и выдвигаться к селу Василево, не дожидаясь, пока другие роты отдохнут. Я был с ним полностью согласен. Действительно, сейчас каждый час на счету.

Уже выходя из поселка, я вспомнил, что хорошо бы иметь при себе немного бензина или солярки. И костер можно быстро развести, и дымовую завесу устроить, а если понадобится, то и вражеский дзот запалить. Но волновался я напрасно. Сержант Стрелин, к которому я обратился с такой просьбой, заявил, что у его «пожарной команды» теперь всегда наготове заполненные канистры.

Еще меня волновал вопрос о распределении снайперских винтовок. Всех лучших стрелков мы назначили пулеметчиками, а давать снайпер-ку новичкам не очень хотелось. В конце концов, я взвалил проблему на взводных. Они должны лучше меня знать способности своих подчиненных. Раздав им по одной винтовке, четвертую я вручил Авдееву. Правда, у него уже есть автомат, но ничего страшного. Чем больше у него оружия, тем лучше он сможет выполнить приказ по охране бесценного объекта, то есть меня.

В Василево нас встретил комполка. Личному составу, уставшему после трехчасового перехода, он дал полчаса отдыха, а меня повел в свой штаб, по пути объясняя цели предстоящего наступления. Атаковать Торопец в лоб было нежелательно, так как немцы успели укрепиться на мостах через реку Торопа. Поэтому нам придется обойти с севера озеро Яссы, пройти через Лужи, где, по данным нашей разведки, врагов уже не осталось, и занять Городок. Когда мы дошли до штаба и я смог рассмотреть карту, оказалось, что «Лужи» и «Городок» это названия местных сел.

Батарея сорокапятков, которую нам обещали в поддержку, уже ждала здесь и была готова выступить. К ней прилагался корректировщик вместе с рацией, так что теперь мы сможем под-

держивать связь и с комбатом, и со штабом полка. Как я и надеялся, представителем артиллерии был Гусев, с которым мы уже успели сдружиться.

Рука лейтенанта была перевязана, зато на груди сверкал новенький орден Красной Звезды и еще медаль «За отвагу», которых раньше не было. Радиостанцию, которой он так гордился, заменила новая – тоже Топн, но другой модели. Поговорить с ним я смог, только когда рота опять двинулась в путь. Расположившись с комфортом в небольшой бричке, мы поделились последними новостями.

Как я и предполагал, орден Гусеву дали за уничтожение вражеского штаба дивизии, а медаль за разгром колонны. Такая оперативность нас немного удивляла, но если учесть, что подобные успехи на фронте сейчас большая редкость, то понятно внимание, которое уделили герою этих операций.

Когда я выразил обеспокоенность за судьбы наградных списков на мою роту, лейтенант меня успокоил. Комбриг Кончиц, который лично награждал артиллеристов, рассказал им по секрету, что у пехотинцев наградных листов очень много, поэтому им придется подождать, пока их все оформят.

В Лужах нас уже ждали несколько разведчиков, следивших за ситуацией. По их словам, в Городке немцев было всего человек тридцать-сорок при одном орудии. Изучив обстановку, Гусев заявил, что такую позицию лучше обстрелять гаубицами, и, прихватив рацию отправился с разведчиками в поисках высокого дерева, где-нибудь в километре от вражеских позиций. Как он меня заверил, маленькая царапина на руке не мешает ему опять залезть на самую вершину, откуда всё будет видно.

Я тем временем составлял план атаки. Особо мудрствовать тут не приходилось. Слева от нас берег озера, справа большое болото. Промежуток между ними был примерно метров пятьсот. Отойти далеко от дороги в этой заболоченной местности было нельзя, и приходилось атаковать прямо в лоб, а значит, вся надежда возлагалась на огневую мощь.

Исходный рубеж для атаки я назначил у бутылочного горлышка, начинавшегося между двумя болотами. Бойцам заранее приказал натянуть ватники, а под каски надеть шапки, и теперь даже стоя на месте, они обливались потом. Что будет, если придется бежать, лучше даже не думать. Но зато толстая ватная одежда может останавливать маленькие осколки, пули МП-40 на большом расстоянии, а также помогает смягчать ударную волну от взрывов мин и гранат. Так что действительно лучше семь раз покрыться потом, чем один раз инеем.

Я надеялся, что наши передвижения останутся незамеченными, так как мы старались двигаться среди кустов и деревьев. Густые заросли заканчивались метрах в пятистах от села. Там, среди крайних деревьев, я и решил установить пулеметы и ротные минометы. Конечно, нежелательно устанавливать минометы прямо на передовой, но стрелять из них в лесу нельзя, так как мина может попасть в ветку и детонировать прямо над головой расчета. Оставить же их на открытой местности позади нас не позволяла дальность выстрела, составлявшая восемьсот метров.

По договоренности с Гусевым артиллеристы начнут огонь через пять минут после того, как мы подойдем к выбранной позиции. Как он и обещал, гаубичный полк помог нам, сделав пару шестиорудийных залпов. Я уже довольно уверенно мог сказать, что работали 105-миллиметровые трофейные гаубицы. Свою задачу они выполнили. После первого залпа, разметавшего всю маскировку, стала видна немецкая пушечка, до этого тщательно укрытая ветками. Второй залп подбросил ее в воздух. В бинокль было видно, как от нее отлетели колесо и какие-то детали.

Чтобы раскрыть позиции немцев, я приказал начать обстрел из минометов и нескольких пулеметов. Немцы клюнули на эту нехитрую уловку и принялись усердно палить в ответ. Ну, а как только вражеские стрелки обнаружили себя, я разрешил стрелять всем, кто видит цель.

Сорокапятки из батареи поддержки тоже не оставили немцев без своего внимания. Я уже имел возможность убедиться в профессионализме Гусева, и сейчас он тоже не подкачал. Артиллерийский огонь, который корректировал лейтенант, был точным и очень эффективным.

Вот теперь настало время для наступления. Как правильно нужно действовать, если немцы не захотят покинуть деревню, я не знал, но в принципе ситуация не оставляла мне выбора. Сидя в зарослях, можно спокойно обстреливать окраину села, но чтобы занять его целиком, нам все же придется идти в атаку. Для этого я выделил два взвода – второй и третий. Они должны были идти вперед справа и слева от дороги, а затем, обогнув село с двух сторон, взять врага в кольцо. Первый взвод и все тяжелое вооружение оставались со мной в качестве резерва. Имея большое количество автоматов и несколько легких чешских пулеметов, атакующие вполне могли выполнить поставленную задачу. А после того, как фашисты оставят окраину села, мы сможем подтянуть туда основные силы и окончательно вытеснить их из Городка.

Чтобы не подставляться под вражеские пули и заодно не перекрывать сектор обстрела наших пулеметов, все расстояние до ближайших строений бойцам предстояло преодолеть ползком. Наиболее трудный участок достался младшему лейтенанту Кукушкину. Он представлял собой узкую полоску земли между болотом и дорогой, упиравшуюся прямо в крайние дома. Тянувшиеся справа низины с жидкой грязью, а местами и с открытой водой, не позволяли провести обходной маневр, и солдатам пришлось залечь. Дальше они смогли двинуться только после интенсивного обстрела немецких позиций из всех видов оружия. Хотя вражеский огонь был достаточно редким, но один из бойцов отстал от остальных. В бинокль я рассмотрел, как, прикрывшись от возможного обстрела небольшой кочкой, он одной рукой неуклюже перебинтовывал себе плечо.

Более успешными были дела у взвода Стрелина, наступавшего на левом фланге. Имея место для маневра, он смог зайти в тыл обороняющимся и огнем полутора десятков автоматов вынудил их оставить свои позиции.

Хотя немцы видели, что на нашей стороне полное преимущество, как численное, так и в вооружении, но будучи очень дисциплинированными солдатами, отступать без приказа не спешили. Они отошли в глубь села и из-за укрытий обстреливали наступающих. Когда я убедился, что все огневые точки с нашей стороны были подавлены, то поднял последний взвод и бойцов с ручными пулеметами. Короткими перебежками мы стали передвигаться к Городку. Наше маленькое наступление прикрывали станковые пулеметы и минометчики. К счастью, стрелять нам больше не пришлось.

Поняв, что окружение неизбежно, немногочисленные враги, оставшиеся в живых, так поспешно ретировались, что даже бросили своих раненых. Впрочем, они физически не могли забрать с собой своих товарищей, так как невредимых солдат у фрицев осталось очень мало. Забравшись на крышу сарая, к которому была приставлена лестница, я рассмотрел в бинокль семь-восемь фигурок, поспешно бегущих по направлению на юг. Рядом грохнул выстрел, заложив мне ухо, и через секунду одна из фигурок споткнулась и, упав, больше не встала. Остальные бросились врассыпную, не остановившись, чтобы помочь раненому. Опустив бинокль, я увидел, что стрелял ординарец, все время следовавший за мной.

– Унтер, – коротко пояснил он, продолжая внимательно рассматривать окрестности через оптический прицел.

– Как же вы это определили на таком расстоянии?

– Он постоянно рукой размахивал и подгонял остальных. Теперь оставшиеся в живых фрицы разбредутся и не станут устраивать нам засаду.

Убедившись, что опасности нет, я начал принимать доклады и подводить итоги боя. Потери, если говорить циничным казенным языком, мы понесли вполне приемлемые. Было

ранено два бойца, шедших в атаку, и минометчик. Один из раненых, попавший в засаду в самом конце боя, умер еще до того, как мы смогли донести его до ближайшей избы. Но состояние двух других не внушало опасений. Они были наскоро перевязаны, а дальше ими займется медвзвод, который скоро должен подойти. Убитых и раненых врагов мы нашли больше трех десятков, и это не считая тех, которых разметало прямыми попаданиями снарядов.

Местные жители, вышедшие на улицу, когда стало ясно, что вернулись свои, теперь с интересом рассматривали мое утепленное воинство. Видимо, потом родится легенда о некой Сибирской дивизии, красноармейцы которой спешно прибыли сюда из заснеженной тайги прямо в ватниках и зимних шапках.

Признав командира, ко мне подошел шустрый старичок, несший на плече трофейный карабин, который он успел приватизировать.

– Вы, сынок, надолго сюда пришли, а то может, нам в леса надо уходить?

Обманывать не хотелось, но и секретную информацию о планах командования раскрывать было нельзя, поэтому я ограничился полуправдой:

– Скоро немец перебросит сюда резервы, и здесь начнутся тяжелые бои. Поэтому вас всех постараются эвакуировать.

– А куда, не знаешь ли?

– Наверно, в Горьковскую область. Вот отгоним фашистов подальше на запад, тогда и вернетесь обратно.

– А есть у наших войск чем воевать-то? Вон у вас все винтовки трофейные. – Старичок-то, наверно, не одну войну прошел, в оружии разбирается.

– Не бойся, диду. Мы всю военную промышленность из западных областей смогли эвакуировать. Теперь эти заводы заново построили за Уралом, и они штампуют оружие в огромных количествах. Так что общее наступление не за горами.

– Ох, скорей бы, – вздохнул пенсионер. – Ты видел, что тут эти изверги творят?

– Видел. А вы пока готовьтесь встречать гостей, скоро еще наши подойдут.

После боя я разрешил бойцам снять ватники. Пока моя задумка себя не оправдала, но ведь нам не пришлось попасть под минометный или артиллерийский обстрел. До гранат дело тоже не дошло. Так что я твердо вознамерился и дальше изнурять солдат ненужными, на их взгляд, теплыми вещами.

Связавшись по гусевской рации с комбатом, я доложил ему о выполнении приказа и попросил разрешения продвигаться на юг. Пока немцы не успели подготовиться к обороне, нужно пройти как можно дальше. Основные силы батальона уже были на подходе к Лужам и появятся здесь не позже чем через полчаса, но на всякий случай я оставил в селе один взвод. Мало ли, вдруг из леса неожиданно выскочат немцы и опять займут Городок, пока там никого не будет.

Послав вперед группу разведчиков, усиленную тремя пулеметами, я поручил им разузнать обстановку в Федьково – следующем селе, лежащем на пути в Торопец. Оно располагалось немного в стороне от дороги. Поэтому, в принципе, если войск там много, то можно попробовать просто пройти мимо и двигаться дальше к мостам, которые являются основной целью для нашего батальона. Если гарнизон села попробует атаковать нас, то огневой силы роты вполне хватит, чтобы справиться с ними в открытом поле. Но все-таки желательно немцев из Федьково выбить.

Выслав вперед головной дозор, рота, выстроившись в походную колонну, двинулась на юг. Артиллерийскую батарею мы с Гусевым, посоветовавшись, решили взять с собой. При стрельбе прямой наводкой от маленьких сорокапятков пользы будет намного больше, чем если они попытаются работать с закрытых позиций. Пройдя половину пути, рота остановилась, не доходя до поворота дороги. Небольшой лесок, росший здесь, должен был закрывать нас от вражеских наблюдателей, и мы могли спокойно дожидаться разведанных. Кое-какие сведения у

меня уже были. Дальше к югу озеро Яссы суживалось, постепенно переходя в реку, и с восточного берега можно было рассмотреть укрепления, которые спешно возводились фрицами весь день. На карте, которую мне дал комполка, были обозначены обнаруженные пулеметные точки. Почти все они направлены на восток, и для нас опасности не представляли.

Информация, принесенная разведчиками, обнадеживала. Правда, это село больше по размерам, чем предыдущее, и гарнизон, который в нем успели расположить немцы, составлял не менее полсотни солдат. Но зато артиллерии нигде не было видно. Как и следовало ожидать, узкий проход между двумя болотцами, прикрывавшими подходы к селу, охранялся блокпостом с пулеметом. Но для нас он особой опасности не представлял.

Получив примерное представление о системе обороны села, уже можно было составить план наступления. Одно отделение с двумя пулеметами я послал в обход болота, находящегося на левом фланге. Оно должно подойти к Федьково с севера и своим огнем отвлечь немцев от направления главного удара. За судьбу бойцов можно было не волноваться. Хотя дальше деревья редели, но для десятка человек укрытий имелось более чем достаточно. Прикрытое с одной стороны озером, а с другой непроходимым болотом с открытой водой, отделение при необходимости сможет выдержать атаку всего немецкого гарнизона.

Тем временем основные силы начнут обстрел с западной стороны. Имея за спиной озеро и атакуемые с двух сторон, немцы обязательно догадаются, что им лучше свалить из села подальше, пока мы не замкнули кольцо окружения. Для этого я любезно оставляю им проход. Конечно, лучше бы не выдавливать противника, а окружить и полностью уничтожить, если он не захочет сдаваться. Но сейчас для нас главная задача – это выиграть время. Мы не можем позволить себе тратить его на осаду небольшого гарнизона. Это все-таки не Троя, и нас ждут дела поважнее.

Бой был достаточно скоротечным. Немцы на блокпосту, получив несколько подарков от минометчиков и артиллеристов, артачиться не стали и тут же слиняли, бросив исправный МГ. А дальше для фрицев начался настоящий праздник.

Откуда-то издали били наши гаубицы, обрабатывая заранее разведанные дзоты. Отделение, завершившее обход, стреляло, не жалея патронов, пытаясь симитировать атаку как минимум роты. Батарея сорокапятков и часть пулеметов, которые я оставил рядом с ней, не давали немцам поднять головы. Так как боеприпасы у нас все-таки не резиновые и должны были когда-нибудь закончиться, то мы не стали ждать окончания артподготовки. Бойцы спустились в придорожную канаву и, пригнувшись, гуськом побежали на юг вдоль насыпи, которая здесь достаточно высокая, чтобы за ней можно было укрыться.

На этот раз я шел вместе со всеми, так как обстановка достаточно сложная, и требовалось мое непосредственное участие в руководстве операцией. Через полкилометра мы поравнялись с центром села, и здесь нам пришлось вылезти из канавы. Рассыпавшись цепью, рота короткими перебежками постепенно приближалась к Федьково. Я заранее приказал, чтобы метров за четыреста от возможных оборонительных позиций все перешли на передвижение ползком.

Противник вяло постреливал в нашу сторону, и я уже настроился на оптимистичный лад, но тут раздался один из самых неприятных звуков, который только можно услышать на войне. Это вой летящих мин. Когда смерть падает на тебя сверху, от нее нельзя спрятаться ни в яме, ни в окопе, и для ползущей в открытом поле пехоты минометный обстрел зачастую опаснее пулеметного.

Видимо, минометы были где-то хорошо спрятаны, и разведка не смогла их своевременно обнаружить. Время, проведенное под обстрелом, показалось мне часами. Между грохотом взрывов были слышны крики сержантов, подгонявших бойцов. Я на автомате тоже кричал, чтобы никто не останавливался, это все равно не поможет. Пристрелявшись, минометчики легко накроют неподвижно лежащих солдат, а так у нас будет хоть какой-то шанс.

Еще сильнее, чем свист падающих мин, меня раздражал противный запах тола. До сих пор я относился к едкой вони сгоревшей взрывчатки равнодушно, считая его само собой разумеющимся фоном войны, как, например, зарево пожарищ или вездесущие воронки. Но сейчас, когда несущиеся с неба смертоносные кусочки металла старательно искали меня, а я их не видел, именно тяжелый запах, оставшийся после взрывов, был напоминанием о том, что смерть где-то рядом, что она никуда не делась.

Мы изо всех сил ползли вперед, стремясь уйти из-под обстрела, при этом еле сдерживаясь, чтобы не вскочить и не перейти на бег. Если бы впереди были видны хоть какие-нибудь цели, мы могли бы открыть по ним огонь и выплеснуть напряжение и злость, не имевшие выхода.

Несколько оглушительных громовых раскатов, раздавшихся со стороны домов в полукилометре от нас, заставили всех замереть на несколько секунд. Когда они стихли, зловещий свист больше не повторялся. Как я потом понял, по нам было выпущено не больше двух десятков мин. Едва только Гусев заметил, откуда они летят, гаубичная батарея, которая уже пристрелялась по селу, мгновенно среагировала на его просьбу и сделала удачный залп, заставивший минометы замолчать.

Убедившись, что на нас больше ничего не падает, я оглянулся назад и с облегчением увидел, что пострадало только два человека, и оба они еще живы. Отправив ближайших бойцов на помощь раненым, я осмотрел село. Там начиналось какое-то движение – забегали фигурки в серой форме, проскакала пара всадников, громко затарахтел мотоциклетный двигатель. Общее направление движения немцев было на юг, так что на организацию контратаки это никак не походило. Скорее, напоминало неорганизованное бегство.

Очевидно, что мой план все-таки сработал. Потерявшим свой последний козырь и прижатым к берегу озера фашистам ничего не оставалось, как отходить. Несколько человек смогли спрятаться от своих командиров и теперь, бросив оружие и достав какую-нибудь белую тряпку, выходили с поднятыми руками.

Довольные успешно завершенной операцией бойцы весело переговаривались и смеялись, оглашая окрестности громовыми криками «Ура».

Младлей Кукушкин, который сегодня впервые побывал в бою, прямо светился от счастья. Он подошел ко мне и робко спросил:

– Мы теперь всегда будем так наступать, товарищ старший лейтенант?

– Только если сможем заставить противника врасплох и будем обладать преимуществом в огневой мощи. Вот в начале войны немцы именно так и наступали.

– Ну, теперь настала наша очередь, – без тени сомнения заявил Кукушкин.

– Настанет, лейтенант, обязательно настанет. И не только для нашей части, но и для всей Красной армии. Но только не прямо сейчас, а чуть попозже. А пока нас ждет серьезное контрнаступление немцев, к которому они хорошо подготовились.

Впрочем, мы тоже неплохо подготовились, накопив за последние дни не только оружие, но и крупный опыт. Даже минометный обстрел, под который мы попали, сослужил хорошую службу. Теперь бойцы на личном опыте убедились, что ватная одежда защищает от ударной волны и мелких осколков, даже когда 50-миллиметровая мина взрывается всего в нескольких метрах.

Дальше на юг я наступать не собирался. Там находились хорошо охраняемые автомобильный и железнодорожный мосты, и соваться туда одной ротой довольно неразумно. К тому же все нуждались в отдыхе. Помимо участия в двух боях, бойцы еще проделали с утра путь в полсотни километров, причем половину из них пешком, а другую половину – на обычных телегах, трясущихся на каждой кочке. Поэтому, выставив посты и снова выслав вперед раз-

ведку, я разрешил всем отдыхать. Повалившись на землю прямо там, где стояли, солдаты сразу уснули, сжимая во сне оружие.

Наш батальон, подошедший сразу после боя, промаршировал дальше по дороге, не заходя в село. Прибывший посыльный от старшины Свиридова, которого я оставил в Городке, рассказал, что помощь немного задержалась из-за авианалета, под который им не повезло попасть. Особых потерь не было. Два «мессера», которые случайно заметили колонну, сбросили по бомбе и улетели. Но пришлось тратить время на сталкивание с насыпи останков разбитого грузовика и закапывание воронок, так как объехать их не было никакой возможности.

Весь вечер и большую часть ночи мы отдыхали, даже не утруждая себя сбором трофеев. Собрали только бинокли, чтобы они имелись не только у командиров отделений, но еще у всех снайперов и в пулеметных расчетах. Бойцы потихоньку переместились на сеновалы и в дома местных жителей и теперь удобно лежали на сене, а то и на кроватях. Просыпались они только для того, чтобы открыть очередную консервную банку из сухпайка и, не успев доесть, засыпали снова. На грохот боя, доносившийся до нас со стороны Торопца, никто внимания не обращал.

Глава 11

25 сентября

Еще затемно нас подняли по тревоге. Посыльный из штаба батальона, которого прислал Иванов, требовал выступать немедленно. Несмотря на трудности предыдущего дня, все чувствовали себя достаточно бодрыми, так что всего через десять минут рота выходила на дорогу. На перекрестке нас уже ожидал взвод Свиридова, к которому приказ пришел еще раньше.

По дороге посыльный в двух словах разъяснил обстановку. Вчера наш батальон зашел в тыл немецкой роте, охранявшей автомобильный мост, и при поддержке артиллерийской батареи и гаубичного дивизиона, стрелявшего с той стороны реки, вынудил врагов отступить. Охрана следующего моста, по которому проходила железная дорога, связываться с ними не стала, так как в этом уже не было смысла – на этот берег уже переходили другие подразделения нашего полка. Сколько там фрицев погибло, сколько хендехохнуло, никто не считал, так как нашим было не до этого.

Полк направился дальше и засветло вышел к железнодорожной станции Торопца, находившейся на северной окраине города, которая и являлась целью нашего наступления. Особого сопротивления пока не встречалось. По дороге попался немецкий взвод, спешивший на защиту мостов, но его обстреляли из пулеметов и, не останавливаясь, прошли дальше. На самой станции пришлось уже применить артиллерию, но и здесь бой продолжался недолго. В самом городе немцы успели оборудовать огневые точки, и штурмовать его было бы непросто. Но к счастью, приказом нам предписывалось только блокировать железнодорожные пути, чтобы сделать невозможным выгрузку эшелонов с подкреплением.

В этом болотистом крае насыпь железной дороги очень высокая, и разгружать технику немцы смогут только на следующей станции километрах в пятнадцати отсюда. Разумеется, лишь после того, как мосты будут отремонтированы.

Таким образом, наш полк свою боевую задачу выполнил. Но вот другим двум полкам нашей дивизии повезло меньше. Им пришлось наступать с юго-востока, через перешеек между озером Соломенным и болотом. Немцы успели заминировать этот узкий проход и сосредоточить здесь все резервы, которые только смогли наскрести. Именно это обстоятельство позволило нашему батальону так быстро прорваться к городу с минимальными потерями. Чтобы выполнить задачу, комдив распорядился бросить в наступление и наш полк.

До города оставалось километра четыре, и уже через час мы подошли к Ремзаводу, расположенному на северной окраине, где сосредотачивался перед атакой наш батальон.

Комбат вкратце описал нам задачу предстоящего наступления: Пока основные силы фашистов находятся на другом конце города, у нас есть возможность неожиданным ударом прорваться в глубину обороны противника и ударить ему в спину. Если нам удастся захватить мосты через реку Торопец, то тем самым мы перережем последнюю линию снабжения, которая осталась у фрицев. После этого уничтожение или сдача в плен вражеского гарнизона станет неизбежным.

В настоящее время от немцев очищено несколько зданий к югу от железной дороги, а дальше начинается территория, контролируемая противником. По ней нам предстоит пройти почти два километра. Правда, высотной застройки здесь нет, и дома в основном одно-двух-этажные. Но зато все здания кирпичные, с толстыми стенами, и выбивать из них фашистов будет очень непросто.

Типографских карт у нас, естественно, не было. Те, что раздали, были самодельными, начерченными от руки, причем, по моему впечатлению, это были как минимум десятые копии оригинала. Ни о каких точных масштабах и пропорциях на них и речи не могло идти. Но, по крайней мере, там были указаны названия улиц, как старые, так и придуманные оккупантами.

Предусмотрительный комполка нашел жителей города, которые знали все эти новые названия. Старшина достал из своих запасов несколько листов разного размера и цвета, на которые командиры взводов и отделений стали лично перерисовать план города.

Моей роте достался квартал на самом краю Торопца, расположенный между улицами Кутузова и Широко-Северной. Он включал в себя четыре длинных дома, выходящих торцами на проспект Калинина. Слева от меня будет наступать вторая рота, а справа – третья, которой предстоит обойти город с запада. Разведку боем нам предстоит провести самим, и если численность противника окажется небольшой, то атаковать с ходу. Для огневой поддержки роте придали взвод противотанковой артиллерии, состоящий из двух сорокапятков. В случае необходимости можно затребовать помощь батальонных минометов или полковой артиллерии, но для этого сначала нужно будет протянуть линию связи, чтобы скорректировать огонь. Конечно, артиллеристы посадили наблюдателя на водокачку, но до нее от места боя не меньше двух километров. Пока делегат связи туда добежит, ситуация успеет десять раз поменяться. Да и неизвестно, сможет ли корректировщик разглядеть что-нибудь сквозь дым от пожаров, который уже начал заволакивать город.

После захвата первой цели комбат поставит новую задачу в зависимости от обстановки. Резервов у него почти не оставалось, и в случае, если мы столкнемся с сильным сопротивлением, надо будет провести перегруппировку сил и ударить одной-двумя ротами по уязвимому месту противника. Хотя Сергей держал себя в руках, но я видел, что его немного трясло. Все-таки одно дело занимать оборону или захватывать небольшие деревни, и совсем другое вести наступление в городе со множеством каменных строений, где каждое здание может служить дотом. Рядом с Ивановым все время держался незнакомый лейтенант, назначенный начальником штаба батальона. Он внимательно слушал командира и записывал все, что он говорил, но сам все время молчал.

Поймав наши заинтересованные взгляды, направленные в сторону новичка, комбат пояснил:

– Только вчера назначили начштабом, он еще неопытный. Так что к нему пока обращайтесь лишь по вопросам снабжения.

Оговорив места сбора раненых и пункты боепитания, которые будут меняться по мере продвижения батальона вперед, мы стали готовиться к выдвиганию на рубеж атаки, так как уже начинало светать.

Пока мы совещались, красноармейцам раздали патроны, которыми они успели снарядить пустые магазины и пулеметные ленты. Достав из подсумков запалы, аккуратно завернутые в холстины, бойцы снарядили гранаты. Те же разгильдяи, кто вчера поленился их разрядить, теперь получали заслуженный нагоняй.

Я еще раз напомнил всем командирам отделений основные принципы войны в городе. Конечно, реального опыта боев в плотной застройке, кроме пейнтбольных игр и компьютерных стрельбок, у меня тоже не было. Но некоторые теоретические знания все-таки имелись.

– Перемещаться от укрытия к укрытию всегда только бегом, с максимально возможной скоростью и обязательно пригнувшись. Прежде чем куда-нибудь бежать, сначала отметьте для себя места возможных укрытий на маршруте. На улицах и в помещениях старайтесь держаться спиной к стене. Не забывайте выставлять на крыши и верхние этажи зданий пулеметы и своих лучших стрелков. Бой вам придется вести маневренный, и без радиостанций оперативно управлять взводами я не смогу. Поэтому командирам взводов и отделений часто придется принимать решения самим, по обстановке. При передвижении обязательно прикрывайте друг друга. Если видите, что нельзя наступать в лоб, попробуйте обойти дом с другой стороны или пройти по крыше. Фрицев здесь мало, и обороняться сразу по всем направлениям они не смогут. Пользуйтесь тем преимуществом, что у нас высокая насыщенность автоматическим оружием. Но чтобы эффективно его использовать, стройте боевые порядки так, чтобы в бою

принимали участие одновременно все ваши огневые средства. По возможности, применяйте залповый огонь всем взводом, чтобы противник запаниковал и отступил.

Все это я им уже рассказывал, но у нас не было времени потренироваться, поэтому нелишним было повторить свои наставления еще раз.

– Гранаты не экономьте, если даже немца не убьет осколками, то оглушит взрывом, и это даст вам время для продвижения вперед. Поддерживайте контакт с артвзводом, он нам очень пригодится. Активно пользуйтесь дымовыми завесами. Стреляйте во все, что движется, но с подвалами повнимательнее, там сейчас прячутся наши мирные жители.

Закончив с инструктажем, я выслал вперед одно отделение в качестве разведки, и вслед за ними двинулись все остальные. У противника наверняка имелось много наблюдателей, сидевших на колокольнях церквей, которых в Торопце насчитывалось не меньше десятка. Чтобы остаться незамеченными для них, наша рота прошла примерно километр вдоль железнодорожной насыпи и перебралась через нее в том месте, где ее закрывали высокие стены какого-то склада.

Ближайшие к железной дороге строения простреливались нашей артиллерией, и немцев там не было. Если в них и сидели наблюдатели, то они поспешили скрыться, когда заметили наше продвижение. Несколько бойцов проверили эти дома и подали сигнал, что все чисто. Одно из этих зданий, выходящее на Широко-Северную улицу, я наметил для себя как командный пункт. В нем, а также в доме справа установили все станковые пулеметы, имевшиеся в наличии, и находился один взвод, который я оставил в качестве резерва. Здесь же расположилось одно отделение соседей, которое держало под прицелом свой участок прорыва.

В первом эшелоне шли два взвода, разбившись по отделениям. Наступление вели сразу по трем улицам. Бойцы шли вдоль домов, держа под прицелом противоположное здание, и таким образом группы прикрывали друг друга.

Вскоре забухали гранаты, которые солдаты кидали в окно или в дверь подъезда, прежде чем туда зайти. По моим подсчетам, гранат в роте имелось не меньше пятисот штук, и еще несколько сотен нам могут выделить, если понадобится.

Бойцы попробовали сунуться на крыши домов, но оттуда их быстро согнал вражеский пулеметчик, засевший на колокольни церкви в центре города. Видя такое безобразие, Авдеев взял свою снайперку и полез на чердак. Вернулся он минут через десять довольный, несмотря на то что лицо и руки у него были исцарапаны кирпичной крошкой, выбитой немецкими пулями из стены дома.

Мои резервы, которые я оставил на крайний случай, быстро таяли. По мере того как группы бойцов продвигались все дальше, их боевые порядки растягивались. Каждый раз, когда им удавалось подавить вражеский огонь, они сразу пользовались этим для очередного броска вперед. Но занятые дома нужно было тщательно зачистить, проверяя каждую комнату. Поэтому приходилось выделять все новых и новых бойцов. Соседи справа, которым предстояло совершить глубокий охват противника, также просили помочь им, чем можно. Появились и первые раненые, которых надо было перевязывать и отправлять дальше в тыл. Пулеметные расчеты один за другим также перемещались ближе к месту боя. Последним разобрал свою машинку и побежал за остальными расчет «максима». Телефон нам наконец-то провели, но оказалось, что пока тянули провод, его уже успело где-то перебить. Пока связисту перематывали раны, полученные от осколков шальной мины, он рассказал, что хотя у нас много трофейного телефонного кабеля, пришлось искать наш. Многие бойцы, видя в захваченном фашистами городе немецкий провод, спешат его перерезать, не разбираясь, откуда и куда он тянется. Телефонисту я тоже выделил автоматчика для охраны, и они побежали искать разрыв на линии.

Так и получилось, что не успел я оглянуться, как вскоре со мной осталось только три человека. Даже Авдеев заявил, что принесет мне больше пользы, отстреливая вражеских командиров и пулеметчиков, чем сидя на командном пункте. Он уже успел прославиться среди

наших бойцов как отличный снайпер, сняв с двухсот метров фрица, прикрывавшегося двумя женщинами, которых эта мразь использовала как живой щит.

В общем, начало наступления было вполне обнадеживающим. Не ожидая с нашей стороны подвоха, немцы оставили с северной стороны города только небольшое прикрытие. Поэтому захват квартала прошел сравнительно легко и без больших потерь. Примерно через час все кварталы к северу от улицы Калинина уже были зачищены от противника. Лишь кое-где фашисты еще продолжали прятаться в подвалах, не представляя для нас особой опасности. Но вот продвигаться дальше уже стало трудновато, так как на перекрестках появились немецкие танки. Планировка улиц в следующих кварталах была прямолинейной, и это позволяло фашистам простреливать их насквозь. В полосе наступления нашего батальона ближайшим таким перекрестком было пересечение улиц Богдановича и Ленинградская¹⁷, на котором стояли уже знакомая мне самоходка STUG-3 и немецкая полковая пушка, укрытая мешками с песком. Метрах в трехстах дальше, на улице Октябрьской, виднелся легкий Pz-2. Рядом с ним также была оборудована огневая точка, укрытая небольшой баррикадой.

Если бы танки пошли в наступление, то в городе они были бы обречены – наши бойцы легко забросали бы их гранатами из окон. Но немцы все сделали тактически грамотно. Ближайшие к ним дома занимала пехота, не давая противнику подойти на расстояние броска гранаты. Танки и орудия, в свою очередь, контролировали подступы к домам, препятствуя нашей артиллерии выдвинуться на прямую наводку, о чем свидетельствовали разбитые пушечки, лежащие на перекрестке. Со своего наблюдательного пункта я видел, как артиллеристы выкатывали свои сорокапятки под прикрытием дымовой завесы, которую устроили мои пехотинцы. Едва только клубы дыма немного рассеялись, как самоходка своими трехдюймовыми снарядами сразу расстреляла наши пушки, успевшие сделать только один выстрел, и похоже, что безрезультатно.

Если бы у нас имелись средние или тяжелые танки, то было бы намного проще. Но те две «тридцатьчетверки», которые участвовали в наступлении, сейчас находились на противоположном краю города и ничем нам помочь не могли. Трехлинейные противотанковые ружья, которые у нас имелись, против брони «штуги» были бесполезны, как и ротные минометы, а от огня полковой артиллерии ее закрывали стены домов.

Постаравшись успокоиться, я попробовал логично обдумать ситуацию. Сидя в захваченных домах, рота сможет продержаться достаточно долго. Оттянув на себя часть вражеских сил, мы тем самым отчасти поможем своим войскам, штурмующим город с другой стороны. Но все равно наступление по узкому, насквозь простреливаемому открытому участку местности будет стоить им больших потерь. Если мы не захватим мосты через реку сегодня, то к немцам подойдут подкрепления, и они сами перейдут в наступление. Поэтому нужно продолжать продвижение вперед и желательно прямо сейчас. Вражеские солдаты уже начали перегораживать улицы баррикадами из бревен и камней. Если дать им время укрепиться, то нам придется очень туго.

Значит, мне нужно оставить свой КП, собрать вместе хотя бы половину бойцов и выбрать направление главного удара, чтобы попробовать выйти к мосту. Если нельзя продолжать вести наступление широким фронтом, то пусть туда прорвется хотя бы небольшая группа солдат. Заняв круговую оборону в каком-нибудь здании, она сможет держать под контролем Базарную площадь, пока не подойдут наши основные силы. План трудноосуществимый, но ничего другого не придумывается. К счастью, проверить, возможно ли его выполнение, мне не пришлось, так как примчался запыхавшийся посыльный:

– Товарищ командир, лейтенант Гусев просит прислать несколько бойцов, пушку передвинуть. Артиллеристы придумали, как танк подбить.

– А они разве уцелели? Вон же обе сорокапятки на перекрестке лежат.

– Так там только одна наша, а другая из второй роты.

¹⁷ В настоящее время называется улица им. Еременко.

Оставив одного солдата на телефоне, ждать, пока починят провод, я взял последних бойцов, и мы, пригнувшись, побежали к Гусеву. Я все равно собирался переносить свой командный пункт ближе к месту боя. Чтобы прикрывать друг друга, мы разбились на две группы. Впереди бежали трое бойцов, а метрах в тридцати сзади мы с артиллеристом. По дороге нам то и дело приходилось падать на землю, когда слышались выстрелы, поэтому триста метров пришлось преодолевать минут десять.

План, который предложил лейтенант, был простой. Надо только снять с сорокапятки все ненужное, затащить ее на второй этаж дома и оттуда подбить самоходку. Вдвоем с оставшимся артиллеристом он откручивал гайки и отцеплял крепления. Снятый оружейный щит уже лежал в сторонке, но для дальнейшей разборки, а тем более для переноса пушки, требовалась помощь.

Подоткнув чурбачки под нижний станок и под ствол, артиллеристы стали снимать колеса. В скорости им могли позавидовать даже механики Формулы-1. Ловкими движениями Гусев вынул проволоочное кольцо, снял колпак ступицы и вытащил шплинт. Еще несколько движений, и он, потянув колесо на себя, аккуратно снял его с оси.

Как только отцепили первую станину, трое бойцов схватили ее и потащили к дому. Дверь подъезда была завалена, поэтому им пришлось сначала пропихнуть двухметровую трубу в окно, а уже затем искать проход внутрь дома. Когда троица вернулась, их уже ожидала вторая станина. Тем временем мы с Гусевым подхватили колеса, второй артиллерист взял знакомые мне лотки со снарядами, и мы начали затащить все хозяйство в окно.

Закончив с мелочевкой, вшестером подхватили саму пушку, вернее то, что от нее осталось. Хотя артиллерист уверял нас, что она весит всего килограммов триста с гаком, но мне казалось, что этот гак тянет еще килограммов на сто. Перевалив орудие через подоконник, мы перелезли туда сами и потащили дальше. Особо мучиться нам не пришлось. Длина ствола у сорокапятки только два метра. Без станин, со снятыми колесами и щитом ее можно было развернуть в самом узком коридорчике.

Затащив разукomплектованную пушечку по лестнице на второй этаж и даже не успев отдышаться, мы стали прикреплять все обратно, старательно пригибаясь, чтобы немцы не заметили нас через окно. Ствол маленькой сорокапятки располагался ниже уровня подоконника, поэтому под колеса подсунули доски и кирпичи. Размеры большой комнаты, из которой артиллеристы собирались стрелять, позволяли прикрепить станины, не высовывая ствол пушки в окно. Лучи солнца сюда еще не попадали, и у нас имелись хорошие шансы на то, что немцы не заметят наших приготовлений.

Надо сказать, позиция для стрельбы была выбрана отлично. Со второго этажа можно простреливать всю улицу, причем танк на дальнем перекрестке был как на ладони, его ничего не загоразивало. А если нам придется идти в атаку по этой улице, то пушка сможет стрелять по врагам поверх наших голов.

Приготовившись к стрельбе, Гусев прогнал из комнаты всю пехоту, резонно мотивировав свою просьбу тем, что скоро по этому окну немцы могут начать ураганный огонь.

Один из бойцов вызвался показать прекрасную позицию для наблюдения и повел меня на чердак. В крыше зияло несколько отверстий, пробитых осколками, и под одним из них лежал мешок с песком. Это место недавно занимал командир первого взвода, который теперь ушел дальше, а теперь оно идеально подходило для меня в качестве наблюдательного пункта.

Результат первого выстрела я посмотреть не успел. Под полом, немного в стороне, бухнула пушка, и через пару секунд дуплетом раздался второй выстрел. Когда я поднял бинокль и нашел перекресток, раздался третий выстрел. Огненный трассер протянулся в сторону перекрестка, но не к самоходке, а к пушке. Из мешков, прикрывавших вражеское орудие, взметнулся фонтан песка, и кто-то из оружейной прислуги отлетел в сторону. Взрыва не было, веро-

ятно, заряжающий готовил бронебойный снаряд для самоходки. Сквозь полуоглохшие уши, которые, как мне казалось, были забиты ватой, донесся крик Гусева:

– Осколочный! Не телься, щас как...

Емкая фраза, которая в нескольких словах объясняла, почему нужно торопиться заряжать орудие в условиях огневого контакта с противником, была прервана выстрелом, на этот раз более тихим. Я уже мог не глядя, только по звуку определить, что теперь стреляли осколочным. Результат выстрела получился красивым. В мешочной баррикаде, окружавшей огневую точку, взметнулся огненный фонтан. Не успел он опасть, как снова расцвел сполохами багрового пламени, поднявшимися выше соседнего дома. Плохо немцы укрыли боекомплект к своей пушке. Куски металла, камни, бревна, человеческие тела сначала подняло в воздух, затем разметало по всей улице или забросило на крыши домов. Когда все тяжелые предметы, вдруг научившиеся летать, наконец упали, в воздухе продолжала висеть густая завеса из смеси дыма и пыли. Что творится за ней, было не видно, но артиллеристов это не смущало, и снова рывкнул выстрел. После предыдущего громоподобного взрыва уши звенели так, будто в них звонят колокола, и пушечный выстрел донесся до меня как из-под земли. Трассер, сопровождавший полет снаряда, говорил о том, что стреляют бронебойным. Затем еще выстрел, уже без огненного следа – это опять осколочный.

Видеть танк наводчик орудия не мог, но назвать стрельбу бессмысленной нельзя. Цели находились примерно на одной линии, дальность Гусев знает, так что стреляет не наугад. Даже если не попадет, то напугает «двоечку» так, что она сама поспешит отсюда уползти, чтобы освободить нам проход. Но наконец-то мне повезло уловить момент уничтожения вражеского танка. Западный ветер отнес дым в сторону, и я успел заметить, как после очередного попадания танк вздрогнул и резко осел вниз, как будто придавленный огромный тяжестью. В тот же миг его маленькая, как будто игрушечная, башенка с такой же игрушечной пушечкой резко приподнялась и сползла с танка, упершись стволом в землю. Видимо, детонировал боекомплект, но мощности 20-миллиметровых снарядов не хватило для эффектного взрыва.

Успокоившись насчет Pz-2, я перевел бинокль на самоходку. Хотя «штуга» стояла неподвижно, но пламя из нее не вырывалось, и дымила она несильно. Не знаю, может, ее повреждения были и небольшими, но после серии взрывов экипажу наверняка приходится несладко.

Легкие на помине, немецкие танкисты откинули люки и стали выползать наружу. Только двоим из экипажа подбитой машины посчастливилось остаться живых, но и то ненадолго. Одна из фигурок в черном танковом комбинезоне изогнулась и повисла, свесившись из люка. Второй немец оказался проворнее и попытался откатиться в сторону, но спрятаться не успел и растянулся на дороге рядом со своей боевой машиной.

После уничтожения вражеских узлов обороны дело пошло веселее, и следующие два квартала мы захватили сравнительно легко. Увидев расправу над танками, немецкие солдаты, которые еще продолжали кучковаться в этом районе, предпочли отойти. Разрозненные группки фрицев, о которых докладывали бойцы, хаотично двигались в разных направлениях. Одни отступали к центру на соединение с основными силами, другие, наоборот, пытались вырваться из города. Чувствовалось, что единого командование у них уже не осталось.

На перекрестках теперь уже стояли наши орудия и пулеметы, пресекая попытки фашистов перебежать через улицу. Я видел, что некоторым это даже удавалось. Но большинство немцев, попытавшихся это сделать, остались лежать на дороге, срезанные пулеметной очередью. В связи с нашими успешными действиями появилась новая проблема. Сообразив, что Торопец окружен советскими войсками, и видя наше полное преимущество и в численности, и в вооружении, самые расторопные немцы стали бросать оружие и поднимать руки. Если раненых врагов мы просто добивали, чтобы они не могли выстрелить нам в спину, то с добровольно сдавшимися так поступить мы не могли.

Неожиданная помощь пришла со стороны местных жителей. Наблюдая из подвалов за ходом боевых действий, они заметили, что на улицах валяется немало бесхозного оружия, и поспешили подобрать его. Те торопчане, которым не досталось винтовок, подходили к нам и спрашивали, чем можно помочь. Отобрав несколько мужчин покрепче и поставив их под командование легкораненого бойца, мы поручили им отконвоировать пленных в тыл. Немцы чувствовали, что местное население, над которым они еще недавно издевались, не питает к ним никаких добрых чувств, и вели себя как паиньки.

Других добровольных помощников мы отправили таскать боеприпасы и помогать раненым. Несколько девушек-комсомолок заявили, что они умеют стрелять из винтовки, и на этом основании потребовали дать им оружие. Одна даже предъявила значок ворошиловского стрелка. Не выдержав настойчивого напора, я разрешил снайперше прикрывать второстепенное направление, выделив сектор для стрельбы, а ее разочарованным подругам пришлось довольствоваться должностью санитарок.

Несмотря на то что полоса наступления сузилась, бойцов почему-то все равно не хватало. Рядом со мной находилось одновременно не больше двух-трех человек. Это едва не стоило мне жизни, когда я в очередной раз менял позицию. В качестве следующего наблюдательного пункта была выбрана угловая квартира на втором этаже, где окна уже были заложены мешками с землей и заставлены мебелью.

Подкрадываясь между заборами и деревьями к нужному дому, мы не замечали ничего подозрительного, как вдруг короткая очередь заставила споткнуться бойца, идущего первым. Машинально выхватив из подсумка гранату, я бросил ее в ближайшее окно, не заложённое баррикадой, рассчитывая, что оно выходит в ту же комнату, где находится невидимый стрелок. За полсекунды до этого туда влетела «лимонка», брошенная вторым бойцом. Дикий, полный боли крик, последовавший за сдвоенным взрывом, подтвердил правильность наших расчетов.

Сколько врагов еще могло скрываться в здании, было неизвестно. По-хорошему нам следовало вернуться назад и позвать кого-нибудь на помощь. Но если мы отойдем от дома, то немцы, находящиеся в нем, легко смогут нас перестрелять. Поэтому ничего не оставалось, как попробовать ворваться внутрь. Мы с Филатовым, так звали уцелевшего бойца, не стали подходить к раненому, который уже успел откатиться к стене, а решили обогнуть дом с другой стороны. Оставалось надеяться, что многочисленная группа фрицев просочиться сюда не смогла бы, а нескольких человек недостаточно, чтобы занять круговую оборону.

Низко пригибаясь, чтобы нас не было видно из окон, и стараясь ступать как можно тише, мы обогнули угол и вышли к входной двери. Для большей эффективности желательно было ворваться внутрь сразу в двух местах. Бойцу я кивнул в сторону окна, оставив дверь себе. Вытащив гранаты, мы, не вставая, синхронно закинули их внутрь и зажали уши в ожидании близкого взрыва. Сразу, как только над головой пролетели какие-то обломки и последние осколки стекла, еще остававшиеся в раме, красноармеец запрыгнул внутрь, воспользовавшись моим плечом в качестве ступеньки.

Не желая отставать от него, я вбежал внутрь, щедро поливая все углы из автомата. С Филатовым мы встретились в коридоре, заваленном обломками мебели. Никого не обнаружив, в смысле живых, мы начали осматривать все комнаты, которых на первом этаже было только четыре. На этот осмотр нам понадобилось еще две гранаты и по одному магазину патронов.

Теперь оставалось проверить второй этаж. Выходить на лестницу, которая туда вела, было опасно, но другого выхода не оставалось. На мои способности гранатометчика надеяться на приходилось, поэтому роль швырятеля колотушки досталась Филатову. Встав под лестничным проемом, он выдернул запальный шнур и, досчитав до трех, выскочил вперед. Зашвырнув гранату на второй этаж, боец быстро юркнул обратно. Как только наверху грохнуло, наступила моя очередь выскакивать на лестницу. Я выпустил большую часть магазина в облако пыли и дыма, появившееся на месте взрыва, и, стараясь ступать как можно тише, прошел вперед.

Впрочем, с таким же успехом я мог демонстративно топтать, как слон. Взрыв в помещении, даже не полностью замкнутом и имеющем оконные проемы, гарантированно оглушит любого человека, находящегося поблизости.

Пыль стояла столбом, сильно ограничивая видимость, но планировка дома была достаточно простой. Здесь должен находиться угловой зал с окнами, выходящими на дорогу. Он представлялся наиболее подходящим местом для организации засады, устроенной немцами, поэтому поиски нужно было начинать с него. Глухой взрыв, донесшийся, видимо, с улицы, подтолкнул нас к дальнейшим действиям. После оживленного, но бесшумного диалога, состоявшего из размахивания руками и мотания головой, мы с Филатовым распределили обязанности. Мне предстоит закинуть гранату в помещение, а ему прикрывать меня сзади.

К счастью, дверь была открыта, вернее, она отсутствовала, и, подкравшись к ней поближе, я зашвырнул туда последнюю оставшуюся «лимонку», после чего тут же отскочил за угол, чтобы переждать взрыв в безопасности. Теперь следовало ворваться в комнату, стреляя во все стороны из автомата, но что-то меня останавливало. Я нерешительно топтался на месте, прислушиваясь к доносящимся из-за дверного проема шорохам и раздумывая, как лучше поступить. Конец моим сомнениям положил хлопок гранаты, раздавшийся из комнаты. Он заставил меня вскинуть автомат и дать очередь из-за угла раньше, чем я задумался, кто же это пришел мне на помощь. Тут в комнате снова рвануло, на этот раз сильнее, так что я буквально оглох. Но зато не приходилось сомневаться, что фрицев там хорошенько посеколо осколками, и теперь мне можно входить.

И действительно, два тела гитлеровцев, валявшихся на полу, еще подавали признаки жизни, но сопротивляться уже не могли. Судя по всему, один из солдат выдернул запальный шнур из своей колотушки, но бросить ее уже успел. Большое время сгорание запала немецкой гранаты, и колпачок, на отвинчивание которого нужно было тратить время, подвели своих владельцев. Швырни они ее сразу, то я успел бы отскочить за угол. Поэтому им пришлось выждать перед броском несколько секунд. А в бою эти секунды решали, кто погибнет, а кто останется жить. Пока мы исследовали здание, раненый боец, оставшийся во дворе, лежал, зажимая рукой рану на бедре, свободной рукой держа наготове автомат. Когда на землю рядом с ним упала брошенная из окна колотушка, он подполз к ней и, с трудом дотянувшись, отбросил ее подальше. Этот взрыв и привлек мое внимание, а когда я подстрелил немцев, они вдобавок подорвались на своей же гранате.

Тем временем подошла группа бойцов из стрелинского взвода. Сержант послал их проверить, что за стрельба началась у него в тылу. Теперь ситуация окончательно стабилизировалась, и можно было занимать выбранную позицию.

Устроившись, наконец, в наблюдательном пункте, доставшемся с таким трудом, я начал оценивать обстановку. Хотя для меня казалось, что к этому дому мы подошли очень давно, но на самом деле стычка заняла всего несколько минут. За это время существенных изменений не произошло.

И тут в привычные звуки боя – треск пулеметов, хлопанье пушек, разрывы гранат и буханье снарядов, вплелся очень неприятный гул. Он был еле слышим, но почему-то грохот сражения его не заглушал. Я никак не мог сообразить, что это такое, но тут громкий крик «воздух» разрешил этот вопрос. Вскоре стало ясно, что к городу подлетает не меньше двадцати «юнкерсов». Но на этот раз фашистские стервятники припозднились. Наши войска слишком далеко ушли от мест сосредоточения перед атакой, куда сейчас вываливались бомбы. Похоже, что корректировщика с рацией у врага не осталось, а самостоятельно определить с воздуха, кто есть кто, в этой мешанине было невозможно.

Заметив, что бомбы взрываются на пустом месте без всякого толка, немецкие пилоты попробовали найти цели самостоятельно. Конечно, это было логичное решение. Вот только отличить своих от чужих по вспышкам выстрелов довольно проблематично. Ситуацию усугуб-

ляло то, что наши бойцы перестали стрелять до окончания авианалета. Немецкие же солдаты, приободренные внезапной помощью, наоборот, принялись палить из всех стволов с удвоенным старанием. Наверно, их забыли предупредить об отсутствии авиационного наводчика. То, что иногда нужно сначала думать, а уже потом стрелять, немцы убедились, когда на них посыпались бомбы. Постепенно по всему городу наступило затишье. Обе стороны усердно прятались по укрытиям, чтобы не давать повода к бомбежке.

Но сюрпризы в воздухе еще не закончились. До сих пор мне не приходилось видеть нашу авиацию, а теперь, когда она была не очень то и нужна, появилось сразу три истребителя. Обернувшись на радостный крик наблюдателя к другому окну, я поднял бинокль, гадая, смогу ли отличить на большом расстоянии МиГ от «Яка». То, что это ни то и ни другое, стало ясно сразу. Древние бипланы с изогнутыми крыльями могли быть только «Чайками». Интересно, как они смогли уцелеть в горниле войны?

Несмотря на маленькую скорость и слабое вооружение, И-153 смогли задать немцам жару. Закрутив крутые виражи, они принялись расстреливать фрицев с разных сторон, не давая им времени опомниться. Сразу после начала стремительной атаки всполошившиеся «лаптежники» бросились врассыпную. Несколько особо упрямых попытались построиться в круг, за что тут же были наказаны. Не обращая внимания на удирающих бомберов, истребители дружно навалились на оставшихся и совместным огнем сбили одного из них. После этого у немцев героев уже не осталось, и через минуту над Торопцом не осталось ни одного вражеского самолета. С исчезновением «юнкерсов», затихшее ненадолго сражение возобновилось с прежней силой.

В то время как мы выкуривали немцев на своем участке, наши соседи справа прошли через Вознесенское кладбище и заняли западную окраину, застроенную в основном деревянными домами. Там они соединились с партизанским отрядом, который наше командование привлекло к штурму города. Теперь направление наступления изменилось, и мы развернулись фронтом на восток, чтобы освободить центр города. Прямо перед нами находилась церковь. Если верить карте, Казанская. Она возвышалась над окрестными домами и, естественно, немцы сделали ее своим опорным пунктом. Выбить их оттуда с ходу не представлялось возможным. Древнее здание, очевидно, построенное еще в допетровское время, хотя и было украшено красивым декором, но своим видом больше напоминало крепость. О его церковной принадлежности говорила только маленькая главка с луковкой, венчавшая крышу. Массивно-тяжелая, квадратная в сечении башня и толстые стены как будто специально планировались для обороны. Вполне возможно, что при его постройке действительно учитывалась такая возможность. Тогда недалеко отсюда проходил рубеж русских земель, и над городом постоянно висела угроза нападения поляков или шведов.

Собрав командиров взводов, я стал разрабатывать с ними план атаки.

– Может, запросить артподдержку, – предложил Кукушкин. – Здание высокое, корректировщику батареи оно должно быть видно, так пусть накроют его гаубицами.

Разрушать памятник архитектуры, переживший недавнюю борьбу с религией, очень не хотелось. Кстати, в этом небольшом городе, с населением всего пятнадцать тысяч человек, насчитывалось с десятков каменных церквей, хотя наверняка большинство из них было закрыто. Впрочем, разрушить его не так-то и просто.

– Нет, – отклонил я предложение младлея. – Эти стены 105-миллиметровые снаряды не возьмут. Придется брать штурмом. В принципе, ничего сложного. Согласно донесениям, там засело не больше пяти-шести фрицев. Установим пулеметы в ближайших зданиях и не дадим им даже носа высунуть оттуда.

Исправных пулеметов, относительно свободных и снабженных боекомплектom, нашлось целых шесть штук. Остальные были очень нужны на других участках, и снимать их оттуда не стоило, да и полдюжины вполне достаточно. Из тыла к нам все время приносили новые

ящики с боеприпасами, так что патроны можно было не экономить. Пулеметчики держали под прицелом окна храма и придела, стреляя, как только замечали малейшее шевеление. Два ротных миномета засыпали минами подходы к храму. Вряд ли они могли нанести какой-нибудь ущерб немцам, но такая задача им и не ставилась. Дымом от взрывов мин заволокло окна, ограничивая фрицам обзор, а большего и не требовалось.

Под таким прикрытием десяток красноармейцев смогли подбежать к церкви. Минометный обстрел прекратился, но пулеметы продолжали строчить, перейдя на огонь длинными очередями. Окна были закрыты решетками, но подойдя к ним вплотную, бойцы смогли забросить в них гранаты. Сержант, руководивший штурмом, помахал над головой руками, подавая знак пулеметчикам, чтобы они прекратили огонь. Примерно полминуты ничего не происходило, но, судя по всему, сержант вел переговоры с оставшимися в живых немцами. Скорее всего, его лексикон ограничивался простейшими фразами, но этого оказалось достаточно. Сначала медленно открылась дверь придела, и оттуда на четвереньках выползла серая фигура немца. В бинокль мне было видно, что он весь вымазан в крови, и наверняка не только в чужой. Затем из другой двери, ведущей уже в основное здание церкви, вывалилась тушка второго немца, тоже явно не похожего на целого и невредимого.

Заходить внутрь сержант пока не спешил. Сначала внутрь полетела очередная партия гранат, а уже потом туда ворвались бойцы с автоматами. К счастью, никаких сюрпризов там не осталось, и вскоре в этом важном опорном пункте расположились наши пулеметчики.

Между тем наладилась ситуация и на левом фланге. Второй роте пришлось атаковать площадь, на которой находилось сразу два храма, чьи ступенчатые силуэты возвышались над домами метрах в трехстах от нас. Однако, после того как артиллерия подавила последний вражеский пулемет, немцы не стали там задерживаться и отошли.

Третьей роте, продвигавшейся справа от нас, пока еще не удалось завладеть мостом, но зато она могла держать под прицелом все подходы к нему. Так что фрицы не могли ни получить подкрепления с того берега, ни отступить.

Безысходность ситуации стала для противника очевидной, и постепенно перестрелка начала стихать. Бросая оружие, немцы выходили с белыми флагами и поднятыми руками. Мост через Торопу противник взорвать не успел, и наши разведчики спокойно перешли на южный берег реки. Согласно их донесениям, в заречной части города врагов уже не осталось, так что сражение можно было считать законченным.

* * *

После боя ординарец подвел ко мне интеллигентного вида человека средних лет, с висющим на плече трофейным карабином и держащим в руках старую «мосинку».

– Это товарищ Коробов, – представил он мне его. – Участник партизанского движения, кандидат в члены ВКПб и к тому же очень образованный человек. Рекомендую взять его к нам на должность политического руководителя.

– Подождите, пожалуйста, в сторонке пару минут, – обратился я вежливо к новичку, а Авдееву яростно зашептал: – Я не против того, чтобы взять его в отряд, но зачем нам политрук, мы же раньше обходились без него.

– Вы там за границей были не совсем в курсе происходящего, – терпеливо начал объяснять чекист, – и наверно, привыкли к распространенному клише о злобных комиссарах. Политруки заботятся о личном составе, а в бою вдохновляют бойцов своим примером. Пока рота была маленькая и командного состава не хватало, на отсутствие политрука внимания не обращали. Но теперь вам не отвертеться.

– А как же в других странах? Вот англичане обходятся без политработников, и ничего.

– Действительно, ничего, – фыркнул сержант. – После первых же сражений они пошли сдаваться или бросились бежать домой, хотя вместе с французами их было гораздо больше, чем немцев. Только представьте себе, всего за несколько недель полтора миллиона этих союзничков сдалось в плен. Вояки хреновы. И в Африке Роммель своими немногочисленными частями гоняет их в хвост и в гриву. Мы хоть и отступаем, но от превосходящих сил противника, в отличие от британцев.

– Ладно, пусть зачисляют Коробова в роту. Кстати, а почему именно его? Ведь мой замполит должен быть хорошо проверенным человеком.

– Есть целых три причины. Товарищ Коробов воевал в партизанском отряде и показал себя очень хорошо. Кроме того, как я уже сказал, он кандидат в члены ВКПб. Вот его кандидатская карточка, которую он сохранил даже в оккупации. Ну и наконец, товарищ Коробов по матери еврей. Так что в случае, если он попадет в плен, немцы почти стопроцентно не будут пытаться с ним сотрудничать, а сразу расстреляют. *Мы*, – это слово гэбэшник выделил, – стараемся по возможности ограничить ваш круг общения. Особенно с командирами, которые в случае попадания в плен будут тщательно допрашиваться врагом. Так что такой надежный человек как раз подходит на эту должность.

– Значит, они стараются, чтобы я поменьше контактировал с нашими офицерами? Так вот почему из всех артиллеристов я все время сталкиваюсь именно с Гусевым. Действительно, мог бы и раньше сообразить, что это не случайность.

– Ну ладно, зачисляйте его в штат, но сразу предупреждаю, пусть в мои дела не вмешивается, и всякими там политинформациями красноармейцев не загружает.

Коробов вкратце рассказал нам, что творилось в захваченном фашистами городе. Пять дней назад немецкий комендант приказал переселить всех евреев в один квартал и заставить их носить нарукавные знаки. Что должно было последовать дальше, мы все прекрасно понимали. Там, где у немцев имелось достаточно времени, все еврейское население уничтожалось полностью. На самого Коробова никто не наступал, хотя он проходил у фашистов сразу по двум статьям – и как еврей, и как партиз. Отчасти это произошло, потому что он работал учителем и пользовался большим уважением. А отчасти из-за того, что внешность и фамилия у него были самые что ни на есть обычные. Свою национальность, которая значилась в паспорте и соответственно во всех списках, он указывал по отцу – «русский».

– А как же немцы тогда узнают, что вы еврей и что с вами сотрудничать нельзя?

Политрук с чекистом смущенно переглянулись.

– Ну, как бы вам это сказать поприличнее, – замялся Авдеев. – Для этого фашисты проводят, так сказать, медосмотр пленных.

– И что?

Коробов слегка покраснел и быстро затараторил:

– Это еще до революции было. И моего согласия не спрашивали. Да я вообще тогда еще младенцем был.

Только теперь я наконец додумался, в чем тут дело. Если человеку делали обрезание, то с точки зрения фашистов его надо уничтожить, и никакие документы тут ничего не докажут.

Охрану города возложили на другие части, а нам предоставили право отдохнуть. Пасмурная погода, стоявшая сейчас, авианалетам не способствовала. Поэтому вместо того чтобы спрятаться в подвале, мы заняли спортивный зал школы и собрались предаться любимому занятию солдат всех времен и народов, то есть вздремнуть. Отсутствие стекол в окнах нам не только не мешало, но даже успокаивало, так как позволяло держать под прицелом окрестности.

Проверив наличие личного состава и наскоро слопав содержимое консервы, на этикетку которой даже не взглянул, я наконец-то растянулся на спортивном мате, который нашел для

меня Авдеев. Сначала пытался проанализировать сегодняшний бой и попробовать понять, что было сделано неправильно и как нужно действовать в следующий раз. Увы, теоретических знаний для анализа явно не хватало. Вскоре усталость взяла свое, и я задремал. Но очень скоро заслуженный отдых прервал крик «Рота, встать, смир...»

Высочив в коридор, я увидел комбата, отчитывающего часового.

– Ты зачем орешь, не видишь, что ли, все отдыхают.

После этого Иванов прошелся по залу, приговаривая:

– Вставайте, ребята, готовьтесь, сейчас к нам гости придут.

Авдеев быстро среагировал на происходящее и потребовал отдать ему мою гимнастерку, а самому идти умыться. Наскоро приведя себя в порядок, я подошел к комбату, весело шутившему с сержантами.

– Сашка, ты чего такой недовольный? Город освобожден, потери небольшие, нас сейчас награждать будут.

– В том-то и дело, – тяжело вздохнул я, – что потерь много.

– Ты что, – изумился комбат, – в твоей роте сегодня только десять погибших и раненых, а ведь штурмовать пришлось город с каменными домами. Тут обороняющимся и доты не нужны.

– Одиннадцать, – машинально поправил я. – Ну да, немцев мы выбили. Но ведь тут располагались лишь тыловые части. Орудий, танков и пулеметов у них было мало, и нам удалось застать их врасплох. Опять-таки численное преимущество было за нами.

Тут не выдержал Кукушкин, который очень гордился своей первой большой победой, и поспешил вступить за нее:

– Так, товарищ командир, воинская наука как раз и сводится к тому, чтобы застать противника врасплох и сосредоточить силы так, чтобы получить численное преимущество над обороняющимися. – После двух дней боев младлей уже чувствовал себя бывалым фронтовиком и не стеснялся высказывать свое мнение. – Поэтому мы и взяли над противником верх.

– Здесь-то мы победили, – согласился я. – Но что мы будем делать, когда натолкнемся на подготовленную оборону?

Комбат заинтересовался, что скажет наш новый взводный, и кивнул Кукушкину, разрешая тому говорить. Мне тоже было интересно оценить уровень подготовки наспех обученного комсостава.

– Во-первых, оборона не может быть везде одинаково сильной, – не смущаясь внимания начальства, начал читать нам лекцию младлей. – Всегда есть слабые участки, которые и нужно найти. Во-вторых, мы сосредоточим в одном месте большую часть артиллерии дивизии, а то и армии. Только нужно это сделать очень скрытно. А после прорыва обороны мы введем туда подвижные соединения и окружим врага.

– Всё так и будет, – примирительно ответил я, – вот только нам надо немножко набраться опыта.

– В том-то и дело, Сашка, что у нас у всех опыта не хватает, – начал злиться на мою бестолковость Иванов. – Да, мы наверняка сегодня сделали много ошибок. И их можно было бы легко избежать, если бы все бойцы были хорошо подготовлены, а командный состав укомплектован так, как положено. Нужно, чтобы батальоном командовал какой-нибудь майор, прошедший одну-две войны, а ротой, соответственно, капитан. Я как старлей – взводом, а Кукушкина мы бы вообще отправили назад в училище доучиваться по полной программе. Вот тогда бы мы воевали так, как надо. Да только нет в стране столько подготовленного комсостава. Когда два года назад численность армии пришлось сильно увеличивать, опытных командиров из воздуха сделать никак не получилось. Тогда зеленым лейтенантам сразу роту доверяли. А с начала войны вон сколько народа было мобилизовано. Где же на всех бойцов командиров с боевым опытом взять? Так что, считай, что ты оказался на своем месте, иначе сегодня командовал бы ротой старшина или вот младший лейтенант. И ведь не только у нас нехватка кадров. Вот,

например, в 259-м полку, с которым мы Синичино захватили, командир батальона Морозов тоже старший лейтенант, и не кадровый, а из призыва.

Перепалку прервал вестовой, доложивший о прибытии начальства. Приехали к нам не кто-нибудь, а сам комдив и даже командующий соседней 29-й армией генерал Масленников. Кроме ордена Красного Знамени у комбрига Кончица еще появился новенький орден Ленина, а коробочки, которые держал в руках его адъютант, говорили о том, что он пришел к нам не с пустыми руками. У нашего комполка тоже сиял на груди новый орден. Хотя шпал на петлицах Козлова пока не прибавилось, но, судя по тому что его называли майором, начальство не забыло присвоить командиру очередное звание. Для освещения такого важного события к нам даже прислали корреспондента газеты «Правда», который представился как Кампов Борис Николаевич. Эта фамилия мне ни о чем не говорила, и я принялся рассматривать Масленникова. Прибыв для налаживания взаимодействия в расположение другой армии, он вел себя в гостях скромно, хотя его звание генерал-лейтенанта с тремя звездами в петлицах было на две ступени выше, чем у комбрига, носившего только один ромбик. Бросалось в глаза, что, в отличие от Кончица, у генерала на шапке вместо кокарды сияла алая звезда. Мне было интересно узнать, кто из них нарушает форму одежды, но спросить у кого-нибудь я постеснялся.

Тем временем комдив поблагодарил нас всех за хорошую службу и начал «раздачу плюшек». Комбат получил звание капитана и перешел в разряд старшего командного состава. За выдающиеся успехи в деле уничтожения врага ему вручили орден Боевого Красного Знамени. В ответ на возмущенный рокот, разнесшийся по залу, комдив улыбнулся и с хитринкой в глазах оглядел наши недовольные лица.

– Что, товарищи бойцы, считаете, что ваш командир заслуживает большего? И вы совершенно правы. Президиум Верховного Совета СССР разделяет ваше мнение и своим указом награждает капитана Иванова орденом Ленина, – после чего, забрав у адъютанта награду, приколол ее к гимнастерке обалдевшего Сергея, который даже забыл ответить, что служит трудовому народу. Приезжий корреспондент сразу вцепился в него и, отведя в сторонку, принялся расспрашивать, быстро чиркая карандашом в блокноте. Видимо, рассказ героя ему понравился, и он пару раз сфотографировал довольного Иванова.

В наградные листы я всегда старался щедро вписывать всех отличившихся. А так как трусов у нас не было, то практически все, с кем я начинал службу неделю назад, получили медали или даже ордена. То, что ходатайства рассмотрели так быстро, и списки не урезали, объяснялось не только моим особым положением, но и результатом всей операции. При успешном наступлении награды всегда раздавались не скупясь. Вот во время обороны, а тем более отступления, очень много подвигов, к сожалению, оставалось без награды.

Больше всего досталось Свиридову и Стрелину. Они получили «Знамя» вместе с внеочередным званием, соответственно лейтенанта и старшего сержанта. Возможно, дело в том, что помимо официальной аттестации на очередное звание, которое комбат оформил в обычном порядке, я еще попросил Соловьева пробить это решение по своим каналам. В результате их повысили в звании сразу дважды.

Теперь, вместе с политруком, в роте насчитывалось четыре офицера. Конечно, это еще не полный комплект, но неделю назад не было вообще ни одного. Бывший старшина протиснулся к моему ординарцу и шепотом стал просить у него наставление по тактике стрелковой роты с боевыми примерами. Эту книгу Авдеев просматривал в свободное время, что не ускользнуло от наблюдательного Свиридова.

Когда под конец церемонии вызвали меня, то Кончиц прозрачно намекнул всем, что мой случай рассматривается особо. А пока, чтобы не отставать от своих бойцов, старший лейтенант Соколов награждается медалью «За боевые заслуги». Не все из присутствующих были в курсе того, что у меня две фамилии, а о моей ведомственной принадлежности здесь знали человека три-четыре, не больше. Поэтому большинство присутствующих решило, что речь идет о выс-

шей награде страны, которую мне скоро должны присвоить. Дивизионный особист по секрету шепнул мне, что лейтенанту госбезопасности Андрееву обязательно дадут орден, когда все документы утрясются.

Напомнив нам о необходимости обмыть награды, чтобы были не последними, начальство отправилось дальше. Иванов быстро хлопнул с нами по кружке и побежал во вторую роту. Она находилась далеко от нас, и по дороге к ней делегация должна была посетить другие подразделения. Корреспондент тоже отправился вместе с ним, чтобы посмотреть на очередных героев. Соловьев проводил его взглядом и довольно улыбнулся.

– Этот напишет, как надо, он сам воевал в Финской войне. Хорошо, что именно его прислали. Полевой, слышали о таком?

– Кто? – Я так резко повернулся, что капитан схватился за пистолет и приготовился бежать вдогонку за корреспондентом.

– Полевой. А что он натворил?

– Не натворил, а написал. Вернее напишет. «Повесть о настоящем человеке». Хотя, наверное, этой книги уже не будет.

Вытянув из меня подробности, Соловьев загорелся этой идеей и пообещал, что хотя бы одному летчику с ампутированной ногой разрешат летать.

Посмотрев на гордые лица орденосцев и восхищенные взгляды новичков, я отказался от мысли выпасться и начал составлять список отличившихся за последние два дня. Чем раньше отправлю наградные листы, тем быстрее награды найдут достойных.

Солдатам тоже уже было не до сна. Настроение у всех стало не просто приподнятым, а даже праздничное. Освобожденный нами город, торжественная церемония, очень редкие в 1941 году награды. И, наконец, не меньшая радость – нам пообещали к утру устроить баню и дать время на отдых.

Глава 12

26 сентября

Сталин уже несколько минут перечитывал короткое сообщение, состоявшее всего из двух строчек, пытаясь оценить все последствия того, что он только что узнал:

*«Гестапо и фельджандармерии известно о ст. л. Соколове, 179 сд.
Гейдрих пока не знает.
Начало – 2011. Завершение – через 3 или 4».*

Наконец он поднял глаза и спросил Берия, стоявшего перед ним навтыжку в ожидании разноса:

– Лаврентий, откуда эта информация?

– Из Швейцарии. К нашему военному атташе обратилась дама, представившаяся женой агента А-201, Вилли Лемана, занимающего достаточно высокий пост в гестапо. У нас есть ее фотография, и под описание она подходит. По ее рассказу, она заучила текст сообщения и написала его собственноручно, уже находясь в Берне. На отдельном листе Леман написал, что сообщение, переданное его женой, настоящее. Я считаю, что агенту доверять можно, вот только у нас нет каналов связи с ним. Мы попробуем подготовить и послать к нему связных, но на это потребуется время.

От волнения Сталин поднялся со стула и начал вышагивать по кабинету, заложив руки за спину.

– Ну что же, Лаврентий. В любом случае информация-то верная, а значит, в гестапо действительно всё знают. Вряд ли им имеет смысл затевать такую сложную игру. Андреев ничего не рассказывал об этом агенте?

– Нет, но особист дивизии побеседует с ним. Может, он что-нибудь и вспомнит.

– Ладно, успокойся, пока ничего страшного не произошло. Подготовка наступления германской армии продолжается на направлениях, указанным Андреевым, хотя им уже должно быть ясно, что мы знали об их планах. Пусть Генштаб подумает, какую дезинформацию лучше подкинуть немцам. А ты должен придумать, как ее передать этим фельджандармам в Великие Луки, которые сумели пронюхать о нашем секрете.

Сталин наконец успокоился и начал закуривать трубку.

– Ох, как я не любил царских жандармов, Лаврентий. А эти, немецкие, намного хуже.

– Наши бойцы их тоже не любят и в плен не берут, – заметил Берия. – Эсэсовцев еще могут взять, а этих и фельдполицаев сразу расстреливают.

Вождь выдохнул ароматный дым и усмехнулся.

– Жаль только, что пленных мы взяли пока очень мало. Ну ничего, еще до конца года у нас их будет столько, что немцы начнут выдавать своим полициям и жандармам по два комплекта документов. Ну всё, можешь идти.

Нарком НКВД поспешно ушел, обдумывая на ходу план действий.

* * *

Когда Гущенко заявил, что в Панаме у Советского Союза много друзей, которые без труда проведут операцию, он, конечно, немного преувеличивал.

В СССР жило немало испанцев, эмигрировавших из своей страны после победы франкистов. Нескольких из них, имевших опыт подрывного дела, планировалось доставить на самолете в Мексику, откуда они, сменив паспорта, смогут переправиться в Панаму. Зона вокруг канала входила в юрисдикцию США и охранялась американскими войсками. Но там постоянно

требовались рабочие, и за небольшую взятку вполне можно было устроиться на работу. Еще несколько надежных человек было найдено по линии Коминтерна. Но все-таки для полномасштабной операции этого было маловато. Если бы в запасе имелся хотя бы год, то можно было бы планировать любую акцию, а так все приходилось делать в спешке.

Разработать план всей операцией поручили большому специалисту по диверсионной работе полковнику Старинову Илье Григорьевичу, прославившемуся в Испании под именем товарища Рудольфио. Ему пришлось внимательно просмотреть отчеты российских инженеров Тимонова и Ляхнитского, присутствовавших при строительстве канала и подробнейшим образом все описавших. Черновики их записей, в которых тоже могло содержаться что-нибудь важное, не вошедшее в основной отчет, были срочно доставлены на самолете из Ленинграда.

Идея взорвать шлюзовые ворота во время прохождения через них судна, начиненного взрывчаткой, была Стариновым отклонена. Даже если в оставшееся до операции время удастся зафрахтовать корабль, начинить его взрывчаткой, которую еще надо где-то найти и доставить, то продолжительного эффекта это не даст. Все, на что можно рассчитывать, это повредить ударной волной сразу обе пары ворот в шлюзе. Но в этом случае ремонт много времени не займет. Имея готовые чертежи шлюзовых ворот и механизмов, американским инженерам удастся очень быстро изготовить новые и установить их на место. Рассчитывать на то, что вода из озера выльется через открытый шлюз, также нельзя. На этот случай построены запасные запруды, закрываемые предохранительными затворами, перегораживающими поток воды.

Что еще хуже, невозможно согласовать по времени проход корабля по каналу и начало основной операции, проводимой японцами. Они вполне могут не известить заранее о времени атаки. Если американские солдаты, охраняющие канал, узнают о начале войны, то они усилят бдительность и могут тщательно обыскивать все проходящие суда.

Но даже точно зная о времени нападения, нельзя заранее угадать, когда корабль подойдет к нужному месту. Движение по каналу осуществляется в порядке очереди, причем, хотя двойные шлюзы позволяют пропускать суда одновременно в обоих направлениях, но на практике так не делается. Поэтому точность прогноза составляет плюс-минус несколько часов. Опоздание опасно, но и взрывать раньше ни в коем случае нельзя, так как в генштабе США сразу поймут, что против них начали войну. По всем гарнизонам объявят боевую тревогу, и «основная» операция будет сорвана.

Чтобы вывести канал из строя надолго, нужно взорвать плотины, тем самым сделав несудоходным фарватер канала, проходящий по искусственным озерам. Всего в зоне канала находится три плотины: Гатун, Мирафлорес и Мадден, построенная совсем недавно. Учитывая сжатые сроки операции, придется ограничиться только самой важной из них – Гатунской. Эта плотина, перегородившая русло реки Чагрес, наполняет водой озеро Гатун, через которое проходит основной участок пути. Если ее взорвать, то можно будет остановить судоходство почти на год.

Неважно, сколько времени будут ремонтировать плотину – месяц или полгода. В декабре начинается сухой сезон, который продлится до мая. Чтобы набралось достаточно воды для того, чтобы озеро стало судоходным для больших кораблей, нужно будет ждать до осени. Правда, когда озеро наполнялось первый раз, понадобилось четыреста дней. Но тогда был очень засушливый год, да и часть воды сейчас наверняка останется. Американцы не будут сидеть сложа руки, а сразу же начнут заделывать пробоину чем только можно – камнями, бетонными блоками, мешками с песком или цементом. К тому же выше по течению реки Чагрес имеется достаточно большое водохранилище Мадден, вода из которого тоже будет использована.

Вот только здесь есть одна маленькая проблема, над которой Старинов и ломал голову последние сутки. Ширина плотины у основания составляла больше трехсот метров, у среза воды – сто метров. Правда, в верхней части она суживалась «всего лишь» до тридцати, но ведь задача состоит не в том, чтобы прервать движение по гребню плотины. Необходимо спустить

воду из водохранилища, а значит, пробивать отверстие нужно именно в нижней части дамбы. Но это лишь половина проблемы. Площадь озера Чагрес составляет примерно 430 квадратных километров, и запасы воды в нем очень большие. По самым скромным расчетам, требуется спустить в океан минимум два миллиарда кубометров воды, а значит, ширина отверстия в плотине должна быть не меньше ста метров.

При современном уровне взрывчатого дела такая задача просто невыполнима. Нет, конечно, если завезти тысячу тонн взрывчатки и заложить ее в вырытые шурфы, то проблем не будет. Но для небольшого диверсионного отряда такой вариант совершенно не подходит.

Размышляя, полковник снова вернулся к идее подрыва корабля, начиненного взрывчаткой. Гатунский шлюз проходит вдоль края плотины. Если погрузить в корабль несколько тысяч тонн селитры и продумать расположение зарядов взрывчатки, то взрыв будет достаточно мощным. Однако разрушить плотину он все равно не сможет. Разумеется, вода хлынет через разрушенные стенки канала, но поток будет недостаточно большим, чтобы слить все озеро за несколько дней.

Еще один вариант – заложить динамит на склоне высокого холма, возвышающегося над Кулебрской выемкой, и устроить обвал, также нельзя назвать перспективным. Взрывчатки понадобится много, а расчистят завал максимум за неделю.

Единственным относительно уязвимым местом оставалась система водослива. Его двухсотметровая плотина содержала четырнадцать огромных ворот, предназначенных для сброса излишка воды во время дождливого сезона.

Илья Григорьевич расстелил на столе очередную схему и начал делать на ней пометки. Самый простой вариант – это захватить управление воротами, опустить их полностью, а затем уничтожить всю систему управления. Но в этом случае и результат будет достаточно скромным. Уровень озера упадет до девяти метров, вместо минимально необходимых двенадцати. Но ведь еще останется водохранилище Мадден, спуск которого позволит поднять уровень воды в Гатуне. Даже с учетом того, что много воды тратится для работы шлюзов, движение судов среднего тоннажа будет вполне возможно. А если канал закроют для гражданских судов, то в ближайшие месяц-два по нему сможет пройти даже линкор. Правда, потом из-за испарения и утечки воды он опять станет непроходимым для крупных судов, до тех пор, пока в дождливый сезон уровень воды снова не поднимется.

Старинов со вздохом затушил очередной окурок и снова зарылся в чертежи и схемы, надеясь найти ахиллесову пяту проклятого канала.

* * *

Свое обещание командование выполнило. Были у нас и парилка, и отдых, вот только очень короткий.

После боев в городе осталась одна уцелевшая баня с запасом угля и даже с работающим водопроводом. По меркам войны роскошь просто немыслимая. Поэтому распределением очереди в нее занимались буквально на дивизионном уровне.

Организовать процесс гигиенических процедур для личного состава, естественно, поручили Свиридову, и он взялся за это дело по-хозяйски. Сразу вспомнив все свои старшинские навыки и умения, он, пока мы спали, достал где-то коробку мыла, чистое белье и даже березовые веники. Подозревая, что мой ординарец не простой человек, а персона, с которой считается даже особист дивизии, лейтенант безжалостно растолкал Авдеева и послал к Соловьеву, чтобы через него выбить нам льготные условия помывки. Как результат его титанических усилий, рота вместо одного часа банного времени получила целых полтора. Сложная дилемма, запускать личный состав в два приема, чтобы каждому досталось больше времени в парилке,

или в три, чтобы было не так тесно, была решена им просто. Логика подсказала умудренному жизнью солдату, что лучше растянуть удовольствие, а к тесноте нашим людям не привыкать.

К счастью, начсоставу полагался отдельный закуток, так что толпиться вместе со всеми мне не пришлось. Горячая вода, настоящее мыло и мочалка сделали жизнь неописуемо прекрасной. Радостный гомон довольных бойцов по своим децибелам, наверно, не уступал артиллерийской канонаде, и если бы меня не обязывало положение, я бы тоже кричал от радости. Дело было не только в том, что нам приходилось много пачкаться и мало мыться. В книжках про попаданцев об этом обычно не пишут, но за неделю пребывания на фронте любой человек многократно подвергается нападениям мелких кусачих насекомых, от которых невозможно спрятаться. До сих пор меня вырочала только вонючая жидкость, которую Авдеев выдавал без ограничений. Но запах от нее был такой, что аппетит он мне отбил основательно. Так что порой меня одолевали сомнения, не тот ли это случай, когда лекарство хуже болезни. Впрочем, через несколько дней я привык и перестал обращать внимание на ставшие привычными ароматы.

Освежившись, надев все чистое и приняв свои законные фронтовые сто граммов, которые нам задолжали еще со вчерашнего дня, народ решил культурно отдохнуть. Как нам сообщили, за ночь фронт отодвинулся еще на десяток километров, и больших сил у врага нигде не наблюдалось. Так что многих солдат, которые изъявили такое желание, отпустили в самую настоящую увольнительную, правда, очень короткую, всего на несколько часов. Сразу с десяток бойцов помоложе, прихватив гармонику, направились в медсанбат, который за ночь успел развернуться на новом месте. Повод для визита был вполне приличный. Нужно было проверить, как там устроили наших комсомолок, которые за вчерашний день успели стать для нас боевыми товарищами. Одна из них даже успела поймать шальной осколок и из разряда санитарок перешла в раненые, за что комбат пообещал ей медаль.

Оставив Стрелина за командира, так как Свиридов был занят решением вопросов снабжения, я в компании Кукушкина, политрука и ординарца отправился побродить по Торопцу. Это был первый город в прошлом, который мне довелось осмотреть, и для меня все было страшно интересно. Вчера, в горячке боя, времени, чтобы любоваться архитектурой XVII века, великолепные образчики которой здесь имелись повсюду, у меня, естественно, не было.

Не спеша мы бродили по улицам. Разрушений было сравнительно мало, так как массированным бомбардировкам и артобстрелам город не подвергался. На улицах появились жители. Некоторые начинали ремонтировать свои дома, другие стояли возле полевых кухонь, которые командование выделило для местного населения.

Кукушкин, который, как я понял, вырос в таком же маленьком городке, восхищенно охал, рассматривая многочисленные каменные дома. Коробов, прекрасно знавший свой город, взял на себя роль экскурсовода и пояснил, что в Торопце раньше жило очень много богатых купцов. Местные легенды даже гласят, что именно по настоянию торопчан императрица Елизавета отказала английским купцам в их просьбе торговать с Востоком через Россию. Пользуясь удобным расположением города, жители богатели и на месте своих старых деревянных домов выстраивали новые каменные. Поэтому здесь есть целые улицы, почти сплошь состоящие из каменных построек восемнадцатого века. Некоторые купцы возводили даже двухэтажные хоромы. Иногда, если денег не хватало, то второй этаж строили из дерева. Часто заказчики отличались хорошим вкусом и украшали фасады домов великолепным декором, узор которого мог быть скопирован с оформления какой-нибудь церкви.

В один из таких домов нас позвали местные жители, которые радовались возвращению своих. Нас даже пытались чем-то угостить, но мы, конечно, отказались. Младлей достал из под-сумки консервы и шоколадку и вручил их детишкам, донельзя обрадованным такому подарку. Мне стало очень досадно, что я сам не догадался прихватить что-нибудь вкусное. На вопросы,

долго ли еще будем воевать, я привычно отвечал короткими фразами о том, что придется еще потерпеть.

На улицах все чаще попадались энкавэдэшники, которые вместе с представителями общественности составляли списки жителей и определяли порядок эвакуации. В первую очередь вывозить будут тех, кто подвергся наибольшей опасности в случае повторной оккупации города: сирот, семьи военнослужащих, интеллигенцию, евреев. На станции уже развернули эвакуационный пункт, но погрузка в эшелоны начнется только ночью.

Во время обеда мы начали строить планы на ближайшее будущее, гадая, оставят нас здесь или отведут в тыл. Но оказалось, что не то и не другое. Батальон срочно построили и отправили на новые позиции, готовить себе линию обороны.

Несколько дней мы занимались тем, что копали, копали и копали. Окопы, блиндажи, ходы сообщений, противотанковые рвы, ямы для дзотов. Чтобы однообразные занятия не надоёдали бойцам, нас еще развлекали заготовлением бревен. Пилами и топорами красноармейцы валили деревья, обрубали на них ветки и, не снимая коры, подтаскивали получившиеся корявые бревна к строящимся укреплениям. На узких лесных тропинках делали самую настоящую засеку, сваливая деревья крест-накрест.

Все уже твердо знали, что скоро на нас пойдут танки, поэтому, несмотря на смертельную усталость, отдыхать никто не просился. Перерывы делали, только чтобы поесть. Учитывая, что все занимались тяжелой работой, командование расщедрилось и досрочно перевело нас на зимнюю норму питания, которая нам полагалась только с первого октября. Правда, каша в полевых кухнях по-прежнему была только двух видов – пшенная и овсянка. Но я не обращал внимания на скудность меню, а из моих сослуживцев никому и в голову не приходило привередничать. Главное, что кормят пока досыта. Даже не обладая моими знаниями о будущем, все понимали, что после потери западной части страны, где остались большие продовольственные запасы, нам скоро придется подтянуть пояса потуже.

По самым оптимистичным расчетам, немцы начнут здесь наступление не позже 5 октября. Наши небольшие подразделения не смогли бы приготовить фортификационные сооружения за такой короткий срок, но местность была очень удобной для обороны. Многочисленные озера, болота и леса оставляли проходимыми для техники только узкие участки, которые мы и перегораживали своими наспех возведенными укреплениями.

Соловьев регулярно докладывал мне о пополнениях, которые мы получали. Нашей армии добавили два противотанковых артполка, сформированных из зенитных орудий московской ПВО. На самом деле они еще не были укомплектованы даже наполовину. Полки, созданные в первую очередь, отправляли на те участки фронта, где наступление начнется раньше. Но оставлять нас без противотанковой артиллерии было нельзя, поэтому нам и достались недоукомплектованные части.

Ситуация на нашем участке фронта в это время была следующей. После разгрома двух немецких дивизий и угрозы выхода в тыл германским войскам, командование 23-го армейского корпуса приказало 256-й дивизии оставить свои позиции и отойти на юг к железной дороге, развернувшись фронтом на север. Пока они организованно отходили, наши войска просто шли вслед за ними, не имея достаточно сил, чтобы атаковать. Но в тот же день, когда мы штурмовали Торопец, несколько наших батальонов вместе с партизанами смогли незаметно пройти лесами и внезапным ударом захватить городок Старая Торопа. Всю ночь к нему перебрасывались резервы, и когда утром немцы попытались его отбить, их встретило сильное сопротивление. После этого удержание участка железной дороги потеряло для немцев всякий смысл – снабжаться по ней они не могли, а в наш гарнизон припасы доставлялись через Торопец.

Поэтому противник предпочел отступить еще на десяток километров к югу, к расположенной там цепочке озер, закрепившись на которых, можно было легко обороняться.

К западу от Торопца и Старой Торопы немцев практически не оставалось, так как все их резервы и тыловые части были брошены на защиту Великих Лук. Поэтому буквально за один день наши войска прошли еще километров на пятнадцать на запад. Дальше продвигаться не стали, так как наши порядки сильно растянулись, а основная задача наступления была выполнена. За Западной Двиной образовался огромный плацдарм, с основанием шириной километров шестьдесят и глубиной сорок. К западу он постепенно сужался и наклонялся к югу, а его острие было направлено прямо на Великие Луки. Мифическая армия, которая якобы готовилась к дальнейшему наступлению, должна была располагаться в Торопце и его окрестностях, достаточно далеко от линии фронта, чтобы разведка противника не могла ее обнаружить. Учитывая, что в этой «Торопецкой дуге» еще находились дивизии 22-й и 29-й армий, вполне логично было ожидать от противника коварных ударов с флангов, которые должны были сомкнуть кольцо вокруг них. Ни один генерал не откажется от возможности окружить такую большую группировку войск, которая сама залезла в ловушку. А для того, чтобы наши армии не успели ускользнуть из приготовленного мешка, противник обязательно постарается использовать механизированные части, что нам и требуется.

Зная ход войны в моей истории, я мог точно сказать, что удар будет только один – с юга. Нам повезло, что наше наступление пришлось как раз на стык групп армий «Центр» и «Север». Если внутри армейской группы взаимодействие было очень хорошо налажено, то ожидать помощи от Лееба, который занят выполнением своей задачи, фон Боку не приходилось. Самая крайняя дивизия группы «Север» – 253-я пехотная отошла назад и развернулась к югу, сильно растянув свои порядки, чтобы образовать фронт против наших прорвавшихся войск. С этой стороны подлянки можно не ожидать до тех пор, пока немцы не возьмут Ленинград, чего, естественно, никогда не произойдет. Ведь у Лееба сравнительно мало механизированных соединений, местность для наступления неудобная, а ясно обозначенное направление нашего прорыва ему ничем не угрожало.

Вопрос лишь в том, в каком направлении будет развиваться наступление. Самый очевидный вариант – это ударить в северном направлении, чтобы срезать основание Торопецкого выступа. Другой возможный вариант – сначала на северо-восток, а затем, развернувшись на северо-запад, завершить глубокий охват наших войск. Но в этом случае наступающим немецким частям предстоит пройти длинный путь, и потребуются больше войск, а в преддверии «Тайфуна» немецкое командование вряд ли сможет выделить много дивизий для этой операции. К тому же даже успешное продвижение по такому длинному маршруту займет не меньше недели, а за это время советское командование успеет вывести свои войска из наметившегося котла. Но на всякий случай оборонительные рубежи на этом направлении тоже готовились.

Нашей дивизии предстояло защищать участок между городами Старая Торопа и Западная Двина, примерно в десяти километрах к югу от железной дороги. Нам было бы гораздо удобнее обороняться, если бы мы смогли продвинуться еще километров на двадцать дальше на юг. Там река Западная Двина делает крутой поворот, образуя полуостров, ограниченный с запада большими озерами. Но этот участок охраняет полнокровная немецкая дивизия, и нашим немногочисленным войскам ее оттуда не выбить. До сих пор нам приходилось сталкиваться только с разрозненными очагами сопротивления, слабыми и зачастую не имевшими общего командования. Там где возможно, наши соединения просачивались в промежутки между опорными пунктами противника, стараясь без необходимости не атаковать их в лоб. Но здесь пришлось бы столкнуться с организованным сопротивлением и подготовленной огневой системой.

Даже если допустить, что мы сможем сосредоточить здесь больше сил и выдавить врага на южный берег реки, то это будет стоить нам больших потерь. Кроме того, на эту операцию уйдет много времени, и к началу «Тайфуна» мы не успеем подготовить линии обороны. Поэтому, наткнувшись на упорное сопротивление километрах в десяти от железной дороги, советское командование решило дальнейшее наступление в этом направлении прекратить.

Еще перед началом строительства оборонительных сооружений комдив предупредил, что раньше чем в начале октября цемент нам выделить не смогут, но тогда он уже станет не нужен. На броневые колпаки для дотов рассчитывать тем более не следует. Так что планировать можно только деревянно-земляные укрепления.

Когда командир полка обсуждал совместно с нами план оборонительных линий, я предложил сооружать для всего личного состава блиндажи, выдерживающие прямое попадание 150-миллиметрового снаряда или, в крайнем случае, 105-миллиметрового.

В ответ на мои наивные пожелания майор объяснил, что он желает сберечь личный состав не меньше, чем я, и предпочел бы сделать каждому персональный бункер, не пробиваемый любым оружием.

– Но давайте посчитаем, – продолжал он терпеливо, как учитель, объясняющий школьникам теорию относительности. – Чтобы перекрытие выдержало попадание снаряда 105-миллиметровой гаубицы, его нужно сложить из бревен общей толщиной полтора метров. Допустим, мы успеем за оставшиеся дни заготовить нужное количество бревен и сложить из них укрытия, хотя столько времени германцы нам и не дадут. Но ведь мы планируем не одну оборонительную линию, а как минимум несколько. То есть к началу немецкого наступления работы не только не будут закончены, а только едва начаты. Так что придется ограничиться крытыми щелями с противоосколочным покрытием толщиной примерно полметра. Не забудьте, что нам еще предстоит большой объем земляных работ, а также установка маскировки.

Я прикинул, что начав работу двадцать шестого сентября, мы сможем рассчитывать максимум на восемь дней, включая сегодняшний.

– А сколько мы сможем сделать за одну неделю?

– По нормативам как раз неделя и требуется, чтобы создать одну полноценную линию укреплений – хорошо замаскированную, с блиндажами, с ложными сооружениями, отсечными позициями и всем прочим.

Увидев мое вытянувшееся лицо, майор меня успокоил:

– Но это при нормированном рабочем дне, а мы будем работать все светлое время суток. Опять же, тщательная отделка окопов не требуется. Сооружать в них настил, копать водоотводящие канавки и проводить прочие второстепенные работы мы также не станем. Если на нас бросят танки, то долго нам здесь все равно не продержаться, и придется отойти на следующую линию. А если наступление отложат, то мы спокойно все доделаем. Еще один положительный момент это то, что в данной местности не нужно создавать сплошную линию фронта и достаточно оборонять проходы между озерами и болотами. В густых лесах, непроходимых для техники, мы будем ставить небольшие заслоны. Поэтому плотность обороны будет высокой, и каждому подразделению придется копать намного меньше окопов, чем обычно.

– Сашка, не волнуйся, – успокоил меня комбат. – Все успеем выкопать, а леса здесь сколько угодно.

– К тому же без помощи нас не оставят, – заверил Козлов. – Нашей дивизии выделяют одну саперную бригаду из состава второй саперной армии.

– Какой армии? – переспросил я.

– Саперной, – повторил комполка. – Их только начали формировать, поэтому ни грузовики, ни тракторы саперам еще не дали, только немного гужевого транспорта. Но зато у них имеется много топоров, кирок, лопат, пил, ломов, рукавиц и даже фортификационной прово-

локи, необходимой для скрепления бревен. Всем этим они поделились с нами, и эта помощь пришлось очень кстати. Ведь полковые запасы имущества были брошены во время августовского отступления, осталось только то, что хранилось на дивизионных складах. Так что своего шанцевого инструмента нам бы не хватило.

– Это хорошо, – послышались одобрительные возгласы, – маленькой лопаткой много не накопишь.

– Всего в бригаде насчитывается десять тысяч человек, – продолжал майор, – в основном нестроевые или не попавшие в действующую армию по возрасту. Вместе с ними мы за неделю перекроем здесь все проходы своими укреплениями, а после начала немецкого наступления они будут готовить нам запасные рубежи.

– Это уже обнадеживает. Помнится, в нашей истории саперные армии сформировали лишь ближе к зиме, когда немецкое наступление уже выдохлось.

– С нас взамен потребовали обеспечить их личный состав оружием, – продолжал Козлов. – Они просили только пятьсот винтовок для боевой подготовки и охраны, а мы дали им вдвое больше, чтобы отдариться.

Прояснив ситуацию, майор наметил план инженерной разведки, которая должна была предшествовать работам по созданию оборонительной полосы. Конфигурация местности не давала противнику особого выбора, и вероятных путей движения у него оставалось немного. Все они должны были перекрываться нашими фортификационными сооружениями. На танкоопасных направлениях наши оборонительные полосы должны были состоять из нескольких рубежей, позволяющих задержать наступление. Планировалось также создание ложных сооружений, предназначенных для того, чтобы принять на себя огонь вражеской артиллерии.

Первое, что комполка нам поручил, кроме разбивки линии окопов, это найти подходящие места для заготовки лесоматериалов. Деревьев тут хватает, но из-за многочисленных болот и топей вывезти бревна не всегда возможно. Поэтому для каждого рубежа придется искать новое место для лесозаготовок.

Еще одна проблема, которая требовала безотлагательного решения, это наметить сеть подъездных путей. Болотисто-лесистая местность имела неоспоримые преимущества при обороне, но они же оборачивались недостатками при организации снабжения. Немногочисленные дороги, существующие здесь, не позволяли обеспечить подвоз боеприпасов ко всем местам наших будущих позиций. Поэтому нужно будет наводить гати в болотистых местах, а кое-где в лесах прорубать просеки.

Честно говоря, когда мы начали работы, первое время пользы от меня было мало. Распределять бойцов по разным видам работ и заведовать инструментом я поручил Свиридову. Бывший старшина имеет в этих делах хороший опыт и прекрасно справится с организацией работ. Все, что от меня требовалось сделать, это показать, откуда и куда копать. Дальше командиры взводов уже сами наметили конфигурацию траншеи, помечая кольшками все повороты и места для стрелковых ячеек. Закончив с разбивкой окопа, приступили к трассировке, обозначив границы будущей траншеи неглубокими бороздками. Теперь уже можно было переходить к первоочередным работам.

Самой важной задачей, естественно, являлось сооружение туалетов, по одному на каждое отделение. Конструкция отхожего места была крайне простой и состояла из глубокой канавы, прорытой на дне траншеи, и двух жердей, укрепленных над ней. На одну нужно садиться, а на другую опираться спиной. Может быть, я придираюсь, но это сооружение не внушало мне доверия, и по моей просьбе на командном пункте возвели более привычный, классический вариант окопного туалета.

Тем временем бойцы снимали дерн, чтобы потом сложить из него бруствер и использовать для маскировки. Обычно его нарезали кусками и складывали в сторонке стопками. Там, где земля была помягче, дернину снимали широким пластом и сворачивали рулоном.

Дальше по порядку отрывали ячейки и щели, соединяли их между собой и выкапывали ход сообщения в тыл. Свиридов внимательно следил за тем, чтобы солдаты сильно не утомлялись и чередовали копание с более легкими работами, например, утаптыванием брустверов. Впрочем, этот вид работы тоже трудно назвать простым. Внутреннюю часть бруствера желательно было делать максимально крутой. Поэтому, чтобы она не осыпалась, ее складывали из дернин и укрепляли жердями.

Когда глубокие щели и блиндажи были выкопаны, уже привезли бревна. Для перекрытия узких щелей отпиливали короткие куски, а для блиндажей их обычно использовали целиком. Стволы толщиной меньше семнадцати сантиметров, так называемый накатник, шел на перекрытие ходов сообщения.

Узнав, что поблизости находится небольшой песчаный карьер, бывший старшина страшно обрадовался такой находке, хотя лично я не понимал, какой нам от этого прок, если цемента у нас все равно нет. Но оказалось, что польза есть, и немаленькая. Мешки с песком служат гораздо лучшей защитой, чем те же мешки, но наполненные землей. Поэтому, если появилась такая возможность, ею обязательно нужно воспользоваться.

Опасаясь, что несмотря на облачность, немцы вышлют авиаразведку, которая сможет заметить наши земляные работы, мы натягивали над окопами маскировочные сети, которых у нас имелось в избытке. Ими же накрывали повозки с бревнами. Впрочем, пасмурная погода с постоянно висевшими над головой тучами, активным полетам не способствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.